

СТАС ПОНОМАРЁВ

НОВОГОДНЕЕ БЕЗУМЦЕ

От автора

Эту историю я начал писать в конце 2011 года, в надежде на то, что закончу её к новому году. Оптимистично. В двух словах. Это – история с ярко выраженными сюжетами насилия в стиле «зомби». Присутствует чёрный юмор. Затронуты некоторые аспекты жизни в провинциальном городке и взаимоотношения его жителей, которые представлены в истории. Если ты александриец – тебе будет интересно пройтись вместе с героями по улицам твоего города, если нет – ты легко себе его представишь.

Заранее прошу прощения за неточности, касающиеся самой Александрии, а также её жизни. Спишем это на авторскую фантазию, хорошо? Ах да, и это – черновой вариант, которого не касалась рука литературного редактора.

Глава 1. ПРАЗДНИК К НАМ ПРИХОДИТ.

1

В ту обычную новогоднюю ночь с 31 декабря 2011 на 1 января 2012 года могло случиться всякое, как в разных романтических или сказочных новогодних историях. Но никто не мог и подумать, что в небольшом провинциальном городке будут происходить события как страшные, так и несколько забавные по своей сути.

Александрия, центр Украины. В тот год зима не особо порадовала жителей города снегом. Было его немного, но для Нового года это походило на издевательство. Впрочем, для этого региона Украины – это обычное явление. Мороз (если его можно было так назвать) сковал лужи в ямах на асфальте тонким слоем льда, для того чтобы небо припорошило их снегом. В предвкушении Нового года жители города весело бегали по магазинам, супермаркетам и рынкам. Они тратили в этот день огромные деньги только для того чтобы в итоге напиться в новогоднюю ночь, а следующие пару дней провести в весёлом и не очень похмелье.

Пестрели вывески супермаркетов, зазывая покупателей своими новогодними акциями, беспрецедентными скидками на шампанское и прочий алкоголь. В домах готовилось обязательное новогоднее блюдо – оливье, а в увеселительных заведениях – шоу-программы по поводу, наверное, самого главного праздника в году. Город ждал, город тратил. И хотя, как и всё хорошее, праздник быстро заканчивался, – к его приходу готовились основательно.

В тот весёлый новогодний вечер люди собирались компаниями, договаривались праздновать у друзей, соседей, в клубах, на снятых специально для этого квартирах и так далее. Целый день все бегали, готовили, шутили, возмущались на не новогоднюю погоду и никак не знали, что абсолютное большинство из них не доживут и до 2 января. Но так было задумано, и механизм уже был запущен.

Таймер, отсчитывавший запуск кровавого эксперимента, неумолимо щёлкал обратный отсчёт. И, как обычно бывает в фильмах, его можно было бы остановить. Но никто о нём не знал. Ни городской голова, ни даже губернатор. Даже если бы они были гуманными людьми и беспокоились о жителях города – всё равно они были не в силах остановить то, что должно было произойти.

* * *

Он волновался в тот вечер. Нет, не из-за того, что что-то чувствовал. Просто к нему сегодня должны вечером прийти гости. А точнее – гостья. Довольно молодая библиотечка из городской библиотеки им. Пушкина. Она была культурной, скромной, опрятной и умной. А главное – не замужем. Он тоже был холост. Возможно, в иное время они стали бы прекрасной парой, женились бы и обязательно нарожали бы детей, но судьба распорядилась иначе.

На часах было без двадцати семь, и у него, в общем-то, было всё готово. Но до её прихода всё равно было ещё целых два часа. Он удобнее уселся в кресло и щёлкнул пультом. По телевизору показывали очередной «новогодний шлак», как называл его один друг. Конечно же, его это не интересовало, но нужно было чем-то себя занять до прихода гостьи. А посреди зала стоял новогодний стол. Всё, как и положено: холодные закуски, фрукты, сок и... никакого алкоголя. Да-да, гостья не употребляет. Вообще. Точно так же, как и он (ну разве что по какому-то очень-очень важному поводу). Он думал заказать еду в ресторане неподалёку, но подумал, что это будет пустая трата денег. И ещё он думал, что особо наесться в этот вечер не стоит, если он хочет провести новогоднюю ночь так, как задумал.

Их познакомил его благодарный пациент. «Тебе понравится», – обещал тот. Когда он впервые после нескольких лет зашёл в библиотеку, она ему действительно понравилась. Он восстановил абонемент, стал брать книги, общаться с хорошенькой библиотечкой. Как-то, со временем он предложил ей встретиться. Тогда для свидания он выбрал не какой-то изысканный ресторан (каковых в городе, в общем-то, и не было), а обычную пиццерию в центре Александрии. Она выглядела замечательно. Погода была отличная, и они разместились на улице, и пока ждали свою пиццу, успели немного поговорить. Ему понравилось общаться с этой молодой персоной, хотя он ожидал, что она будет немного скучная.

Они тогда рассказали друг о друге всё, что им требовалось знать на первом свидании. Ему показалось тогда, что его симпатия не взаимная, и он во что бы то ни стало, решил добиться её расположения.

Потом они встретились ещё раз, уже в начале декабря и в ресторане. И вот теперь, их третья встреча должна была пройти у него дома в этот замечательный семейный праздник. Как ни странно, она быстро согласилась. Хотя прекрасно понимала, чем обычно заканчиваются подобные посиделки у мужчин дома. Возможно, именно этого она и хотела. А может быть, она должна была прийти,

чтобы окончательно расставить все точки над «і» и завершить их отношения. Но отношений-то как таковых, в общем, и не было...

Телевизор не веселил. Как-то странно себя чувствовал сидящий в кресле человек. Скорее всего, он волновался. А может, боялся. Вдруг она не придёт? В любом случае, он может пойти к друзьям, но... Согласитесь, это уже совсем не то. Ведь он на что-то рассчитывал, готовился. Если его гостья не придёт, то все его планы обрушатся в один миг.

Ведущий развлекательного шоу в очередной раз выдал совершенно «американскую» шутку, рассчитанную то ли на идиотов, то ли на пенсионеров. В этом сравниться с ним мог бы разве что сам Ваганьч.

Время шло.

– Вот за границей Дед Мороз кладёт подарки в носки. Ну, разве может такое быть в России?! У нас сам хозяин не может свои носки найти, а разве это под силу Деду Морозу!? – шутил ведущий.

Он скривился. Щёлкнул пультом на другой канал. Везде практически одно и то же. Так миновали два часа. Звонок в дверь стал лучиком солнца, прорезавшим тучи скуки.

– Привет! – с улыбкой произнесла она.

– Привет. Проходи.

Саша зашла и, вручив ему подарок, поздравила с наступающим Новым годом и поцеловала. Он с благодарностью принял пакет и учтиво помог даме раздеться. Они проследовали в зал его трёхкомнатной квартиры.

– Женя, ты на улице давно был? – спросила Саша, усаживаясь в кресло.

– Да больше двух часов назад. А что там? Неужели видела Деда Мороза?

– Нет, не видела, – улыбнувшись, ответила Саша. – Погода, как бы, немного меняется. Похолодало. Может, после двенадцати будет настоящий мороз.

– А-а-а, ясно. Слушай, ты не будешь против, если я выключу телевизор и поставлю музыку? Ну, или радио послушаем. А то все эти новогодние «иронии судьбы» и тэ-дэ и тэ-пэ...

– Нет, Женя. Конечно, не против.

Телевизор обиженно потух, а Женя включил на музыкальном центре FM-станцию. Романтическую музыку он решил оставить «на потом». Предложил барышне сок и налил им обоим в стаканы. Затем вышел в соседнюю комнату и вернулся с подарком для своей гостьи. Так начинался их совместный новогодний вечер.

Сергей Михайлович не любил отдыхать сам. Но отмечать такие праздники в его возрасте, да и в компании, – это было сверх его сил. Нет, он не был стар. Скорее, он

выглядел уставшим в свои почти шестьдесят лет. Морща лоб перед телевизором, приспустив на нос очки, он, как и все вдовцы его возраста, в новогодний вечер грелся в кресле. В тёплых тапочках и с котом на руках.

Михалыч гладил своего кота, который по кошачьим меркам был сверстником своего хозяина. Правда, кто из них был хозяином – это ещё вопрос. Сергей Михайлович был уверен в том, что его питомец совершенно искренне хозяином считал себя. Наверное, так думает большинство людей, которым посчастливилось иметь дома пушистого любимца из семьи кошачьих.

Передачи сменялись фильмами, фильмы – концертами, а он всё сидел в кресле. Наконец, ближе к девяти часам вечера он всё-таки решил встать и выйти на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь наподобие новогоднего ужина. Эх, диета №1... Это грустно. В последнее время его мучила язва, и доктор строго-настрого велел забыть о жареном, остром и так далее по в списке ограничений пресловутой «первой» диеты. А ещё Сергею Михайловичу, этому профессиональному потребителю алкоголя, (о, ужас!) запретили пить под страхом смерти. Врач не пугал его, он просто со свойственной врачам хладнокровностью констатировал: будете пить – откроется язва, а в таком возрасте операции могут привести к летальному исходу. Михалыч это прекрасно понимал, к тому же он ни капли не сомневался в низкой квалификации местных врачей, которым лишь бы резать да брать за это деньги.

Вот такой невесёлый праздник получался у Сергея Михайловича. Справедливости ради стоит сказать, что единственное, о чём он жалел, так это то, что рядом нет жены. А диета и безалкогольный вечер – это, по сути, такая мелочь! Отправившись на кухню, язвенник с грустью вспомнил ту женщину, которая безраздельно властвовала здесь на протяжении трёх десятков лет.

Кот следовал за ним по пятам. И он тоже напоминал Михалычу о его жене.

– Что мы с тобой, Макс, будем ужинать? – спросил Михалыч у своего кота.

В ответ Макс мяукнул и начал тереться о ноги язвенника. Михалыч, между тем, был настроен на разговор. Хотя бы с котом.

– Тебе хорошо, ты не на диете. А мне вот приходится каши всякие несолёные готовить да котлеты парные. Или как правильно, на пару, что ли?

Меню на этот вечер язвенник сочинял недолго: гречневая каша, котлеты, лёгкий нежирный салат из овощей, на десерт – киви, чай и зефир. Не густо, но для одного хватит.

– А что ты мяукаешь? Я ж тебя вечером кормил! Снова голодный, что ли? – продолжал беседу с котом Михалыч.

Он прекрасно понимал, что коты по графику не питаются. Особенно, такие огромные, как его Макс. Этот кот был голоден всегда – и в дождь, и в стужу, и даже ночью гремел он посудой, опрометчиво оставленной хозяином на столе,

пытаясь найти в ней хоть что-нибудь съедобное. А ещё Макс был тяжёлым. Это раньше, когда он был ещё котёнком, он мог погреться у хозяев на груди, свернувшись клубочком, сейчас же он весил, по крайней мере, шесть килограмм. А такая ноша для груди Михалыча была уже непосильной. Он и раньше замечал за собой одышку, а в последнее время проблемы с сердцем всё чаще напоминали о себе. Поэтому кот мог рассчитывать максимум на колени хозяина. Но и такое положение вещей вполне устраивало Макса, ведь всё, чего он хотел, у него было.

За окном начали взрываться петарды. Видать, кому-то очень не терпелось испробовать купленную пиротехнику, и до двенадцати часов он не дотянул. Михалыч не любил петарды. И старался их не покупать даже на Новый год. Вернее, он не покупал их совсем. Зачем они ему надо, когда в квартире в бронированном сейфе лежит прекрасная двустволка, из которой как бахнешь, так и штаны менять можно? Он даже и предположить не мог, что его двустволка ой как понадобится ему этой ночью.

Макс всё назойливее тёрся о ноги, требуя от Михалыча еды. Он стал на задние лапы, а передними упёрся в бёдра хозяина. Его глаза с расширенными зрачками говорили о том, что кот готов на всё, лишь бы получить свою порцию (такие глаза Михалыч увидит ещё не один раз, и они тоже будут требовать еду). В таком положении он мешал язвеннику передвигаться. И кот это знал. Коты очень хитрые существа и всегда добиваются того, чего хотят. Долго спорить с Максом Михалыч не стал.

– Ладно, на вот, – смилостивился над Максом язвенник и вынул из холодильника банку с сардинами в масле. – Жуй, только не лезь потом ко мне целоваться.

Кот с удовольствием принялся поглощать сардины. Михалыч умиленно наблюдал за своим любимцем и теперь мог продолжить готовить себе новогодний ужин. Мурчал себе под нос какую-то мелодию и таким нехитрым способом пытался повысить себе настроение. И пускай он рассчитывал в половине первого уже ложиться спать, его новогодняя ночь только начиналась.

3

А вот этот персонаж чувствовал себя белой вороной в компании друзей. В общем-то, он практически в любой компании выделялся, но здесь всё было очень контрастно. Это был молодой человек двадцати пяти лет. Это было единственное, чем он был схож со своими друзьями, с которыми готовился встретить Новый год. В остальном он был не таким.

Начиная от политических взглядов и заканчивая пристрастиями в музыке, он не вписывался в образ типичного александрийца. Этот парень был неглуп и, как он считал, идеологически подкован. В то время как политические познания его друзей ограничивались разделением на «оранжевых» и «голубых», он с полной самоотдачей изучал идеологию национализма, где ему открывались совершенно

новые горизонты. В кругу друзей его называли просто Нацик. Скорее всего, от слова «нацист», или «националист». Свои взгляды он не скрывал, но и не афишировал. Учитывая его прошлое, в его интересах было держаться особняком и вести непрямую агитацию, подавая хороший пример для подрастающего поколения.

То, что он единственный из компании, кто вёл трезвый образ жизни, превращало его в объект для насмешек и подколов. Так всегда случается, когда человек выпадает из общей массы, когда он выделяется – неважно, в хорошую ли плохую сторону. В общем, он был другим, и это сыграло главную роль в том, что он выжил.

Когда здоровый образ жизни и увлечение дворовым спортом на турнике и брусьях ещё не стало мейнстримом, его называли придурком. Но когда видели, что он может делать на обычном турнике, обязательно говорили: «Базару ноль», что означало огромное восхищение.

В этот вечер гуляли они впятером на квартире у Жоры. Тот жил один в двухкомнатной квартире возле ресторана «Свитанок». Жорик любезно предоставил своё жильё для вечеринки, правда, предупредил: будете рыгать, убираете за собой сами и моете всё до блеска, либо стираете. Итак, на квартире были Жора, Нацик, Витя со своей девушкой Яной и её подруга Ксюша.

Как и полагается в молодёжной среде, празднование Нового года предусматривало предварительные приготовления, само событие и афтерпати¹. Этап предварительного приготовления включал в себя планирования вечеринки, сбор средств, закупку провианта и горючего и приготовление блюд. В случае с провиантом всё было довольно просто – фруктовая и мясная нарезки, салат «Оливье» и бутерброды. Также любой желающий мог принести что-нибудь съестное из дома. Горючее подбиралось более тщательно, исходя из предпочтений участников новогодних посиделок. Обычно девушкам покупалось вино и ликёр, а парням – водка, коньяк и виски. И, конечно же, неизменный новогодний атрибут – шампанское.

Помимо алкогольных напитков были куплены соки и минеральные воды. Нацику было вверено следить за запасами этих напитков и в случае их исчерпания сообщать присутствующим.

Посреди самой большой комнаты стоял стол, укрытый дешёвой скатертью, купленной в одном из местных супермаркетов. Пять приборов были расставлены так, чтобы Жора и Витя сидели по одну сторону стола, девушки – по другую, а Нацик – во главе. Его, кстати, это не смущало. Салаты и нарезка заняли центр стола, их окружили бутылки со спиртным – водка, шампанское и вино. Возле Нацика скромно стоял полторалитровый пакет сока. Мужской громкий смех и

¹ Афтерпати (англ. "afterparty") – время после вечеринки, которое пьяные участники одной проводят по-своему

женское щебетание создавали праздничную атмосферу и заглушали музыкальную передачу по телевизору.

Время близилось только к 10 часам вечера, а компания уже начала понемногу разогреваться алкоголем. Нацик только наблюдал и сопровождал очередной тост своей загадочной улыбкой.

Слово взял хозяин квартиры:

– Друзья! Братишки и сестрёнки! Пока не наступил Новый год, давайте бахнем «шампусика», чтобы, когда по телевизору будут показывать часы, у нас в глазах не двоилось!

Дамы в восторге запищали, Витя одобрительно кивнул, и шампанское ушло в желудки. Нацик лишь отхлебнул сока. У него проснулся аппетит, но бутерброды ещё не подавали. Пришлось насыпать себе салата и проглотить кусочек шинки. Было немного скучно и жарко, и он решил выйти на балкон подышать свежим воздухом.

Стемнело, город потихоньку успокаивался, и на улице не было видно никого. Зато было слышно. Петарды взрывались там и сям, вызывая неистовый восторг у тех, кто их поджигал. На улице становилось прохладнее, и со рта у Нацика валил густой пар.

Дверь скрипнула и на балкон вышла Оксана. Она достала сигарету и подкурила со словами:

– А ты не куришь?

– Нет, – ответил Нацик. – А что, должен?

– При чём тут, «должен» или «нет»? Просто спрашиваю. Ты же не пьёшь. Даже в такой праздник...

Ксюша обиженно отвела взгляд и глубоко затянулась.

– Хм, я и на свой день рождения не пью. Для меня нет таких праздников, которые праздничней, чем остальные.

Нацик не особо хотел общаться на эту тему, заранее зная, чем всё закончится. Пустая трата времени. Сейчас она начнёт расспрашивать, почему он не пьёт и удивляться. Потом он ей станет неинтересен и скучен.

– Тю. А ты и раньше не пил? Или бросил? – спросила Ксюша.

– Бросил. Раньше пил. Сейчас нет желания, – как можно короче ответил Нацик и добавил: – И тебе советую.

На лице Ксюхи можно было прочитать искреннее любопытство. Скорее всего, она за всю свою короткую жизнь не видела людей, которые раньше пили и курили, а потом вдруг раз – и бросили. Больше она таких людей и не увидит.

Нацик стоял в одной футболке, и зимняя прохлада приятно освежала голые руки. Ксюха не могла не заметить то, какими они были красивыми, хоть и жилистыми. Если сравнивать эти руки и руки тех, с кем ей приходилось встречаться, то разница

была огромная. Такие руки сильные, а их обладатель – уверенный в себе мужчина. Хоть и со странностями. Огонёк сигареты отражался в её любопытных глазах и Нацику эти искорки казались чёртиками. Впрочем, он был недалёк от истины, и эти глаза он хорошо запомнит.

Оксана выбросила окурок вниз и улыбнулась. Она даже не посмотрела, куда упала сигарета, а ведь внизу под балконом мог кто-то стоять. Её это мало интересовало.

– Ты заходишь? А то тут холодно, – спросила Оксана у Нацика, по-прежнему стреляя глазками.

– Да, пошли.

Они вернулись в комнату, где их друзья живо обсуждали какой-то клип по телевизору. Ничего нового – полуголые девицы, шикарные автомобили, деньги и однообразный мотив. А вот веселье обещало начаться всего через пару часов.

4

Самый незавидный новогодний вечер был у младшего сержанта патрульно-постовой службы (или как там она правильно называется?) Волошина. Он вместе с двумя напарниками охранял порядок в центре города. Просто прогуливался и молчаливо наблюдал, как люди приходили на площадь к ёлке, чтобы выпить шампанского или даже водки под звуки петард и в свете огоньков новогодних гирлянд. И, хотя, по закону спиртные напитки в общественных местах распивать было запрещено, доблестные патрули закрывали на это глаза.

В Александрии сложилась своеобразная традиция, когда на праздники, предусматривающие массовые гуляния, негласно объявлялся мораторий на привлечение распивающих спиртное в общественных местах. Дело в том, что выпивающих было слишком много, чтобы немногочисленные патрули составляли протоколы административного правонарушения. Люди об этом знали и распивали спиртное где угодно – главное, чтобы не «борзеть». Потому что особо злостных нарушителей ППС-ники забирали в отделение. А там уже судьбы нарушителей складывалась по-разному: кто-то отделялся протоколом и потом – штрафом, а кто-то – оставался на сутки-другие в обезьяннике.

Это был тот самый вечер, когда в порядке исключения, горожанам было дозволено пить прямо на центральной площади. Милиция закрывала глаза на распитие спиртных напитков, и в то же время пресекала другие действия, которые можно было отнести к мелкому хулиганству.

Волошин стоял на морозе и клял своё начальство за то, что он, молодой красавец, должен проводить новогоднюю ночь на дежурстве. Новеньким всегда не везёт. А ведь он устроился всего только два месяца назад. Сегодня ему предстояло смотреть на весёлых, румяных и выпивших людей целую ночь. Предстояло усаживать особо

весёлых или даже буйных александрийцев и гостей города в милицейский «бобик». А может и ещё что-то ожидало его.

Где-то с вечера погода стала меняться: если днём было около нуля, то вечером температура начала падать, чтобы потом снова подняться. Волошин уже начал замерзать и, возможно, скучать.

Его напарники, впрочем, не особо заморачивались. Они вполне серьёзно забрали у одинокого «деда Мороза» с характерной шапочкой целую бутылку шампанского втихоря время от времени отлучались, и попивали из пластиковых стаканчиков в одном из дворики на площади Ленина. Волошин рисковать не стал. Он знал, что с этим строго и не хотел терять работу. Пускай даже такую неблагодарную. А вот коллеги работали не первый месяц и знали, что в новогоднюю ночь начальство не особо будет мучить проверками. Главное – не напиться и явиться утром в отделение адекватными.

– С наступающим! – кричали отдыхающие.

– И вас также! – отвечали им абсолютно незнакомые люди.

От скуки Волошин начал играть в своём телефоне в какие-то игры, не требующие от игрока эрудиции и логики. Его старенький телефон не баловал хозяина широкими функциональными возможностями, поэтому о трёхмерных играх можно было и не думать, а тем более, когда телефон даже не цветной. Но Волошину хватало и того.

Время от времени патруль передвигался, чтобы не замёрзнуть. Разговоры были, как и всегда: о бабах и пьяных похождениях.

– А Светка из «медухи»² не захотела на баню с нами ехать. Говорит, типа, мы ещё недостаточно знакомы. Ну, корчит из себя примерную девочку, – рассказывал Валик. – Я ей говорю: та поехали, чё ты? А она: нет и всё.

Валика трудно было назвать коренным александрийцем – его родители, как и он сам, родились в деревне – но он отлично ориентировался в городе и знал все места, где можно было затеять краткосрочный «романчик» с молоденькой студенткой.

– Да, их не разберёшь, – говорил ему Пецик. – Одни сами липнут. Особенно, когда по форме идёшь. Другие морозятся. Правда, не знаю за «медуху», а вот из «кулька»³ у меня были девки. Ничего так. Одна из Головки сама, а Машка со Звенигородки. Кстати, подруги.

Пецик, он же Петя, родился и вырос в Александрии, в отличие от приезжего Валика. Но в смысле культуры и воспитания мало чем отличался от него. Здесь играли роль множество факторов: начиная со сложного детства и заканчивая неудачной службой в армии. К счастью, всё плохое в его жизни было уже позади, и в последнее время ему очень везло с девушками.

² Медицинское училище

³ Училище культуры

– Волошин, пошли во двор зайдём. Допьём шампунь. Ты будешь? – обратился к младшему сержанту Валик.

Тот отрешённо взглянул на напарников и ответил:

– Пошли, зайдём, только я не буду.

– Та чё ты паришься? Никто проверять не будет, – глаза Пецика неестественно блестели в огнях новогодней ёлки.

– Петя, я не парюсь. Просто не хочу. Я уже дома завтра оторвусь.

– Как хочешь, – уже через секунду Пецик думал о другом. – Валик, звони Людке. А то скучно как-то.

– А она сказала, что ближе к одиннадцати подойдёт на площадь, – ответил Валик.

Люда была общей знакомой Пети и Валика. Как-то, вот в такое же вечернее время, во время обхода участка, Пецик и Валик познакомились с двумя девушками. Те имели неосторожность пить слабоалкогольные напитки недалеко от круглосуточного магазина. Доблестные стражи порядка объяснили дамам, что это запрещено законом и предложили пройти в отделение для составления протокола. Девушки сильно испугались и просили не забирать их в отделение. Парни согласились, но потребовали номера телефонов этих правонарушителей. Как объяснил Пецик, «для того, чтобы периодически звонить и напоминать о том, что распивать спиртное на улице нельзя». Одна из девушек, та, что красивее, назвалась Людой, вторая – Светой. Так и познакомились. Валик пару раз созванивался с Людой и трепался ни о чём, когда ему было скучно. Сегодня он предложил ей выйти на площадь Ленина. Люда обещала прийти.

Патруль тихо прошёл во дворик, где возле одной из лавочек стояла початая бутылка шампанского, а пара пластиковых стаканчиков висела у неё на горлышке. Валик, которому выпала «почётная» обязанность ходить с рацией, что-то буркнул в микрофон, и они спокойно присели на лавочке. Последнюю в их жизни бутылку шампанского Валик и Пецик допили быстро. Волошин только наблюдал, как шипящая жидкость наливается в стаканы, а затем попадает в горло его напарникам.

5

Шоу началось ближе к полуночи, как в страшных фильмах про привидения. Только никаких привидений в Александрии в тот вечер не было. Может, и были, но они бы в ужасе вернулись в свои гробы и тряслись бы там, словно маленькие дети под одеялом. В ту ночь актуальной стала поговорка «мёртвых бояться не стоит, нужно бояться живых».

Пока праздник только начинался, и новый год ещё не наступил, многие отдыхающие настраивали свой организм на схватку с алкоголем. «Разминка» в основном состояла из небольших доз спиртного. Те, кто был умнее, и знал, что градус нужно повышать, разминались пивом или слабоалкогольными напитками.

Остальные потчевали свой желудок либо дрянной смесью энергетического напитка и алкоголя, либо сразу начинали с коньяка. Но в тот вечер это было не важно.

Самой первой была девушка пятнадцати лет. Да, пить у нас начинают где-то в этом возрасте, а то и раньше. Она в компании друзей отдыхала «на хате», где они естественно, пили водку, вино, шампанское, ликёры и пиво. Всё это должно было закончиться либо обниманием с туалетом, либо нездоровым пьяным сном. Последнее и случилось с этой девочкой. Она просто «вырубилась». Будто потеряла сознание. Все сначала так и подумали, и пытались привести её в чувства. Но зря. Случилось это в 23:12 по местному времени.

Что-то похожее случилось и на площади Ленина, где дежурил Волошин. Сначала прямо возле ёлки упал молодой человек в такой смешной шапочке Санта Клауса. Его друзья бросились к нему, подумав, что ему плохо. Но ему не было плохо, – он даже довольно захрапел. Когда патруль подошёл узнать, что случилось, его друзья уверили милицию, что всё в порядке. Человек просто уснул. Они отволочили спящего к ближайшей лавочке и уложили, как ребёнка.

– Что-то и меня на сон потянуло, – признался Валик.

– Ага, и не говори, – поддержал его Петя.

Волошин лишь недоумённо посмотрел на них.

Потом люди начали вырубаться парами, а после этого попадали почти все. Те, кто мог за этим наблюдать, видели, как человек просто валится с ног, будто теряет сознание и просто засыпает. Очень крепко. Настолько крепко, что разбудить его было невозможно. Как если бы это был абсолютно пьяный неменяемый человек. Через некоторое время у таких людей начинали течь слюни, а у некоторых лежачих – и сопли. Очень странно всё это выглядело.

Подобное мог наблюдать и Нацик. Вся его компания – четыре человека просто уснули – кто где. Он был в отчаянье. Как ни пытался разбудить хоть кого-нибудь, – у него не получалось. На столе мёртвым грузом остались принесённые недавно и недоеденные бутерброды, недопитое шампанское и фрукты. Что делать, Нацик не знал. Он уселся удобнее в кресло и включил какой-то канал, где можно было посмотреть более-менее нормальные передачи.

Волошин просто опешил, когда его напарники и люди вокруг попадали словно мешки – внезапно и грузно. Люди, которые не уснули, просто стояли и смотрели на упавших, не веря своим глазам. Некоторые пьяницы шутили, смеялись, пинали своих уснувших собутыльников. Они не понимали, чем это всё кончится. Даже бездомные собаки, которые ошивались как обычно на площади и возле кинотеатра, стояли и рассматривали площадь, усеянную человеческими телами. Казалось, время остановилось, и воздух встал на месте. В таком положении вещей ёлка с её огоньками была настолько бесполезным и даже лишним предметом, что и представить сложно.

На улице умолкли петарды. И вообще стало как-то подозрительно тихо в городе. А потом они начали просыпаться.

* * *

Пятнадцатилетняя девочка проснулась уже не той, которая была. Она проснулась зверем. Безжалостным, голодным, свирепым и... пьяным. Вокруг неё в квартире валялись её друзья. Но они ещё спали. Неестественно быстро девочка встала. Глаза её были слишком красные. Нет, не так как с похмелья. А очень красными. На щеках белыми дорожками засохли неестественные слюни. Шатающейся походкой очень пьяного человека она прошла по залу. Можно было подумать, что она была в стельку пьяная. И обычно люди после сна трезвеют. Но только не в ту ночь.

В квартире царил тишина и едва слышно сопели её друзья. Гирлянды мигали весёлыми огоньками в полумраке – кто-то выключил в комнате свет и сейчас в свете гирлянд и телевизора, который ничего не показывал, передвигаться было трудно.

Девочка была очень голодная. Настолько голодная, что она голыми руками начала отрывать своим друзьям носы и с аппетитом их есть. А друзья всё ещё спали. Казалось, они должны были испытывать неопишемую боль, и просто обязаны были проснуться, но этого не случилось. Когда они оказались без нижних челюстей, языков и носов, они просто истекли кровью. И больше не проснулись. Но голод девочка так и не утолила. Куда только всё съеденное вмещалось?

На площади гремели выстрелы. Сначала один, затем ещё два. Волошин стрелял в своего одичавшего и обезумевшего напарника. Дело в том, что...

...Петя и Валик были аккуратно уложены на лавочки возле памятника Ленину. И некоторое время они просто спали, как и остальные люди на площади. Но потом Петя начал шевелиться. Он проснулся, встал и огляделся. И хотя Волошин стоял недалеко, пытаясь вызвать по рации кого-нибудь, Петя выбрал своего спящего напарника. Он буквально набросился на Валика и начал кусать лицо своего друга, с которым они недавно пили шампанское. Когда со всеми мягкими частями лица было покончено, товарищ оглянулся и своими красными дьявольскими глазами уставился на шокированного Волошина. Тот всё это время стоял, как вкопанный, не в силах поверить в происходящее. Он то ли боялся пошевелиться, то ли не мог. Понемногу он скорее интуитивно, чем осознанно, начал пятиться.

Пецик поднялся с колен, встал на шатающиеся ноги и двинулся на младшего сержанта, издавая нечленораздельные звуки и пуская кровавые пузыри изо рта. Его рот и щёки были измазаны кровью, которая стекала к подбородку и капала на его одежду и белый снег. Волошин крикнул:

– Стоять! Я тебя завалю нахрен!

Пока он доставал свой табельный ПМ, Пецик перешёл на бег. И только в трёх метрах с дырой в шее бешеный напарник остановился и упал. Даже и не пытаясь

прикрыть рану, из которой рекой текла кровь, Пецик вновь поднялся. Волошин попятился назад и выстрелил ещё два раза. На этот раз – в голову. Теперь Петя уже точно был мёртв.

6

Когда они уже почти поцеловались, на лестничной площадке в подъезде раздался истошный женский крик. Александра отпрянула и густо покраснела. Евгений встал с дивана и глянул на входную дверь, будто крик доносился из неё. Затем он вышел в коридор, глянул в глазок и открыл дверь. Крик раздался снова.

Кто-то бежал по лестнице. Евгений взглянул вниз, там пыталась от кого-то удрать его соседка со второго этажа. За ней гнался какой-то пьяный мужик. Где-то внизу открылась ещё одна дверь, возможно, у самой любопытной бабушки. Когда женщина выбежала на его площадку, Женя крикнул «Забегай!», уступил дорогу соседке и преградил путь пьянице, который почти догнал её. Но тот не растерялся и потянулся руками к глазам Евгения, видимо, желая их выдавить.

Женя вывернулся и отошёл на шаг назад, чтобы как следует замахнуться. Затем обрушил на пьяного психа, лицо которого было в крови, свой правый кулак. Тот стоял на краю лестницы, и этот удар отправил его в путешествие по девяти ступенькам вниз. Мужик сильно ударился головой о бетон. Даже невооружённым глазом было видно, что он раскроил себе череп. Но через несколько секунд, пока Женя приходил в себя, безумец приподнялся и встал. Кровь лилась у него из затылка, щедро поливая пол на площадке. Издав какой-то нечеловеческий рык, мужик начал с трудом подниматься по ступенькам на четвереньках с совершенно безумными и даже страшными глазами. За ним стелился кровавый след по ступени. От количества крови Женю начало мутить.

Ему ничего не оставалось делать, как забежать в свою квартиру и закрыть дверь на все замки. Закрутились механизмы, и хозяин квартиры почувствовал, что теперь он в безопасности. Эту дверь он выбирал долго, ведь по городу продавались в основном двери низкого качества, с очень тонких листов железа. А эта была добротной и надёжной. Правда, ему говорили, что этот «крабовый замок», который закрывался одним движением в пяти местах, очень ненадёжный. Но сейчас было самое время закрыться на этот замок.

Женя глянул в глазок. В скудном освещении он увидел, что там, за дверью, пьяный псих поднялся на ноги с помощью поручней вдоль лестницы. Шатающейся походкой разъярённый мужик приближался к двери. Координация движений была нарушена как у пьяного, и его сильно клонило назад, отчего всё новые крупные пятна крови капали на пол. С таким подходом, без врача этот человек не протянет и получаса. Но не это тревожило Евгения.

Женя отошёл от двери и повернулся в зал.

– Саша, вызови скорую и милицию! – крикнул он.

Саша стояла при входе в зал, и он её увидел уже после того, как крикнул.

– Что происходит? – испуганным голосом спросила она.

– Я не знаю. Это какой-то бешеный мужик...

Договорить Женя не успел. Раздался грохот. Казалось, из дверного косяка посыпалась штукатурка. Саша вскрикнула. Это мужик с разгона плечом пытался выломать металлическую дверь в квартире Евгения. Совершенно нелогичный поступок, учитывая то, что дверь открывалась в другую сторону - наружу. Женя снова отпрянул от двери. Пьяный отошёл к лестнице и с разгона бросился на двери, снова и снова он врезался в дверь, пока, видимо не вывихнул плечо. Затем он упал на пол и начал ползти к лестнице, скорее всего осознав всю нелепость его действий.

Всё это видел в глазок Женя. Его пробила дрожь, сердце стучало так, будто было готово вырваться из груди. Всё, что он сейчас чувствовал – это страх. И пускай всё это абсолютно не вписывалось в празднование Нового года, то, что произошло потом, совсем вывело его из равновесия.

* * *

Михалыч никогда не смотрел телевизор на большой громкости, как это любят делать пенсионеры. Поэтому он смог услышать, как в подъезде что-то происходит. Кто-то бежит по лестнице и что-то громко говорит, вероятно, даже кричит. Язвенник поймал Макса, будто с ним могло что-то произойти, и с котом на руках подошёл к глазку. В этот момент в телевизоре после очередной плоской шутки раздался наигранный смех. В подъезде было темно, и Михалыч не мог ничего увидеть. Зато он слышал чьё-то громкое дыхание как будто после бега, неподалёку от его двери. Неужто кто-то занимается сексом на этаже?

– Кто там? – обеспокоенно спросил язвенник.

В ответ что-то зашевелилось и грузно ударилось о двери Михалыча. Тот от неожиданности выронил кота и попятился назад. Удар повторился. Теперь кто-то явно ломился к нему в дверь. Мысли о том, что это могла быть парочка влюблённых, развеялись моментально, когда сокрушительные удары последовали с определённой периодичностью.

Время на раздумья не было, – Михалыч помчался на кухню за ключом. Ключом от сейфа, где лежали его верная двустволка и патроны. Ключ нашёлся быстро, сейф открылся под ритмичные удары в деревянную дверь Михалыча. И вот когда она рухнула на пол, и в квартиру буквально упал окровавленный человек, Сергей Михайлович уже держал заряженное ружьё наготове.

– Ты что, сука? Жить надоело? – заорал Михалыч.

В ответ пьяное кровавое чудовище с красными глазами и засохшими соплями скорчило гримасу, будто улыбнулось, и пустило пузырь изо рта. Оно поднялось на ноги и, шатаясь, направилось напрямиком на язвенника.

Раздался выстрел. В закрытом помещении он прозвучал оглушительно. Пьяному дебоширу разворотило живот и отбросило назад. Красные глаза его уставились на Михалыча с немим вопросом. Пенсионер опустил ружьё и подошёл к тумбочке, где стоял телефон. Сейчас он не осознавал, что делает. Но когда-то он рисовал в своём воображении именно такую картину: он стреляет у себя дома из своего ружья в человека. Правда, тогда он был моложе, и была жива его жена. Михалыч подозревал её в неверности. Какая глупость!

Он чувствовал, что теперь ему нужно было звонить в милицию. Сдаться, признаться в убийстве. Авось и не посадят, ведь самооборона, отличные характеристики и возраст. Пока он стоял спиной к убитому, тот шевельнул ногой, согнул её в колене и сделал упор на руки. Они разъезжались, когда он старался подняться.

Закружился старый телефонный диск. Сначала пошла цифра «1», потом «0» и последняя – «2». Михалыч тщетно пытался услышать голос на той стороне провода, хоть гудки и были. В милиции никто не отвечал. И когда он уже собирался позвонить в скорую помощь, он периферийным зрением уловил движения того, кого уже посчитал трупом.

Второй выстрел снёс голову, которая до этого нагло улыбалась.

7

Нацик сидя перед телевизором уже начал скучать, когда вдруг пошевелилась Оксана. Её туловище поднялось под углом 90° и глаза открылись – как в тех фильмах ужасов, которые показывают по телевизору. Эти красные глаза показались Нацику странными, совсем не те, которые он видел на балконе. Стало сразу как-то не по себе. Потом эти глаза нащупали его. Она встала и как маятник, шатаясь со стороны в сторону, направилась к Нацику, перевернув стол, который преградил ей путь.

Он сидел в кресле и не мог понять, что происходит.

– Да ладно. Ложись, поспи ещё. Тебе приснилось, что ты зомби, – улыбнулся Нацик, правда, улыбка получилась какая-то натянутая и неестественная.

Он начал догадываться, что с ней действительно что-то не так. Но в тот момент он принял это за какое-то психическое заболевание.

Оксана услышала то, что сказал ей Нацик, но в ответ прозвучал какой-то рык. Совсем нереальный голос для этой хрупкой девушки. Голос, от которого холодеет внутри. Девушка приблизилась вплотную к сидящему в кресле Нацику. И только когда она ногтями вцепилась в его щёки, он понял, что Оксана не шутит. Девушка не успела проколоть их своими ногтями только потому, что Нацик моментально среагировал. Он схватил её руки и с силой оттолкнул её.

– Сука, ты же расцарапаешь мне лицо!

Будто слова были адресованы не ей, Ксюха снова направилась к Нацику. Он отчётливо видел, как из уголков рта потекли голодные слюни. Эта «шизанутая» теперь с улыбкой протянула руки навстречу ему. Нацик дал ей смачную пощёчину, которая обычно приводит в чувство даже самых буйных или пьяных. Никакой реакции, лишь голова качнулась немного в сторону. А её дикий взгляд, голодный взгляд, всё так же был направлен на свою жертву. Он начал пятиться назад.

Нацик ничего не мог понять. Перед ним словно зомби стояла с протянутыми руками симпатичная девушка с неестественно красными глазами и вот-вот должна была прокричать «Мозги!». Если это был розыгрыш, то он получился неудачным. Ударил кулаком, – она упала, но тут же поднялась и пошла на него. Даже не притронулась к тому месту, куда угодил кулак Нацика. А нос он ей сломал, в этом можете быть уверены. Так они прошли вокруг перевернутого стола. Теперь он начал сомневаться в том, что девушка больна.

– Да что ж это такое?! Что вы пили, дебилы? – говорил Нацик пока они кружили вокруг стола.

В ответ Ксюша, казалось, перекивляла его. Он разбил ей лицо, сломал нос, а ей хоть бы что. Казалось, ей было совсем не больно. А эта идиотская улыбка на лице говорила о том, что ей может быть даже приятно!

Что делать дальше, Нацик не знал. А потом проснулся Жора.

* * *

Волошин сбросил ненужную ему теперь шапку. С него ручьём тёк пот. Состояние было шоковое, и сердце его бешено стучало в груди. Стряхнув пот со лба рукой, в которой он держал свой ПМ, младший сержант всё пятился назад. Пока не споткнулся о чьё-то спящее тело. На земле лежал человек и спал. «Вполне вероятно, что он после пробуждения будет вести себя так», – подумал Волошин и обошёл тело.

В это время гулявшие на площади собаки, которые наблюдали нападение обезумевшего мента на своего коллегу, почувствовали неладное. Собаки всегда чувствуют в воздухе запах чего-то. Например, запах страха. Если ты боишься собаки, она это обязательно учует. Но в этот раз в воздухе пахло не страхом. Пахло самым настоящим ужасом. И даже самые смелые и отчаянные собаки, отмеченные шрамами в бесконечных собачьих боях, почувствовали в ту ночь этот запах совершенно безумного и настоящего ужаса. Собаки, озираясь, убежали с площади в поисках более безлюдных мест.

Площадь сжалась до размеров маленькой комнатухи, и Волошин почувствовал, что ему здесь тесно. Пока что паника не охватила его и, возможно, причиной этому послужила тишина, которая царила на площади. Ему казалось, что его сердцебиение слышно во всей округе. Он что-то бормотал, но вряд ли соображал, что именно. Может, это была молитва? Волошин не мог думать ни о чём другом,

как об убийстве своего напарника. Он тяжело дышал и пар клубился вокруг его лица. Что делать дальше, он не знал. Правда, одно он решил для себя точно: всех, кто проснётся и попробует на него напасть, он отправит напрямик в Ад.

Когда начали просыпаться другие, Волошин уже вышел из полусознательного состояния и каждого нового проснувшегося он сразу награждал выстрелом в голову. Это было вроде как лучше и для него, и для просыпающихся. С одной стороны, он обезопасил себя, а с другой – избавлял от мук этих людей. Хотя, какие они теперь люди?

– Не знаю, твари, *что* с вами, но живым я вам не дамся! – сказал сам себе Волошин и направился к телу своего напарника.

Он вытащил у него обойму и на всякий случай забрал табельный пистолет. Пистолет и обойма к нему были только у Волошина и Пецика. У Валика кроме резиновой дубинки ничего не было. Разве что... Баллончик «Герена»! Пускай, он тоже пригодится.

Но, судя по количеству народа, который впал в спячку и вот-вот должен был проснуться, патронов ему хватит минут на тридцать, максимум сорок, это если он будет шустрым и точным. Если будет попадать прямо в голову и обладать хорошей реакцией. Ведь эти зомби не ходили как киношные, хромя, они прекрасно бегали. И пускай движения их походили на движения пьяных, но буйных людей, он мог и не справиться, если они все вместе на него нападут. Логика подсказывала ему, что надо найти укромное место, где можно укрыться от этих сумасшедших. И, желательно, чтобы была возможность за ними наблюдать. Волошин не долго думал и направился к милицейскому участку. А если надо будет – то доберётся и до городского отдела милиции. Уж там-то оружия много. А «на крайняк» ... Есть же в городе воинская часть как-никак.

8

Врач застыл у глазка и не поверил своим глазам. Мужик с вывихнутым плечом, который истекал кровью от явной черепно-мозговой травмы, только что начал сползать по ступеням, помогая себе здоровой рукой. И в это время дверь соседа открылась, и на площадку выбежал Паша. Это был пятидесятилетний пузатый и медлительный мужчина. Любитель пива и всего такого. Он вообще с трудом управлялся со ступеньками – как на подъём, так и на спуск, но тут он выбежал как олень.

Он взял своими рабочими – могучими и битыми – руками за капюшон и за задний карман джинсов раненого мужика и приподнял. Тот беспомощно пытался вырваться и норовил что-то ухватить здоровой рукой. Рука же вторая свисала плетью в неестественном положении. Оба издавали какие-то непонятные звуки. Эти звуки можно было услышать в квартире, и они очень не понравились Саше, –

она чуть не вскрикнула снова, но успела прикрыть рот рукой.

Сосед бросил мужика на площадку перед дверью Жени и буквально набросился на свою добычу, будто лев на раненную антилопу. Перевернув мужика на спину, Паша вцепился руками в глаза и ноздри пьяницы. Тот издал жалобный стон из последних своих сил. Вырвав голыми руками, а точнее – пальцами, части лица и глаза, Паша принялся всё это поедать.

Женю в это время стошнило прямо на дверь, под которой он стоял и наблюдал за этим всем. А ведь он врач. Если его стошнило при виде таких манипуляций, то как может отреагировать библиотekarша? Женя постарался вести себя тише, чтобы не привлечь внимание соседа. Он отошёл подальше от дверей и увлёк за собою Сашу, пока там, на площадке совершался чудовищный и бессмысленный акт каннибализма.

– Что происходит? – спросила она Женю.

– Я не знаю, – соврал он. – Как она? – указал он на соседку, которая устроилась в зале.

– Не знаю. Вроде как бы спит. Не понимаю, как можно сейчас спать? – из глаз Саши текли слёзы.

Она была чрезвычайно напугана. Женя обнял её, и они присели на диван.

– У неё сейчас шоковое состояние. Организм так отреагировал. Отключил сознание, понимаешь? – попытался объяснить он Саше.

Она уткнулась лицом в его свитер и тихо плакала и дрожала. Он тоже был напуган. Им нужно было успокоиться.

В это время на площадке сосед Паша пожирал то, что мог оторвать от тела пьяницы. Без всяких сомнений, тот был уже мёртв. Впрочем, его судьба мало заботила нарколога Женю. Сейчас он прильнул к своей Саше.

– Ну, ч-ш-ш. Успокойся, Сашенька. Всё будет хорошо. Сейчас позвоним в милицию, и всё будет хорошо, – говорил Женя мягким отцовским голосом. – Не надо бояться, постарайся успокоиться.

На то, чтобы успокоиться, у них ещё оставалось где-то восемь минут.

* * *

– А-а-а, сука, твою мать! – крикнул Михалыч. Но голоса своего он почти не слышал.

Теперь в коридоре его квартиры валялся труп без головы, и весь этот самый коридор был в крови и забрызган кусочками мозга неизвестного грабителя, или кем бы он ни был. Может, это был просто пьяный дебошир – язвенник не знал, что из себя являл человек, который вломился в квартиру. Возможно, кто-то попытался таким образом пошутить. Но, как известно, не все шутки находят понимание и не все розыгрыши являются удачными. Как бы там ни было, человек вломился в квартиру, а хозяин защищал свою собственность.

Осмотрев всю эту непривлекательную картину и поставив ружьё, Михалыч подошёл к дверному проёму и попытался поднять дверь. Дверь хоть и была деревянной, но ещё той, советской – из цельного дерева. В общем, для язвенника – дело дурное. Но всё-таки он её поднял и прикрыл проём, чтобы хоть не так дуло из подъезда. Может, сил ему прибавили неуверенные шаги по лестнице, звук которых смутно улавливал он?

– Что же делать? – спросил у кота Сергей Михайлович.

Никуда он дозвониться снова не мог. Но вид трупа его несколько огорчал. Поэтому, Михалыч решил оттащить тело за пределы его квартиры. Где-то ближе к лестнице. Пускай там полежит. Ему ведь всё равно, он не замёрзнет. А вот запах крови, перемешанный с запахом пороха, Михалычу был не по душе. Действовал язвенник, скорее всего, неосознанно, под впечатлением. Потом, если бы у него спросили, зачем он вытянул труп на лестничную клетку, он бы пожал плечами и не нашёл что ответить. В это время кот забился где-то в самый тёмный угол.

Михалыч взял труп за ноги и подтащил его к двери. Отставив дверь в сторону, и оперев её о стену, язвенник снова схватил тушу за ноги. Он тащил её прочь из квартиры, и ноша его оставляла после себя след. След липкий, как у улитки, и красный, как церковное вино. Он кряхтел, пыхтел. Ему было тяжело, и сердце его забилось чаще. И желудок взвыл, умоляя дать ему покой. Михалыч бросил тело возле ступенек и вернулся в квартиру, поставив дверь на место.

– На тапочки накапал мне, падаль... – огорчился он.

Михалыч вспотел и тяжело дышал, немолодое сердце отплясывало сумасшедший ритм в груди. Ещё немного, и оно выпрыгнет, либо остановится навек. Он присел на деревянную полку для обуви, дань советскому прошлому. Сидеть было низко, но ему срочно нужно было перевести дыхание. Михалыч задумался, а не сходить ли к кардиологу? Возможно, мысль нашла бы своё продолжение, если бы от раздумий не отвлекали кровавые следы по всей прихожей. Язвенник вытер нос рукавом, хотя тот был явно сухим. Так делают некоторые дети, когда совершили что-нибудь плохое и поняли, что им за это будет. Какой врач? Здесь убийство, тебя посадят, Серёжа! А в СИЗО ты, может быть, и суда не дождёшься – тебе никто не поспешит оказать медицинскую помощь.

Вот так же когда-то он вытирал сухой нос рукавом школьного пиджака, когда нагадил в вазон с цветком. Они поспорили с одноклассником на леденец-петушок, что Серёжа «наделает» в цветок. Вот только тогда ему просто влетело – сначала от учителя, а потом от пристыженных родителей. Теперь ему ремнём не отделаться. За взрослые поступки и отвечать придётся по-взрослому. Ему понравилась эта мысль, и он произнёс её вслух:

– За взрослые ошибки по-взрослому и отвечай. Неплохо, запишу себе.

Когда он поднимался с полки, дыхание уже нормализовалось, а сердце убавило

темп. Первой мыслью Михалыча было записать свой новый афоризм в толстую тетрадь на девяносто шесть листов, которая лежала у него в тумбочке со времён Горбачёва и имела знак качества СССР. В эту тетрадь он уже несколько лет записывал свои мысли, которые ему казались интересными либо красиво звучали. Но затею с тетрадкой он был вынужден оставить, поскольку были дела важнее. Он направился к сейфу для оружия. Железная громадина была в другой стороне квартиры.

Дверь в сейф была ещё открытой, и язвенник подошёл с ружьём к ней. Мысли начали крутиться в другом русле – что делать дальше? Как-то автоматически он извлёк гильзы из стволов и вставил два новых патрона. Хорошо, что у него есть патроны! Он взял все и понёс их в зал. Бросил их на диван, а ружьё предусмотрительно поставил в угол.

Михалыч решил для начала переодеться и переобуться. Когда всё это было сделано, он накинул свою старую куртку. Все карманы этой куртки были немедленно набиты патронами, но оставались ещё 7 штук, которых некуда было положить.

– Брюки. Точно, брюки!

Распихав оставшиеся патроны по карманам брюк, Михалыч снова подошёл к телефону. На этот раз там сразу раздались прерывистые гудки. Телефон отныне в Александрии не работал.

А в подъезде творились странные вещи. Язвенник приготовил свою двустволку.

9

Когда друг Нацика проснулся, первой мыслью в его поражённом мозгу было «пожрать». Неудивительно, что главным своим блюдом Жорик выбрал именно Нацика. Красные глаза пьяного зомби уставились на товарища. Теперь парень был в окружении двух голодных бешеных отморозков. Нацик вспомнил, что у Жорика есть хороший инструмент против зомби. Он рванул в сторону двери в коридор, попутно со всего маха заехав Жорику в подбородок. Там, в коридоре, возле дверей стояла бита. Довольно тяжёлая и очень твёрдая.

Нацик схватил битку в тот момент, когда Оксана с протянутыми руками, на конце которых грозно торчали длинные ногти, почти ухватила его за шею. Размахнуться как следует не получилось, поэтому Нацик ударил её по голове вполсилы. За ней грузно спешил Жорик. Вот для него-то Нацик и постарался. Описав в воздухе полукруг, бита обрушилась другу прямо на левый висок. Звук был не из приятных. Нацик отчётливо услышал, как лопнул череп и Жорик упал на пол, придавив собой Оксану. Та, учуяв запах крови, ухватила Жору зубами за щеку и оторвала себе кусок. Нацика чуть не стошнило.

Эти двое лежали на полу: Ксюха, а спиной к ней Жорик. Его голова была

повернута влево, прямо к лицу Оксаны. Она схватила его за уши и жевала его щеку. Жорик, без сомнения покинул этот бранный мир, но Ксюха была ещё жива. Если это можно было так назвать.

Бита была великолепна. Но чего-то в ней не хватало. Когда Нацик ударил Жору, по его рукам прошла такая отдача, что он чуть не выронил инструмент из рук. Её надо было чем-то усилить. Опасливо поглядывая на Оксану, которая жевала Жорика и что-то бормотала на неизвестном языке, Нацик прошёл далее, до кладовки. Там он нашёл, что искал. Обрезки металлической трубы, кольца. Эти кольца Жорик планировал посадить на биту, о чём неоднократно хвалился Нацику. Надеть два кольца на биту не составляло особого труда. Сели они замечательно. Теперь бита была существенно укреплена и усилена. Проверить её Нацик решил на Оксане. Та уже сидела и держала тело Жорика в руках, будто мать держит своё чадо.

Пока она жевала части лица Жорика, Нацик подошёл сзади. Размах был большим, а удар чётким. Кусочки височной кости так и остались висеть сбоку, густо омытые кровью. Оксана больше не дышала. Её последний в жизни ужин прекратился мгновенно. Она даже ничего не поняла. Да и могла бы она в этом состоянии что-нибудь понять? Два трупа мирно отдыхали на полу в коридоре. Нацик присел, пытаясь осознать, что он натворил. А был ли у него другой выход? Наверное, нет. Убийства – одно по самообороне, другое – преднамеренное. Это очень серьёзно. Достаточно серьёзно, чтобы больше никогда не увидеть ключ журавлей, летящих в небе. Чтобы остаток своих дней провести в нечеловеческих условиях особого режима.

Все его переживания и мысли прервал шорох в комнате. Там ведь ещё оставались двое живых! Осторожно и как можно тише Нацик надел свою куртку и натянул шапку. Чавкающие звуки из зала могли означать лишь одно: кто-то один проснулся и начал поедать второго. Нацик осторожно заглянул в комнату. Там Витя грыз горло своей девушки. Сухожилия застряли у него между зубов, но это не мешало ему вгрызаться всё глубже ей в шею, а потом поднимать голову и пережёвывать. Диван быстро обогрился кровью.

Наблюдать подобную сцену было страшно. Только недавно эти молодые люди сидели рядом, веселились и целовались, а теперь девушка, не успев проснуться, стала жертвой своего парня-каннибала. Никогда им больше не стать семьёй, как бы это жестоко не звучало. Пока Нацик рассматривал неприятную сцену, его чуть не стошнило, и он заткнул рукавом свой рот. Витя это услышал. Он оторвался от трапезы и медленно повернул голову в сторону коридора. Глаза его были совершенно безумны. Красные белки напоминали два маковых цветка. Кровь вокруг рта стекала по подбородку и капала на пол. Рот приоткрылся в какой-то нелепой для данной ситуации ухмылке, обнажив выпачканные в крови некогда

белые зубы.

– Долбаный ты урод! – прошипел Нацик, ступая в комнату и размахиваясь битой.

Удар пришелся по зубам. Витька отбросило назад и в сторону. Сквозь ошметки губ выступили кровавые пузыри. Витя глотнул несколько зубов и попытался подняться. Следующий удар пришёлся ему между глаз. Теперь Витя уже никогда не сможет гулять возле фонтана на площади Ленина.

Нацик вытер лоб рукавом и сплюнул в сторону своего бывшего уже друга Вити, который с проломленным черепом откинулся на диване. Плюс один. Ему вспомнилась компьютерная игра, в которой можно было выносить людям мозги битой и прочими предметами. После каждого убийства счёт увеличивался. Теперь его счёт равнялся троим. Но в эту игру Нацик играть не планировал.

Догадываясь, что такие же больные люди могут быть и за пределами этой квартиры, Нацик решил составить план дальнейших действий. Достал свой сенсорный телефон и разблокировал его. В глаза сразу бросилось отсутствие сигнала. Верный признак того, что в городе что-то происходит. План он хотел записать в телефон, но понял, что три-четыре пункта – это слишком просто для телефона и выглядит со стороны как-то смешно. Поэтому свой план он сохранил в голове.

Теперь Нацик должен был найти себе ещё какое-нибудь оружие. Он вышел на кухню и стал шарить по ящикам в столе. Под руки попался огромный нож мясника. Если тыкнуть им в сердце, то зомби должен умереть, подумал Нацик. Он прихватил этот нож и вышел из кухни. Нужно было уходить отсюда. Вступал в действие первый пункт его плана.

* * *

Они думали, что женщина, которую они приютили, просто «отрубилась». Но это было не так. Она была уже заражена. И теперь пришёл её черёд превращаться. Пока нарколог со своей библиотечаршей успокаивали друг друга сидя на полу, женщина встала. Пузыри из носа свидетельствовали о заражении. Она была голодна.

Женя заметил пробуждение женщины. И он всё понял и моментально отреагировал. Увлекая за собой Сашу, он понёсся на кухню, где на стенке висел тесак для разделки мяса. За спиной у него шумела заражённая. Женя только и успел схватить тесак, как она была уже на кухне. Саша закричала. Гостья с совершенно безумным лицом и очевидно с самыми решительными намерениями бросилась к ним.

– Ах ты, тварь! – крикнул Женя и нанёс сокрушительный удар женщине промеж глаз.

Саша прикрыла рот руками и с круглыми от испуга глазами повернулась в сторону Жени. Она была в шоке. На её глазах её ухажёр зарубил тесаком женщину

и, как ни в чём ни бывало, вытянул его со лба убитой им обезумевшей соседки. Слезы потекли как-то сами собой. Женя опустил тесак и положил его на стол. Пока что в нём нужды не было. Он попытался обнять Сашу, но она сделала шаг назад. Полными страха глазами она смотрела то на него, то на труп неизвестной ей женщины. Женя не стал настаивать и попытался объяснить ей:

– Если бы я этого не сделал, мы бы... или один из нас был бы мёртв.

Саша мотала головой, не веря своим глазам. Казалось, она его совсем не слышит. По-прежнему держа руки на устах, она тяжело дышала и плакала.

– Пойми, Саша, это уже не человек. Я только что видел, как мой сосед начал есть того мужика, который укусил её. Это... как в фильмах, понимаешь? Они обезумели. Они как зомби!

Он стоял напротив Саши и пытался объяснить, что происходит.

– Ты спятил! Зачем ты её убил? Она ведь ничего не сделала! – у Саши начиналась истерика.

– Да пойми же ты, она хотела нас убить! Если бы я её не остановил, она бы перегрызла нам глотки! Ты видела её безумные глаза и эти слюни?

Евгений присел на стульчик. Александра так и стояла напротив него, не в силах совладать с собой. Она рыдала.

– Происходит что-то невообразимое. Люди нападают друг на друга и убивают. Не просто убивают, они ещё и едят друг друга. Я только что видел, как мой сосед ел лицо того мужика, который гнался за этой женщиной.

Она с опаской глядела то на него, то на труп. Ей стало дурно, и Женя едва успел подхватить её. Он взял на руки свою подругу и понёс в комнату. Там он положил свою Сашу на кровать, а сам сел на край. Он сам был близок либо к обмороку, либо к помешательству. Всё происходящее не укладывалось в голове. Эти полуживые, безумные люди-роботы, которые кидаются на всех. Почему это происходит и насколько всё далеко зашло?

В подъезде теперь не было тихо – там слышались шаги, шум борьбы, крики, рычание. Те, кому повезло остаться нормальным, погибали от рук тех, кому не повезло. Заражённые бились друг с другом за добычу, ели друг друга и рычали, словно животные. Евгений не мог этого видеть, но позже он насмотрится на последствия всего этого.

Просто так сидеть было нельзя. Женя встал и начал баррикадировать входную дверь. В ход пошло всё – от кресла до швабры. Жаль, что дверь открывается наружу. Было бы намного больше толку, если бы она открывалась вовнутрь. Несмотря на шум, который создавал Женя, укрепляя оборонительные позиции, его подруга ничего не слышала.

Далее Женя подумал об оружии. Тесак, безусловно, замечательный инструмент, но хотелось бы исключить ближний бой с этими зомби. Евгений тихо ругал себя за

то, что так и не купил себе гладкоствольное оружие. Он присмотрелся к «Сайге», и цена его устраивала. Но нужен был охотничий билет, металлический сейф и ещё куча формальностей. Ох, как бы она сейчас ему пригодилась! Если оружия дома нет, его надо будет обязательно достать. Над этим наркологу и задумался, пока Саша лежала без сознания.

10

Волошин крался тёмными переулками и дворами, избегая освещённых улиц. Снег предательски хрустел под ногами, напоминая, что погода стояла морозная. Идти было минут десять весёлым шагом, но он был осторожен. В руках он крепко сжимал табельное оружие. Взгляд его ощупывал местность вокруг, стараясь заблаговременно обнаружить полуживых. Город уже не был таким тихим, как полчаса назад. Везде слышались крики, рычание и звуки разрывающихся петард. Или это были выстрелы?

При том, что на улице было явно ниже нуля, младший сержант вспотел. Нервы его натянулись как струны. Он оборачивался назад каждые пять секунд, чтобы быть уверенным, что сзади на него никто не прыгнет. Весёлый Новый год! Пока он шёл, успел подумать о многом: что, чёрт побери, происходит и как быть дальше? Но от одной мысли ему стало стыдно. Он даже остановился. Волошин совсем забыл о своих родителях. Что теперь с ними? Пытаясь сбить внутреннее волнение, он крепче сжал пистолет и двинулся дальше.

Соображать приходилось быстро. Решено было заpastись боеприпасами и оружием и прорываться на улицу Свердлова или Дибровы, а там был его дом и сейчас должны были оставаться его родители. И воинская часть рядом. Они с отцом смогут позаботиться о пополнении своего арсенала. Главное сейчас – побеспокоиться о выживании семьи. Всё остальное – второстепенно.

– Ы-ы-ы-жжж!

Из калитки справа вывалился заражённый и, спотыкаясь, направился к Волошину. Точный выстрел в лоб повалил зверя наземь. Теперь передвигаться в таком темпе было опасно – звук выстрела мог привлечь внимание других пьяных. Волошин побежал. Как он не любил бегать! Ещё на уроках физкультуры в школе он всячески уклонялся от бега на длинные дистанции. Потом армия, там было тяжело, но он был вынужден бегать. Как ни печально, курение со школы давало о себе знать. Курить и бегать – это тяжёлое испытание для организма.

Волошин пытался дышать так, как его учили – вдыхать носом, выдыхать ртом. Наладив определённый ритм, так можно было пробежать довольно большое расстояние. Лишь бы хватило сил. Но, к его счастью, расстояние было совсем небольшим – в Александрии в хорошем настроении можно было передвигаться, не используя общественный транспорт. Город не такой уж большой, разве что в

отдалённые микрорайоны – Октябрьский и Победа – нужно было ехать на автобусе.

Он не ошибся, выстрел стал тем самым обстоятельством, тем огоньком, на который слетаются вечером мотыльки. Только эти мотыльки были каннибалами. Когда он добежал до улицы Луначарского, за ним гнались несколько заражённых. Потом один из них напал на другого, третий на четвертого, и все они смешались в кровавой борьбе за свежее мясо. В этот раз Волошину повезло. Видимо, они посчитали неразумным бежать за добычей, когда совсем рядом такое же человеческое мясо. Могли они размышлять и делать какие-либо умозаключения? Это ему ещё предстояло узнать.

Тяжело дыша, он перебежал проезжую часть улицы и направился мимо гостиницы вперёд, к «базе». Пробежав такую короткую дистанцию, он ещё больше вспотел и дыхание его сбилось. Оно вырывалось с хрипом. Во рту пересохло. Но оставалось пробежать ещё немного. Волошин уже видел здание, там горел фонарь над входом и одно окно на первом этаже. Как-то странно. Он рассчитывал на то, что в здании будут сидеть как минимум трое. Но чтобы свет горел только в одном кабинете – это было удивительно.

Волошин мысленно уже был в здании, когда внезапно из ниоткуда появился крупный пузатый мужик в одних семейных трусах и с залитой кровью грудью. Его тело было объято паром, словно он вышел из бани. Тот преградил дорогу милиционеру так внезапно, что Волошин буквально врезался в него и выронил свой ПМ. Такое столкновение было сродни удара о стену. Ему было больно и досадно. Волошин успел взглянуть в лицо огромного мужчины. Жажда плоти блеснула в безумных глазах пьяного, и он крепко схватил ППС-ника за ворот его зимней куртки. На мгновение у Волошина подкосились ноги. На долю секунды он потерял сознание от страха. Смерть уже стояла рядом, возле мусорных баков, и курила в ожидании.

* * *

Поразмыслив, сидя на диване, Михалыч решил, что у него не было иного выбора, как уходить из квартиры. Дверей у него фактически не было, праздник был испорчен, аппетит пропал. И хотя была у него мысль забаррикадировать дверь и отсидеться дома, пока всё уляжется, он отбросил её. Во-первых, он должен был узнать, что происходит. Во-вторых, находиться одному (пусть даже с оружием) в небольшом помещении было опасно. В-третьих, его тошнило от вида залитого кровью коридора. Поэтому, язвенник принял решение спускаться вниз. А там – будь, что будет. Жил он на восьмом этаже в доме на углу проспекта Ленина и улицы Красноказачьей, где Центральный микрорайон встречается с Юго-Западным.

Лифт постоянно был занят и к тому же из него доносились странные звуки. Будто кто-то в нём дерётся или занимается любовью. В общем, там что-то

происходило. Но голосов он не слышал – только громкое дыхание и рычание. Михалыч направился к лестнице. На его площадке горела тусклая лампочка, которую включал его сосед вечером, но вот этажом ниже было темно. Миновал труп, язвенник осторожно и максимально тихо начал спускаться по ступенькам. Где-то на пятом или четвертом этаже грохнула дверь, и подъезд наполнился леденящим жила криком. Кричала женщина. Но это продолжалось недолго. Было слышно, как она покатила вниз по лестнице. За ней кто-то бежал.

– Вот чёрт! – схватился за сердце язвенник.

Постояв немного на пролёте между восьмым и седьмым этажами, он пошёл дальше вниз. Хлопнула дверь в подъезд, и Михалыч прикинул, с какой силой её надо было ударить, чтобы она так стукнула. Это была дверь с домофоном, и на таких обычно стоят штуковины, которые плавно закрывают дверь. Но тут был удар. Причём удар сильный. Кто-то либо с силой её захлопнул, либо выбил изнутри. Чтобы выбить такую дверь, казалось, нужно иметь нечеловеческую силу. Но кто знает, остались ли ещё люди на этом свете?

Михалыч не смотрел постапокалиптические фильмы про зомби, и ему тяжело было представить всю безысходность ситуации. Но нутром он чувал, что дела его совсем плохи. Сейчас он корил себя за то, что у него нет мобильного телефона. Казалось бы, не такая уж и дорогая вещь – у многих сейчас было по два номера телефона и мобильники на две карточки. А вот у него – ни одного. С другой стороны – если связь не работает на стационарных телефонах, то с большой долей вероятности она не работает и в сотовой сети. Это казалось ему логичным, по крайней мере – в пределах его понимания принципа работы сотовых сетей.

Руки его вспотели. Так было опасно держать ружьё. Поэтому язвенник осторожно вытер руки о камуфляжную зимнюю куртку. Сначала одну, потом вторую. Постоял и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Оказывается, и на шестом тоже не было света. Возле лифта что-то лежало. Михалыч быстро понял, что это было. По ручейкам крови, которые стремились к лестнице. Он сглотнул. Нужно быть начеку. Стараясь идти как можно тише, язвенник спускался. Подъезд, казалось, ожил: внезапные короткие вскрики, шум, удары по дверям и такая неуместная громкая музыка в чьей-то квартире.

Михалыч был на пятом этаже, когда лифт остановился и двери открылись. Там стоял, шатаясь, человек. На полу лежал ещё один с выдавленными глазами, совсем готовый. Тот, который стоял, был залит кровью. У него не было уха, щека была разодрана, горло расцарапано – но он бы ещё живой (или полуживой?). Силы явно покидали его, когда он ступил на площадку. Руки его как верёвки болтались вдоль туловища. Михалыч поднял ружьё и прицелился.

Дверь подъезда тихо открылась и оттуда показалась голова Нацика. Холодный ветер бросил в лицо ему мелкую снежную пыль. На улице было тихо. На удивление тихо. Как обманчива бывает, порой, тишина! Рядом возле подъезда в сугробе лежал труп. Нацик почему-то совсем не удивился этому. Красный снег под телом говорил о том, что этот человек вряд ли уже поднимется и пойдёт домой выпить чашку чая. Скрип двери испугал бездомного пса, который обнюхивал труп, и он быстро убежал, поджав хвост. Нацик покинул подъезд и подошёл к трупу. Открытые глаза смотрели на затянутое тучами холодное, уже январское небо. Рот был приоткрыт, и можно было сосчитать все зубы и коронки, поскольку на лице отсутствовали щёки. Нацик отвернулся.

Он видел фильмы ужасов, но настоящей насильственной смерти ему видеть не приходилось до сегодняшнего дня. Бутафорские внутренности и кровь на экране всегда воспринимались как ненастоящие, пускай выглядели они очень реально. Сегодня он увидел смерть во всей её безумной красе. Нет, не ту смерть, когда старик умирает во сне. Не ту, когда слабеет рука больного в твоей ладони. Страшную, неумолимую и совершенно бессмысленную смерть. Смерть ни за что.

Со рта валил пар. Было всего восемь градусов ниже нуля, а воздух был таким холодным и свежим, что Нацику было трудно дышать. Он стоял, вслушиваясь во все звуки вокруг. Правая рука ощущала приятный груз биты. Он был готов воспользоваться ею, если вдруг «жмурик», лежащий у подъезда надумает подняться.

Тишину нарушил звон бьющегося стекла и отчаянный крик. С седьмого этажа соседнего подъезда вылетело что-то движущееся. Полёт был недолгим, равно как и крик. Человек утих, соприкоснувшись с бедно усыпанным снегом асфальтом. Ему некуда было бежать от заражённых. У него было только окно. Пускай страшно, но не страшнее, чем быть заживо съеденным. Этот человек сделал свой выбор.

Как-то сразу весь двор пришёл в движение. Сначала донесся звериный рык из подъезда слева. Затем хлопнула дверь подъезда справа. Потом где-то в соседних дворах начали разрываться петарды. Кто-то в доме начал дико орать в невероятном ужасе... Нацик напомнил сам себе: оставаться здесь ему опасно. В этот момент дверь подъезда, у которой стоял Нацик, скрипнула. Оттуда вышел полуголый трясущийся мальчик, заплаканный и перепуганный до смерти. Нацик опешив, тем не менее протянул ему навстречу руку:

– Мальчик, иди сюда, скорей! Я тебе не сделаю больно, я хороший. Ну же, иди сюда, – он старался не делать резких движений.

Уже почти взял мальчика за руку, когда дверь снова приоткрылась и кровавая рука схватила ребёнка за волосы. Отчаянный детский крик наполнил весь двор. Нацик отпрянул и замахнулся битой. Но было уже поздно. Кто-то утащил мальчугана в тёмный подъезд. Нацик так и остался стоять как вкопанный, с битой

наготове. Потом, вспоминая этот момент, он не мог сказать, почему на раздумья у него уходило так много времени.

– Сука, оставь ребёнка! Иди сюда, падаль! – крикнул он.

Ответа не последовало. Мальчик умолк. Нацик попятился назад, не отрывая глаз от подъезда. Но его уже заметили. Справа из соседнего подъезда вышли двое. То, что они вышли не затем, чтобы покурить, стало ясно, когда они с каким-то необъяснимым восторгом кинулись в сторону Нацика. Двоих он мог и не потянуть, поэтому понадеялся на свои крепкие ноги.

Бежать от пьяных было легко – они быстро сдались, сдулись и упали прямо на землю. По крайней мере, Нацик теперь знал, что бегством от «этих» спастись можно. Пока он был один, доверять он мог только своей бите, огромному ножу и тренированным ногам. Но он не собирался быть одним в этом опасном положении. У него был план.

– Что, твари, печёночка побаливает? Бежать трудно? – немного запыхавшимся голосом окликнул лежащих заражённых Нацик.

То, что те двое были ещё живы, говорили столбики пара, ритмично выдыхаемые ими. Но догнать свою жертву они явно передумали. Нацик отвернулся и зашагал к переулку, что выведет его к 17-ой школе, которая нынче гордо именовалась «Учебно-воспитательный комплекс». Далее он думал мимо Коллегиума (20-я школа) пройти к рынку «Айсберг» и наведаться в отделение милиции, где была база Патрульно-постовой службы и сидели участковые. Уж там можно было найти оружие серьёзнее чем то, которым он располагал. Идти ему предстояло не больше километра. Но в таких условиях километр (целый километр!) был довольно длинной и опасной дистанцией. Что ж, нужно рискнуть!

Те двое, что преследовали Нацика, лежали на снегу и даже не пытались встать. Что они собирались делать дальше, его не волновало и времени, чтобы выяснить это, у него не было. Задача №1 на тот момент была тривиальна: добраться живым и желательно невредимым в милицию.

12

Нарколог сидел в кресле и ждал, когда Саша очнётся. Её красивое лицо было воплощением детской невинности и чистоты. В свои двадцать пять она выглядела намного моложе, она была словно ребёнок. Непорочный и наивный. Лёгкий румянец проступил на её щеках. В этой безмятежности она пробыла уже минут 20, не менее. И сейчас по её лицу никак нельзя было сказать, что только вот недавно она была настолько перепугана и обеспокоена, что это привело её к обмороку. Локон волос прилип к щеке замысловатым узором и сейчас, когда организм немного успокоился, он не мог держаться на сухой уже щеке и упал на подушку. Женя сидел и наблюдал, но ни на минуту не забывал о том, что творилось за дверьми его квартиры.

Он думал так: пока сейчас слишком шумно для того, чтобы попытаться выйти наружу и пройтись к охотничьему магазину. Когда всё более или менее уляжется, тогда можно будет попытаться. Конечно же, без Саши. Её на эту авантюру он не взял бы ни за что. А следовало ему пройти ни много, ни мало – целых два квартала к магазину, который был недалеко от центральной площади. Но пройти – это была только половина плана. Нужно ещё было как-нибудь взломать замок на магазине. А это дополнительный шум и операция, требующая некоторых усилий и специальных инструментов. Взломщик из врача-нарколога был плохой, но зато он имел представление, что из себя представлял на входной двери охотничьего магазина.

Дверь там была металлическая, но некачественная. При желании можно было её вскрыть как консервную банку. За ней была ещё одна дверь, но уже стеклопластиковая и с обычным замком на ключе. В общем, ничего особого. Ножницы по металлу и терпение, вот и всё, что было нужно. А если сработает сигнализация, охрана всё равно не приедет. По крайней мере, визит охраны в его планы не входил.

Но пойти нужно ещё затемно, чтобы его по дороге не заметили. А то, что одержимые были не только в его подъезде, доктор знал наверняка. Несколько он слышал на улице, даже мог разглядеть их в окне. Нужно будет с собой взять что-нибудь поострее и потяжелее. Одного тесака будет недостаточно. Евгений вспомнил про монтировку в своей машине. Жаль, что его посудина была в гараже. Чтобы пойти за ней, нужно было идти на окраину города, в гаражный кооператив. А это было чрезвычайно опасно и нерационально. Поэтому, идею с монтировкой Женя отбросил. Был у него ещё хороший увесистый молоток с гвоздодёром. Пожалуй, он подойдёт.

– Женя, ты ведь не убьёшь меня? – вдруг спросила Саша.

Нарколог и не заметил, как проснулась его подруга. Взгляд её был полон надежды и отчаянья. Такой взгляд бывает у обречённых людей. С таким взглядом смотрит нищий, который просит себе на пищу, а не на выпивку. Женя не мог обманывать её, не имел права. И, конечно же, он не собирался её убивать (если она не превратится в то, во что превратилась соседка). Нужно было расставить все точки над «i».

– Послушай, Сашенька! – говорить ему было трудно. Сейчас нужно было тщательно подбирать слова и ни в коем случае не давить на неё. – Я не собираюсь никого убивать. Но ты должна понять, что здесь происходит. Пожалуйста, выслушай меня и попытайся поверить мне.

Женя присел рядом, но не настолько близко, чтобы напугать Сашу. Всё-таки она ещё переживала по поводу своей безопасности, находясь рядом с ним. Он продолжил:

– Всё очень серьёзно. Настолько серьёзно, что это вопрос выживания. Если не

убьём мы, то убьют нас. Причём жестоко и медленно. То, что я понял, можно описать так: неизвестным образом люди в нашем подъезде, или даже во всём городе заразились какой-то болезнью. Она похожа на бешенство, но это что-то другое. Я такого никогда не видел. Разве что у пациентов с белой горячкой (но они не ели людей).

Он сложил руки «лодочкой», собираясь с мыслями.

– Итак, передаётся вся эта дрянь непосредственно через кровь – при укусе, например. После этого человек, видимо, засыпает. Очень крепко. Сколько ему нужно для «превращения», я точно сказать не могу. Может 10 минут, может полчаса. А может, это индивидуально для каждого. Понимаешь?

Саша кивала головой. На глазах у неё проступили слёзы.

– Когда болезнь берёт верх над организмом, она, видимо, поражает мозг. Человек теряет контроль над своим организмом и повинуетя инстинктам. Для него главной задачей становится – выжить. Для этого ему надо питаться. Он нападает на любого, кто окажется рядом. Желательно, на живого. – Искоса глянул на Сашу, пытаюсь понять, можно ли посвящать её в детали. – И начинает есть его мягкие части тела – щёки, нос... У этой женщины, которую мы впустили были раны ещё и на груди. Как они ведут себя после того, как насытятся, я тоже не знаю. Возможно, спят. Возможно, снова нападают, чисто ради удовольствия. Ведь они как звери. И этот звериный рык, и нечеловеческий голос... Будь я попом, подумал бы, что они одержимые.

Молодая библиотечка очень внимательно слушала нарколога, и при его последних словах в глазах её мелькнуло понимание. Какая-то догадка. Можно было подумать, что её озарило.

– Может, так оно и есть? – спросила Саша.

– Вряд ли. Это, в общем, всё, что я думаю. Похоже на фильмы про зомби. И, чёрт побери, я даже думал как-то, что такие сюжеты в фильмах – вполне вероятное будущее. Лучше бы я так не думал. Я перепуган так же, как и ты, поверь. Сашенька, я не знаю, что делать дальше. Сейчас я могу сказать только одно: нам нужно оружие.

При этих словах он немного подвинулся к ней. Саша инстинктивно отодвинулась. Ему нужно оружие! Для чего?

– И оружие серьёзное. Для этого я собираюсь сходить в охотничий магазин.

* * *

– Не стреляй, твою мать! – раздался голос человека, который вышел из лифта.

– А ты не подходи! Стой там, сука, а то убью нахер! – шутить Михалыч не собирался.

– Я стою, не стреляй. Что это за херня происходит? Этот бешенный бросился на меня, будто хотел съесть!

– Можешь не сомневаться, этого он и хотел, – Михалыч опустил ружьё. – И что ты с ним сделал?

– Удушил. И нахрен выдавил глаза! А что мне оставалось делать? Слышь, дед, я оборонялся, понимаешь? – парень сделал шаг навстречу язвеннику. Тот поднял ружьё, давая понять, что не желает знакомиться ближе.

– Понимаю. Я сейчас тоже обороняюсь, так что стой там.

– Мне бы «скорую» вызвать. Этот урод покусал меня. Вот... кровь течёт, как из ведра.

– Нету «скорой». И ментов нету. Телефоны не работают. Мобильник есть у тебя?

– Да, на, вот, а то у меня руки трясутся... – Парень достал из кармана куртки телефон и, положив его на пол, запустил в сторону Михалыча. Мобильник со скрежетом проехался по бетонному полу. Сам раненный сел возле дверей, ближайшей к лифту квартиры. Он терял силы.

Михалыч взял телефон и с минуту пытался разблокировать клавиатуру. Мало того, что он плохо видел. Он ещё и не мог понять, что от него требуется. Парень в это время безучастно смотрел в пол. Наконец, каким-то неведомым образом язвенник нажал нужную комбинацию и мобильник расблокировался. Когда телефон был включён, на экране появилась надпись: «Нет покрытия».

– Не берёт и мобильник... Что ж такое? – «порадовал» парня Михалыч.

– Круто. И чё делать теперь, дед? – спросил парень, не поднимая головы.

Было слышно, как кровь капает на бетонный пол – в подъезде снова воцарилась тишина. Только Михалыч и раненный. Парень явно долго не протянет. Слишком глубоки были его раны. Михалычу не хотелось идти обратно в свою квартиру, но нужно было взять хотя бы бинт и вату из аптечки.

– Вот, чёрт, придётся возвращаться, – проговорил вслух Михалыч. – Я схожу к себе за бинтами. Сиди тут и не лезь никуда. Я быстро.

Тот, казалось, не обратил внимания на слова Михалыча. Но язвенник знал, что парень ещё живой. Его сиплое дыхание ещё можно было услышать.

Михалыч снова опустил ружьё и начал подниматься на свой этаж. Осторожно и тихо, не привлекая внимание. Миновав несколько этажей, он остановился отдышаться. В этот момент ему стало плохо, и он вынужден был присесть. Мысли, тем не менее, роем кружили в его голове. Почему не работают телефоны? Что происходит с этими людьми, которые ни с того ни с сего нападают на других, стараясь перегрызть им горло? Какая-то чертовщина. Может быть, тот самый «конец света», о котором постоянно говорят по телевизору?

Всё очень странно. И что будет дальше, Михалыч не знал. Возможно, из могил поднимутся мёртвые, и будет Второе пришествие... Пока он стоял на седьмом этаже, кто-то на восьмом тащился по полу. Михалыч осторожно ступал по ступенькам вверх, чтобы увидеть, кто там. Это был его сосед. Был, – самое

подходящее слово в этой ситуации. Сейчас это существо без ног и с обезумевшими глазами тащилось по полу из своей квартиры, оставляя за собой след бурого цвета. И даже в таком состоянии, полуживой, он хотел есть. Язвенник ступил навстречу соседу и тот, изнемогая, потянулся руками к жертве. Короткий удар прикладом в висок отправил безногого пьяного соседа к праотцам.

Второй. За этот вечер Михалыч погубил уже двоих. Что было бы с ним, если он не убивал бы этих несчастных? Бог его знает. Скорее всего, они бы убили его. Правда, сосед не был похож на опасного людоеда. И даже может быть, он всего лишь тянул руки в надежде, что Михалыч как-нибудь поможет ему.

– Как же, помощи он просил, - подумал вслух язвенник. – Мяса он просил, а не помощи.

Он пытался оправдаться? Да. С другой стороны, Михалыч, возможно даже помог своему соседу. В некоторой степени. Он избавил его от мучений, разве не так? Подождав, пока дыхание снова придёт в норму, язвенник пошёл дальше.

Ох, как не хотел Сергей Михайлович возвращаться в свою квартиру. Миновав два трупа возле лестничной площадки, он прошёл в свою квартиру, вслушиваясь в каждый шорох. Когда он нащупал выключатель в коридоре и включил свет, он был очень близок к инфаркту: прямо перед ним сидел его кот Макс и после того, как щёлкнул выключатель, он с удивлением мяукнул. Язвенник схватился за сердце и опустил ружьё. Тяжело дыша, он прошёл далее, надеясь где-нибудь присесть, чтобы перевести дух. Уж кого-кого, а своего кота он никак не рассчитывал увидеть. Он даже забыл про него.

В подъезде снова слышались движения, звуки, похожие на рычание и крики. Михалыч крепче сжал ружьё и встал из кресла. Нельзя задерживаться! Ни на минуту. Он пошёл в ванную и достал из аптечки бинт и антисептик. Подумав немного, захватил валидол и омепразол⁴. Распихав это всё по карманам, язвенник выключил в квартире свет и вышел.

Его снова ждал путь по ступенькам вниз. И снова он был осторожен и старался не спешить. Но когда он спустился к тому парню, тот был уже мёртв. Он так и не дождался «скорой помощи». Впрочем, как и все остальные укушенные.

Михалыч тяжело вздохнул и направился к лестнице, которая вела вниз. Он не мог этого видеть, но у него за спиной парень открыл глаза.

Ночь была тёмной, и продвигаться тихими переулками и дворами Нацику было нелегко. К тому же, он создавал некоторый шум, когда под ногами хрустел выпавший снежок. Первый отрезок пути он прошёл без проблем, теперь ему

⁴ Валидол – лекарство при сердечных спазмах, омепразол – лекарство для язвенников

предстояло идти мимо коллегiums (двадцатой школы) к рынку. Вроде бы тихо и спокойно, но было что-то определённо настораживающее в этой тишине. Крик из 118-го дома заставил Нацика вздрогнуть – который раз за вечер. Кричала женщина, умоляя о помощи. Он снова оказался в ситуации, когда для спасения кого-то ему требовалось жертвовать своей безопасностью. Недолго думая, он поднялся от центрального входа на территории коллегiums и свернул к 118-ому дому. Там он увидел леденящую душу картину.

На асфальте возле последнего подъезда в слабом свете окон первых этажей трое зверей терзали женщину. Она ещё была жива и даже пыталась вырваться, но силы, видимо, покидали её. Нацик вспомнил передачу, которую недавно видел по каналу Natgeo Wild по кабельному телевиденью. Тогда бедную лань или антилопу терзали львицы. Увидеть подобное вживую он никогда не рассчитывал, но времена настали другие. Ему показалось, что женщина его увидела и даже попыталась назвать его имя, но тут ей в горло вцепился один из нападавших. А Нацик стоял как вкопанный и снова ничего не смог предпринять.

Вспоминались жуткие кадры, которые он видел в интернете. На одном из таких жутких видео бандиты резали глотку ни в чём не повинной женщины, которая, видимо, нарушила их варварские законы. Процесс был показан во всех деталях и крупным планом. Бульканье и кряхтение надолго врезалось ему в память. Сегодня ночью он уже дважды видел подобное. Только это было ещё ужасней – горло не резали, а грызли. После того, как он пересматривал страшное видео, он неделю не мог спокойно спать, и это в таком-то возрасте. Как он будет спать теперь, Нацик даже не предполагал. Может быть, ему так же перегрызут горло. Но парень твёрдо решил для себя: ни в коем случае не допустить этого. Лучше пулю в рот! Но пулю ещё нужно где-то взять.

Когда женщина перестала дёргаться, он отвернулся и побежал прочь. Его состояние было близко к помешательству. Он пробежал так до самого участка. А там Нацику стало стыдно, что уже второй раз не смог прийти на помощь нуждающемуся человеку. А ведь он смог бы справиться. Может, трое против него – это было много, но двоих бы он точно уложил бы. Так он думал. Почему-то вспомнились времена дурной юности, когда они избивали людей. Они компанией могли побить одного-двух человек, это было просто. Но смог бы он один противостоять троем? Тогда – нет. Сейчас – возможно, но никакой уверенности у него не было. Пускай они и пьяные, но что, если они нападут все втроём сразу? С тех пор, как он бросил пить и курить, у него добавилось здоровья и силы, но смелости и уверенности – нет.

Осмотревшись по сторонам, Нацик присел возле забора, отделявшего «Базу №2» от жилого двора. Нужно было отдышаться. И быть бдительным. А ещё – готовым на всё. Этот дворик был довольно тихим, полумёртвых здесь было неслышно. И

живых, кстати, тоже. Лишь в окнах девятиэтажки горели гирлянды, и где-то громко звучала музыка. Он сплюнул. В такие моменты он обычно закуривал. Но он бросил. Хотя... В такой ситуации можно было бы одну скурить, если бы под руки попались пачка сигарет и спички. С другой стороны, он прекрасно понимал, что дай он слабинку, то не только закурит, а и напьётся. Поэтому он выбросил из головы все мысли о сигаретах и снова сплюнул.

– Да уж, весёлый новый год! – сказал сам себе Нацик и поднялся.

Почему-то болела спина, и он сам себе задал совершенно неподходящий вопрос: от чего может болеть спина после бега? Мысленно он ввёл этот запрос в строку поиска Google. Чёрт, и тут работа мерещится! В голове всё кружилось и вертелось, мозг не мог адекватно реагировать на возбудителей и плевался совершенно неподходящими картинками.

Оглянулся на здание участка, в надежде, что хоть в каком-нибудь окне будет гореть свет. Тщетно. Скорее всего, вся милиция сейчас на ногах и стреляет таких вот полуживых тварей, которых видел Нацик во дворе. И лишь присмотревшись хорошо, он смог распознать, что где-то в здании всё-таки горит свет. Вся загвоздка в его слабом зрении, - так он думал тогда. Ночью он очень плохо видел. Свет было видно сквозь щель под дверью в комнате, возле окна которой он стоял. Значит, в коридоре горит свет, а это значит, что кто-нибудь там должен быть.

Ну, это уже неплохо. Для начала нужно было придумать, что сказать, если там есть живые и они ничего не знают. Да что выдумывать? Рассказать, как есть, а если нужно – показать. Нацик направился ко входу, и когда уже подходил к двери, она захлопнулась. Кто-то зашёл внутрь. Или закрылся, увидев Нацика. Осторожно и тихо он подошёл к двери и приложил к ней ухо. Тишина. Он осторожно постучал. Никакого ответа. Затем обошёл здание по его тёмной стороне. Он осмотрел дверь. По левую руку возле двери был дежурный звонок. Нацик нажал его и услышал где-то за дверью трель.

Через минуту на пороге зажёгся свет. Кто-то хотел увидеть человека, стоявшего у двери. Нацик это понял и громко сказал:

– Я нормальный! Впустите меня.

Для большей наглядности он вышел на свет и покрутился вокруг своей оси с поднятыми руками. Свет погас. Теперь оставалось надеяться, что ему поверили и откроют.

* * *

Толстый мужик крепко схватил Волошина и оскалил свои окровавленные зубы. Табельный ПМ бесполезно валялся под ногами. Руки милиционера были зажаты вдоль тела, и он практически не мог пошевелить ими. Ситуация была безвыходной, и Волошин уже думал молиться, когда левой рукой он нащупал баллончик у себя на поясе. Это было его спасение. Но его нужно было снять и направить на рожу

этого зомби. А это было уже проблематично. Чтобы вырваться из таких объятий Волошин знал только один приём: удар в пах. Он не знал, подействует ли этот приём на полумёртвого, но попробовать стоило. Он сделал это, когда зубы пузатого уже почти впились ему в шею. Внезапный удар в пах мгновенно заставил толстого пересмотреть приоритеты, и он отпустил милиционера, чтобы схватиться за то место, которым он так дорожил.

Бабский приём? Возможно. Вот только это был единственный действенный приём в такой ситуации.

– Что, больно? – Волошин был рад своему быстрому освобождению. – А вот этого не хочешь?

Сорвав баллончик со своего пояса, Волошин направил его в лицо оторопевшему верзиле. Брызнул газ, и всё лицо толстого мужика окуталось облаком жгущей пыли. Он зарычал и ухватился за лицо. Казалось, ему теперь не важно было, болит у него пах или нет, теперь его волновало лицо. Обливаясь слезами и мыча, словно корова, толстый сделал попытку схватить Волошина, обнял руками воздух, а ППС-ник хорошо поставленным ударом в челюсть свалил ходячую тушу с ног.

– Лежи, падлю.

Младший сержант поднял с земли свой пистолет и прицелился. Несколько секунд он думал, пока мужик пытался прийти в себя, корчась от боли. Но Волошин решил экономить патроны и не стал добивать пьяного. Тот уже не представлял опасности.

Он обошёл беспомощного заражённого и побежал к «Базе №2⁵». Там в одном из окон горел свет. На ходу Волошин достал рацию и, нажав кнопку, проговорил:

– База-2, приём.

Никакого ответа.

– База-2, приём. Есть кто живой?

Он подождал возле входа ещё минуту, в надежде, что ему ответят по рации. Собираясь уже звонить в дверь, когда рация зашипела и оттуда донёсся голос:

– База-2, кто на связи?

– Волошин на связи. Приём.

– Волошин, ты живой?

– Живой. Кто говорит?

– Я тут один. Петриченко говорит. Это ты возле дверей?

– Да, это я. Открывай.

– Выйди на свет, я на тебя посмотрю.

Волошин отошёл от порога и тут же включился фонарь над дверью. Дёрнулась штора у окна возле входных дверей. Кто-то наблюдал за Волошиным из темноты.

⁵ База №2 – простое название местного отдела участковых и ППС

Через минуту входная дверь приоткрылась. Но оттуда никто не вышел. Волошин, держа наготове ПМ, приоткрыл двери и увидел перепуганного Петриченко, который тоже держал ствол в руках.

В этот самый момент Нацик подходил с другой стороны здания.

14

Ночь была долгой. Прошло, казалось, несколько часов, прежде чем нарколог смог уверить себя и Сашу, что на улице более-менее спокойно. Он начал разбирать свою баррикаду перед дверью, когда Саша уснула словно ребёнок, заботливо укутанная пледом на диване. Стараясь не нарушить её хрупкий сон, Женя осторожно разбирал вещи, которые набросал перед дверью. Когда можно было посмотреть в глазок, он увидел, что перед дверью лежит труп, и больше никого нет.

Всё же ждать можно было чего угодно, поэтому тесак был при нём. В подъезде – тишина, во дворе – тоже. Самое время действовать. Но сначала нужно было предупредить Сашу, чтобы она не проснулась одна и не подняла крик. Женя тихо подошёл к ней и дотронулся до плеча. Она крепко спала. Тогда он позволил себе поцеловать её, чего давно уже хотел. Она открыла глаза, и на лице её можно было заметить кое-что похожее на улыбку.

– Сашенька, я сейчас пойду. Ты останешься здесь.

Она кивнула головой. Видно, была ещё сонная и не совсем понимала, что происходит.

– Я закрою дверь на замок, а ты никому и ни при каких обстоятельствах не открывай. Даже милиции. Даже если кто-нибудь будет очень просить и умолять о помощи. Хорошо?

Саша снова кивнула.

– Отлично. Старайся не включать телевизор и не создавать шума, чтобы не привлечь к себе внимания. Договорились?

– Да, – на этот раз Саша подала голос.

– Хорошо. Я иду и буду минут через сорок, возможно, через час. Постарайся поспать. Всё будет хорошо.

Саша снова кивнула головой, и Женя был практически уверен в том, что она так и сделает. Хорошо, что она не задаёт вопросов и не пытается пойти с ним. Это было бы лишним. Женя не смог бы остановить её, если бы она пожелала идти с ним, а отвечать за безопасность не только свою, а и её на данном этапе было проблематичным.

Он собрался, оделся и взял ключи. В левой руке он держал единственное, что могло ему быть оружием – кухонный тесак, его он примостил за ремнём, а в руках оставил монтировку, которую достал из кладовки. Осторожно открыл дверь и всмотрелся в труп, опасаясь, что тот вдруг оживёт. Но ничего такого не произошло.

Когда дверь в квартиру была заперта, он мысленно пожелал себе удачи и начал спускаться по ступенькам.

На улице было тихо. Казалось, будто город вымер или все ввали в спячку. Впрочем, это было недалеко от истины. Женя стоял у открытого подъезда и осматривал двор. Тишина, и только где-то со стороны частного сектора доносился собачий лай. До рассвета ещё далеко, поэтому тьма послужит ему прикрытием в этой рискованной операции. Он свернул налево, к улице Луначарского. Только теперь он начал замечать кровь на снегу повсюду. Да ещё несколько трупов, валявшихся по всему двору, возле подъездов. Удручающее зрелище, но времени на эмоции у него не было. Нужно быть осторожным и как можно тише идти вперёд, к заветному магазину.

Он ещё раз проверил свои карманы. Всё ли он взял? Ножницы по металлу у него лежали в правом кармане зимней куртки, небольшой ручной фонарик – в левом. Тесак – за поясом, холодная монтировка – в руках. Женя пожалел о том, что не взял свои перчатки. Там, дома, он подумал, что держать тесак в перчатках было опасно. Теперь же руки его замёрзли буквально за минуту. Как он будет справляться с ножницами – он не знал.

Мимо трупов и луж крови он шёл через двор вдоль своего пятиэтажного дома. Ему вспомнилось, как однажды он так же, в глубокую ночь выходил из подъезда, чтобы отправиться в круглосуточный магазин за выпивкой. Перед этим он крепко напился и проснулся среди ночи в страшном похмелье. Всё, что он тогда мог придумать – это выйти в магазин за «чекушкой» водки, чтобы сбить это дурное состояние. Он думал, что это ему поможет, хотя был наркологом. Многие алкоголики так думают, и лишь единицы понимают, что это – продолжение попойки, и только усугубляют ситуацию.

Тогда он свернул направо и шатающейся походкой побрёл вдоль дома. Его начало трясти, хотя на улице было не очень холодно. Это яд выходил из организма. Женя не заметил двоих парней, которые сидели на лавочке у соседнего подъезда. Они сидели молча, и, казалось, ждали именно его. Он проплыл мимо них, как корабль по волнам – его качало из стороны в сторону. Ребята зашли сзади.

Он тогда не «вырубился» и почувствовал всю ненависть этих двоих. Они набросились на него со спины, и принялись остервенело бить руками и ногами по чьм зря. Удары наносились хаотично, но были очень болезненными. Он пытался защитить лицо, а они били его по затылку. Когда он притворился, что потерял сознание и прекратил сопротивление, они остановились и принялись шарить по его карманам. Улов был нехитрый – мобильный телефон и 20 гривен одной купюрой. Правда, телефон по тем временам был неплохим средством разжиться на денежку. Зачем он взял его с собой?

Тогда он так и не опохмелился, а вместо этого – получил по голове и остался без

телефона. Сейчас же он был готов ко всему, но такой вариант развития событий Женя даже не брал в расчёт. Сейчас опасаться нужно было не за деньги и телефон, а за свою жизнь.

* * *

Михалыч хоть и был немного глуховат на одно ухо, и к тому же у него звенело в ушах от недавних выстрелов в замкнутом помещении, но он смог услышать, что за ним кто-то спускается по ступеням. Шаги вторили его шагам, также мерно и неспешно отзываясь эхом по лестнице в подъезде, который почему-то погрузился в тишину. Кто-то шёл сзади, отставая от Михалыча на один этаж. Но на лестнице было темно, и разглядеть этого человека не представлялось возможным. Поэтому язвенник решил продолжать своё отступление к выходу, благо оставалось пройти всего один этаж вниз.

Он даже догадывался, кто это мог быть. Но решил перестраховаться, выйти на улицу и там уже подождать того, кто его преследовал. Кисть приятно охлаждала сталь его единственного на тот момент друга – ружья. Отрадно было находиться в относительной безопасности, ощущая тяжесть оружия и зная, что патронов ещё много. Ну, вот и последний лестничный пролёт. За ним – входная дверь подъезда. Михалыч почувствовал себя уверенней на какие-то доли секунды, прежде чем шаги сзади участились. Теперь тот, кто его преследовал, решил всё-таки догнать пенсионера. Михалыч сделал рывок и нажал на кнопку, открывающую дверь. Вывалившись на улицу, он успел сделать несколько шагов, почти упал в снег, но сумел сдержать равновесие и обернуться лицом к подъезду.

Дверь ещё не успела издать характерный лязг, магнитный замок ещё не сработал, когда на улицу вывалился окровавленный человек. В темноте было не видно, мертвяк это или живой, но Михалыч уже узнал его. Тот самый парень, к которому он не успел прийти на помощь. Но он точно был мёртв, когда язвенник подошёл к нему тогда с бинтами. Теперь же этот молодчик, который с головы до ног был облит кровью, топтал землю как обычный живой человек. Правда, не издавал ни звука. Михалыч поднял ружьё и прицелился. Всякий человек, на которого наводят ствол, останавливается и как-то автоматически поднимает руки. Потому что в нём возникает жуткий страх перед смертью. Этот был явно не «всякий», а скорее всего – и не человек уже. Он двинулся на Михалыча, что-то булькнув своими распухшими губами.

Там, где была до этого его голова, внезапно распустился странный кроваво-красный цветок. Тело по инерции ещё двигалось вперёд, но уже обезглавленное и не представляющее опасности. Парень теперь уж точно мёртв. «По крайней мере, без головы ему трудно в жизни придётся», – подумал Михалыч, опуская ружьё.

Выстрел, казалось, привёл в движение весь дом. Шумы снова возобновились. Где-то открылась дверь на балконе, где-то включился свет на кухне. Михалыч

обновил патрон в стволе и удовлетворённо положил ружьё себе на плечо. Теперь он чувствовал себя легче. Но нужно быть начеку, нужно смотреть в оба. Не то все эти патроны, набитые по карманам, будут, как говорится, «до задницы». Михалыч уходил от своего подъезда, сам не зная куда, через двор вдоль проспекта Ленина, мимо пятиэтажных «хрущёвок».

Все эти годы, которые он здесь прожил, с момента заселения своего пятиэтажного кирпичного монстра, он любил эти дворики. Когда-то этой райончик называли «домики», сейчас – никак. На его глазах здания ветшали и превращались в кирпичные коробочки, которые иначе, как жилплощадью, назвать нельзя. В эту ночь дворик был по-особому неприятен. Может, в силу сложившейся ситуации. И эти «домики», которые смотрели на него тусклыми окошками, навеивали только печаль.

Иной бы на его месте чувствовал себя Джоном Рэмбо, но Михалычу был чужд голливудский мир боевиков. Он скорее тяготел к философии. Например, выпить с каким-нибудь другом и поговорить. Как принято у нас, пообщаться за бутылочкой водочки. Но в последнее время ему не было с кем говорить, а тем более – выпить. Выпить-то хотелось, но нельзя. Так он с ружьём наперевес шёл по плохо освещённому двору, оставляя за собой вереницу следов на тающем снегу. Раз уж так всё сложилось, то не посмотреть ли в последний раз на новогоднюю ёлку? А там уже видно будет, как поступать дальше...

– Видать, праздник удался, – сказал сам себе Михалыч. – Никогда не знаешь, чем может закончиться год старый, и как начнётся новый.

Глава 2. ВСТРЕЧА.

1

В ту ночь Александрия действительно спала. Кто уснул навеки, а кто-то уснул, а потом проснулся с дикой жаждой свежей крови. Кто-то, спрятавшись от этого кошмара, спал где-то за стальными дверями. Всех их объединяло одно: они были в Александрии. И неважно – коренные ли александрийцы, гости или просто неудачно остановившиеся в отеле, – все они теперь были в общей упряжке. Те, кто смог выжить, не могли знать наверняка: будет ли рассвет. Или это наступил то самый конец света, о котором говорят беспрестанно на протяжении всей истории. В любом случае, абсолютным приоритетом людей в ту ночь стало выживание.

Пока мороз не сменился во второй половине ночи потеплением, атмосфера праздника была самая настоящая. Гирлянды, хлопушки, петарды, веселье, шампанское. Но наступил момент, когда всё изменилось. И потеплело. Возможно от того, что слишком много крови пролилось в ту ночь, возможно – так распорядился циклон. Тем не менее, было ещё довольно холодно и руки ещё мёрзли. Ночной город, казалось, спал, но затаил в себе что-то опасное. Смертельно

опасное. Холодный ужас окутал каждую улицу, каждый двор и каждый дом со всеми квартирами. И конца этому не было видно.

Когда человек оказывается перед лицом смерти, в нём оживают те первобытные инстинкты, о которых он даже и не знал. А если знал, то предпочитал не думать о столь диких и страшных своих повадках. В ту ночь выжившие переродились, преобразились и стали теми, кто «может и должен». Судьба распорядилась так, что выжили именно они, а не выдающиеся личности, богатые и знаменитые или избранные. По сути, избранными стали они. И только Бог знает, сколько времени они смогут продержаться.

Волошину стало немного легче, когда он оказался в участке. Перед ним стоял Петриченко, здоровый мужик. Тот выглядел, как запуганный и забитый зверь. В тусклом свете Волошин увидел на форме сержанта свежие пятна крови. Лицо его тоже было перепачкано. Волошин не знал, чья это кровь. Но ему сейчас этого и не нужно было знать. Он ещё пытался отдышаться.

– Что, мать твою, случилось? Что за херня происходит? Ты хоть мне можешь ответить, Волошин?

– Я... я не знаю... Это конец какой-то... Видать, какая-то эпидемия... – Волошин старался дышать ровно и говорить чётко. Только сейчас его начало трясти от пережитого. Он согнулся, уперев руки в колени, и смачно плюнул прямо в отделение. В руках до сих пор был заряженный ПМ. – Что тут у тебя?

– У меня? Да тут вообще хрен знает, что творится! Я собственными руками пристрелил Яремчука и Рыбалко! Они сидели, бухали, потом завалились спать, прям за столом. А потом... Тупо встали и набросились на меня... Потом друг на друга, потом снова на меня. Пришлось стрелять. Уложил их обоих. По рации никто не отвечает. Начальство не отвечает! Я думал, всё, конец мне! Выхожу на улицу, а там какой-то дебил бежит на меня с пеной во рту. Уложил и его. Я не понимаю, что за херня происходит?!

– То же самое. Мои бухали шампанское, потом попадали, как подкошенные. Вся площадь, все люди уснули. Короче, что-то происходит нереальное.

– И где твои?

– Там, на площади. Пецик начал жевать Валика. Потом бросился на меня. Я его пристрелил. Он реально грыз горло Валика! Ты даже себе не представляешь, на что это похоже.

– Представляю...

Петриченко, казалось, вздохнул с облегчением. Его явно тешил тот факт, что не он один этой ночью стал душегубом. Раз Волошин тоже по уши в дерьме, то всё не так уж и плохо. Петриченко кивнул головой на дверь и пошёл вглубь здания, Волошин последовал за ним. В одной из комнат младший сержант увидел

последствия стычки Петриченко со зверьми. Пол был залит кровью, она была повсюду: на стенах и даже на потолке. В разных концах комнаты лежали два тела в причудливых позах. Яремчук с вывихнутой нижней челюстью и окровавленным лицом лежал в дальнем углу. Рыбалко, видимо, упал на стол и потом съехал с него. Одна рука его лежала на животе, другая была запрокинута назад. Возникло такое ощущение, что перед смертью у него болел живот.

– М-да, Петриченко, метко стреляешь, – осмотрев комнату, произнёс Волошин.

– Так я в комнате стрелял, тут хочешь-не-хочешь, а промахнуться не сможешь.

– У тебя есть вода? Меня сушит конкретно. Я сюда бежал, как олень. Ещё и по пути пришлось брызнуть баллончиком на одного бешенного.

– Да, есть. Пошли.

Петриченко отвёл Волошина в другую комнату, щёлкнул выключатель и свет наполнил помещение, где стоял символический новогодний ужин. Там, в окружении разных яств из домашнего «тормозка», стояла бутылка «Живчика». Петриченко достал из шкафа чистую чашку и налил газированный напиток Волошину. Тот выпил всё за один заход, завершив действие громкой отрыжкой. Взгляд его упал на жареную рыбу и руки сами потянулись к столу. Петриченко не мешал ему. Аппетита у него всё равно не было.

Они присели возле стола: Волошин ел жареную рыбу и отламывал кусочки хлеба, Петриченко – наблюдал за коллегой и пытался с ним заговорить.

– Чё нам теперь делать?

– Я не знаю. Я вообще сюда пришёл, чтобы патронами запастись и к своим родным идти.

– Я собрал все патроны, что нашёл, у себя. И забрал у Яремчука с Рыбалко их табельное.

– А что, у них у обоих были стволы?

– Ну да. В честь праздника, наверное.

– Неплохо... Пойдёшь со мной, или домой наведаешься?

– У меня другая идея. Где твои родители живут?

– Возле 19-й школы, а что?

– Я живу возле базара. Давай вместе прорываться сначала ко мне, а потом – к твоим родителям.

Волошин сделал знак, дающий понять, что следует помолчать. Он насторожился. Ему послышался шум на пороге участка. Стараясь не шевелиться, дабы не создавать лишнего шума, он взглядом указал на коридор.

– Ты дверь закрыл на замок?

– Вот, чёрт! – Петриченко с пистолетом аж подпрыгнул со стула и побежал ко входной двери. Открыл, посмотрел – нет никого. Тишина. Закрыл дверь на замок и вернулся в комнату, где сидел Волошин.

– Всё, закрыл. Так как на счёт моего предложения?

Ответить Волошин не успел.

* * *

Прогремел звонок. Это устройство было настолько старым и громким, что у многих сотрудников он вызывал раздражение, но заменить его никак не доходили руки. И вот теперь этот звонок заставил их обоих содрогнуться. С перепуганными глазами Петриченко смотрел на Волошина, а тот – на него. Молча они поднялись и пошли в ту комнату, откуда можно было наблюдать за порогом. В комнате было темно и с улицы их невозможно было заметить. А вот того, кто стоял на пороге, было видно довольно хорошо после того, как Петриченко включил лампу над входной дверью.

Там стоял парень в короткой тёплой куртке и шапке, натянутой на самые глаза. В руке у него была бита с каким-то набалдашником. Парень что-то говорил. А если он мог говорить, то вряд ли он из «этих». Волошин с Петриченко переглянулись и пошли ко входу. Как ни как, а увидеть ещё одного нормального человека в эту безумную ночь было неожиданно.

– Кто там? – спросил Петриченко.

– Живой, впустите, – ответил Нацик.

– Я сейчас открою, а ты стой, где стоишь.

– Хорошо, открывайте.

Щёлкнул замок и дверь приоткрылась. Взору Нацика предстали двое ментов с наведёнными на него ПМ-ами. К тому же, один из них направил фонарик Нацику прямо в лицо. Тот поморщился и машинально прикрыл свободной рукой глаза. Его рассматривали, пытаясь понять: он нормальный или заражённый. Пару секунд длилось молчание, пока Волошин не опустил фонарик.

– Вроде бы нормальный. Проходи.

– Спасибо, – опустил руку Нацик и двинулся вперёд.

Постовые завели его в комнатку с накрытым столом и налили ему газировки. Тот поблагодарил, выпил её залпом, и глаза его заискрились. Ему явно было приятно видеть хоть кого-нибудь живым. Всё ещё не веря своим глазам, Волошин с Петриченко раздумывали: как мог обычный парень (пусть даже с битой) уцелеть в этой мясорубке?

– Ты один? – спросил Волошин.

– Да, из всех, кто был рядом, я один остался... в порядке. Вы мне можете объяснить, что за хреноверть творится?

– Мы сами ничего не знаем. Город сошёл с ума. Связь не работает. В смысле – стационарные и мобильные телефоны, – объяснил Петриченко. – Ты как уцелел?

– Сам не знаю. Может, потому что не бухал. – Нацику не хотелось вдаваться в подробности, ведь он убил несколько человек, а перед ним были самые настоящие представители правоохранительных органов. Но затем он увидел кровь на форме

одного из них и понял, что они тоже прибегли к крайним мерам. А возможно и не один раз.

– Как тебя зовут? – спросил Волошин.

– Нацик.

Наверное, они ждали от него чего-нибудь другого, но Нацик ограничился своей кличкой. Как-то не хотелось ему сейчас оглашать свои паспортные данные. Да и не доверял он милиции, если честно.

– Меня – Вова Волошин, а это – Руслан Петриченко, – ответил ему Волошин.

Все церемонно пожали друг другу руки. Обычно в таких случаях либо молчат, либо говорят «очень приятно». Нацик выбрал первое. Милиционеры, по-видимому, тоже. Любезности сейчас были бы лишними.

– И почему ты решил идти сюда? – задал вопрос Петриченко.

– Я думал, здесь меня защитят, – почти честно признался Нацик. – Вы ведь должны охранять порядок, правда?

– Это да. Но ты, я вижу, не с пустыми руками пришёл сюда.

Нацик впервые за эти несколько минут вспомнил о своей бите. Она скромно покоилась в его левой руке. Возможно, с ней придётся расстаться, если эти жлобы дадут ему настоящее оружие.

– Да. Пришлось захватить с собой, а то мало ли... Но у вас, надеюсь, есть что-нибудь попримечнее, чем это?

– Что ты имеешь в виду? – осведомился Петриченко.

– Я имею в виду стволы.

– Есть. А ты что, думаешь попросить у нас огнестрельное оружие?

Нацик застыл. Руслан Петриченко так и сказал «попросить» или ему это послышалось? Да если надо будет, он сам себе возьмёт! И эти двое придурков ему не смогут помешать. А если попробуют, то ничем хорошим для них это не окончится. Но зачем эти ненужные конфликты?

– Даже и не думай, парень, – совершенно серьёзно произнёс Волошин. – Это табельное оружие. Тебе не положено.

Это смахивало на то, если бы ППС была каким-то тайным орденом, управляемым самим Богом, и простым смертным доступ к нему был закрыт. Нацик внимательно посмотрел на Вову. Перед ним сидел постовой в этом дурацком синем камуфляже, на погонах которого скромно висело по две «лычки». Вид у него был нездоровый, хотя сам ППС-ник имел довольно крепкое телосложение. Володя, скорее всего, был ровесником Нацика, а может даже и младше его. Но твердолобость и упрямство были заметны сквозь эту форму. «С таким будет трудно», подумал Нацик.

Как показало время, он был прав.

Женя свернул из двора налево, к проспекту Ленина. Он рассчитывал перейти на

другую сторону и вдоль девятой школы по улице Луначарского пройти к переулку Победы. Именно по этому переулку драпал от пьяных зомби Волошин некоторое время назад. Затем, после пересечения улицы 50 лет Октября, через дворы выйти на Пролетарскую и оттуда, свернув направо, выйти к охотничьему магазину. На всё про всё он думал потратить минут 10, не больше. Это если ему ничего не помешает. Или кто-то не помешает.

На проезжей части не было ни одной машины, вернее, несколько стояли припаркованными по проспекту, но движения не было никакого. Впрочем, для такого времени суток это было не удивительно. Обычно в эту пору по городу ездили только такси, развозившие захмелевших гуляк по домам. Но такси тоже не было, поэтому Женя не особо смотрел по сторонам, а напрямик направился через проспект по пешеходному переходу.

Когда он пересекал проспект Ленина, во дворах слева послышался выстрел. Очень отчётливо. Женя приостановился, надеясь, что выстрел прогремит снова, и он точно определит источник. Но выстрел не повторился. Ясно было только одно – стреляли во дворе слева, где-то ближе к улице Красноказачьей. Он осторожно и как можно тише прошёл мимо кафе на углу проспекта и Луначарского и выглянул из-за угла на дорогу, которая вела во двор. Не видно ничего. Освещения во дворе почти нет, и можно было ориентироваться лишь по тому слабому свету, который исходил от окон пятиэтажек во дворе. Отчётливо было видно лишь пару машин, стоявших на импровизированной стоянке во дворике.

Женя хотел уж было идти мимо двора далее по Луначарского, но его внимание привлёк шум в тридцати метрах от въезда во двор. Он приготовился к атаке. Мелькнула тень. Лишь по смутным очертаниям в темноте нарколог смог догадаться, что бежит женщина. Где-то впереди можно было различить ещё одну фигуру с какой-то палкой в руках. В этот момент Женя услышал крик:

– Не подходи, убью!

Кричал мужчина с палкой. Женщина, которая бежала в его сторону, не отвечала. «Заражённая», – подумал Женя. Затем он увидел, как палка в руках мужчины принимает горизонтальное положение. Женщине оставалось добежать несколько метров, так показалось наркологу. И прогремел выстрел. И снопы искр изверглись из той «палки», которая оказалась самым настоящим ружьём. И женщина отлетела назад. После выстрела едва слышно донёсся голос.

– Та сколько ж вас тут? – спросил сам у себя мужчина.

Он не остановился и на ходу зарядил новый патрон в своё ружьё. Направлялся он к наркологу. Вернее, он не видел Женю, а шёл по направлению к улице Луначарского. По мере приближения, Женя мог немного разглядеть этого человека. То был мужчина лет шестидесяти, одетый в камуфляжный бушлат и старые брюки с боковыми карманами, чем-то набитыми. Ружьё придавало ему вид мужественный

и уверенный. Было бы неплохо как-нибудь познакомиться с ним, подумал Евгений.

Он дождался, пока мужчина подойдёт ближе и не спеша вышел из-за угла летней пристройки кафе с поднятыми руками. Таким сигналом он хотел показать человеку, что он безоружный. Страх, конечно же, присутствовал. Страх того, что этот мужчина невменяем и начнёт палить в нарколога, не разбираясь – нормальный тот или нет.

– Не стреляйте, пожалуйста, – произнёс Женя как можно громче. Он увидел, как человек вскинул ружьё.

– Стой на месте, – крикнул Михалыч. – Чтобы я тебя мог видеть.

– Я ... я – нормальный, – попробовал объяснить Женя. У него не было слов, чтобы внушить стрелку то, что он не заражён этим атипичным бешенством.

– Знаю я вас, нормальных. Только что снёс голову одному такому. А ну-ка отойди назад, к свету. Чтобы я мог тебя разглядеть! – скомандовал язвенник.

На улице Луначарского перед въездом во двор стоял фонарь, который мог осветить нарколога. Женя молча сделал несколько шагов назад. За поясом у него торчал кухонный тесак. Михалыч не мог этого не заметить. Возможно, именно это натолкнуло его на мысль, что перед ним – такой же пытающийся выжить человек с оружием, который мог хоть чем-то помочь старику.

На мертвяка этот парень не был похож. Все приметы, которые знал Михалыч, отсутствовали. Это давало ему основание полагать, что парень безопасный. Поразмыслив несколько секунд, держа незнакомца на мушке, язвенник опустил ружьё.

– Спасибо, – вздохнул Женя. Находится под прицелом – не самая приятная вещь, особенно когда из наведённого на него ружья только что убили человека.

– Как ты выжил? Ты один? – спросил Михалыч, осторожно приближаясь к наркологу.

– Я не один выжил. У меня дома сидит знакомая, она тоже нормальная. Что здесь вообще происходит?

– Хрен его знает. У меня пока не было времени решать этот вопрос. Но происходит что-то спланированное и страшное, – это я могу сказать точно. Благодарю Бога, что у меня есть вот это, – Михалыч указал на своё ружьё. – Ты, я смотрю, тоже с оружием ходишь?

Нарколог невольно покосился на свой тесак.

– Да какое это оружие? Я *иду* за оружием, – ответил Женя, когда мужчина был уже в полуметре от него и приклад ружья почти касался его плеча, он протянул руку в приветствии. – Меня зовут Евгений.

– Сергей Михалыч, – пожал ему руку язвенник. – И куда ты собрался идти за оружием?

– В охотничий магазин на Красноармейской.

– А, ну да, ну да. Могу составить компанию. Идти мне ровным счётом некуда.

– Буду очень признателен, – Женя щегольнул своей светской фразой.

После рукопожатия атмосфера немного разрядилась, и они смогли рассмотреть друг друга. Женя представлял собой жалкое зрелище: короткая зимняя куртка, из-под которой виднелся свитер, выдавшие виды джинсы, затянутые дешёвым китайским ремнём. За ремнём – огромный тесак. Более воинственно выглядел одетый в камуфляж Михалыч. Карманы его тяготили патроны, а на плече покоилась двустволка.

Они двинулись по Луначарского вниз, ощущая какую-то чуть ли не мальчишескую радость. Впрочем, никто этой своей искренней радости не показал. Человек с ружьём и человек с тесаком шагали по асфальтному тротуару в направлении переулка Победы. В свете фонарей они увидели несколько трупов там, где переулок вливался в улицу Луначарского. Трупы были с выеденными лицами. Михалыч равнодушно прошёл мимо, Женя старался не смотреть на эту жуткую картину. Трупы лежали скопом, напоминая пьяных малолеток, которые от радости, что родителей нет, напились на Новый год и упали все вместе на диван спать. Далее в переулке был виден ещё один труп. Он был цел и явно пристрелен.

– Смотри, этого пристрелили, – кивнул на труп Михалыч. – Возможно, есть ещё кто-то выживший.

– Ага, это случайно не из того дома стреляли? – показал на дом городского головы Женя.

– Не знаю. Давай не будем останавливаться, и разговаривать потише. Привлекать внимание этих тварей я не хочу.

Женя с Михалычем пошли дальше. Было тихо, подозрительно тихо. Мимо невзрачных домов, через переулок, по которому, согласно дорожному знаку, ездить было нельзя. Михалыч вспомнил, как по этому проулку он довольно часто ходил в гости к своему собутыльнику. Тот жил по улице Красноармейской, на которую выходил этот переулок, недалеко от музыкальной школы. Соседство с таким заведением было довольно примечательным, ведь собутыльник очень хорошо владел почти забытым сейчас искусством игры на ручной гармонии. Весёлые времена были, что говорить. Этим проулком он ходил с неизменным пакетом, в котором покоилась бутылка-другая водки. Закусью заведовал друг, и он никогда не подводил Михалыча, готовил прямо-таки целый ужин. Что сейчас с этим другом, Михалыч понятия не имел, но мысли об алкоголе снова вкрались в его голову. Думал об этом и Женя. В иной бы ситуации они закрепили бы своё знакомство крепким напитком, например, коньяком. Но Женя чувствовал, что сейчас это лишнее. Даже в такие страшные времена. Уж если дал себе обет, то нужно его исполнять.

– Идём через дворы, – предложил Женя.

* * *

В то время, когда Женя познакомился с Михалычем, Саша сидела на диване и произносила свои мысли вслух. Женя ошибался, когда думал, что она будет спать. Какой может быть сон, когда на кухне лежит труп женщины, которую он убил на глазах у Саши? Она сидела на краю дивана в позе, которую можно было охарактеризовать как «что же я наделала?». Локти её были упёрты в колени, а кисти рук зарылись в волосы на висках. Она старалась держать себя в руках и не впасть в истерику. Но голос её дрожал, и, казалось, она вот-вот начнёт плакать.

– Это безумие какое-то, – негромко говорила себе Саша. – Он её убил и пытается мне доказать, что это как бы правильно. И куда он пошёл? Может, он убежал? Сейчас приедет милиция и увидит меня здесь одну. И скажут, что это сделала я.

Вполне адекватная реакция молодой девушки. Откуда Саше было знать, что милиции в Александрии фактически уже не было? Все те, кто имел звёзды на погонах и офицеры, были уже мертвы. А в живых осталось всего каких-то два патрульных. И неизвестно ещё, насколько долго они смогут протянуть. Тем не менее, мысли Александры кружили вокруг преступления и неминуемого наказания, которое должно за ним последовать. Она многого не знала, поэтому не могла поверить в «благие намерения» своего друга. А друг ли он ей теперь?

– Он меня как бы подставил. Не ожидала такого от него...

Саша опустила руки, и лицо её было исполнено решимости. Так выглядит человек, который всё вдруг осознал. Возможно, в тот момент она ненавидела Женю, но вместе с тем, она испытывала к нему и тёплые чувства. Возможно, она считала его предателем, но он был тем человеком, которому всё-таки хотелось верить. Всё, что происходило вокруг, казалось какой-то неудачной шуткой. Чем-то ненастоящим. К этому всему нужно было добавить и праздничную атмосферу, которая никак не предусматривала убийства.

– Мне больше ничего не остаётся делать, как бежать отсюда... Он поймёт. Если вернётся, конечно, – шептала Саша.

Саша, полная решимости покинуть квартиру Жени, направилась в коридор, чтобы одеться. Свет включать она боялась и старалась не смотреть в сторону кухни, где лежала их гостья. Накинув пальто, она взяла в руки шарф и попыталась открыть дверь. Та была заперта снаружи. Повернув замок, она попыталась протиснуться – здесь лежало много хлама, которым Женя недавно пытался забаррикадировать дверь (может, он боялся прихода милиции?). Но пройти было можно.

Первое, что она увидела – труп перед дверью. С трудом подавляя крик, Саша заставила себя отвернуться и не смотреть на тело. Осторожно переступив обезображенный труп, она направилась к ступенькам. Но прежде, чем Саша смогла пройти один этаж вниз, она услышала шорох на втором этаже. Как можно тише она

спустилась туда, откуда доносился шум. Каблуки на сапогах предательски цокали по бетонной поверхности ступеней. То, что она увидела, заставило её передумать и вернуться в квартиру Жени как можно скорее. Теперь она ему поверила.

3

Двери «Базы №2» тихонько открылись. В полной темноте оттуда выплыли три фигуры, словно домовники воровато озираясь по сторонам. Тени скользнули вперёд, к улице Луначарского. Первым шёл Волошин, за ним – Петриченко, замыкающим был Нацик. Передовой ощупывал взглядом сектор впереди, словно крутой спецназовец из какого-нибудь второсортного фильма. Второму были вверены фланги, а битоносцу Нацику доверили тыл. Впрочем, он положился на свои уши и не спешил оглядываться каждые пять метров назад. Всё и так было спокойно.

Патрульные взяли с собой рации и всё имеющееся вооружение с боеприпасами. Нацику доверили не менее ценный груз – остатки ужина и питьё. Единственный рюкзак был набит водой и снедью, и восседал на плечах замыкающего. Постовые же не нагружали себя, а в особенности руки. Всё было распихано по карманам жилетов и за поясами. Группа отправлялась как будто в последний бой и ничего на своей базе не оставила. Путь их лежал сначала к центральному рынку, затем – к воинской части и к дому по улице Дибровы. Так было оговорено заранее, маршрут был составлен скрупулёзно и проработан до мелочей. Никаких остановок. Маршрут изменять только в чрезвычайной ситуации, не разделяться и быть начеку постоянно.

Миновав отель «Дружба», отряд во главе с Волошиным направился к проспекту Ленина, а затем – к улице Калинина. Пройти нужно было всего-то один квартал, но было страшно. И ничего удивительного, вокруг-де были живые мертвецы! В полном молчании, стараясь идти тихо, группа проскользнула через хорошо освещённый проспект и направилась далее. К счастью, никого на своём пути они не встретили. А вот дальше их ожидал неприятный сюрприз. Сюрприз тот не знал об их приближении, и скорее всего, им удалось бы избежать встречи, выйди они на улицу немного позже, но судьба распорядилась иначе.

Когда они прошли мимо Днепровской (которую и улицей-то можно было называть лишь внатяжку), и подходили к художественной школе, располагавшейся в подвале пятиэтажного жилого дома, там затаился незванный гость. В тени на четвереньках стоял заражённый. Он увидел, как мимо него проследовал Волошин, и пропустил его. Когда проходил Петриченко, пьяница рванул с низкого старта. Сделав два шага, он прыгнул, набросившись на Петриченко. Тот не успел ничего сделать. В его глазах промелькнул испуг и не более. А заражённый уже вцепился в его лицо. Оторопевший поначалу Нацик, который шёл за Петриченко, сделал

размах своей битой и прежде, чем Волошин успел выстрелить, нанёс удар пьяному в затылок. Череп проломился, выдав хрустящий и чавкающий звук. Но зараженный не упал замертво, а лишь сильнее впился зубами в лицо Петриченко, который начал дико кричать от боли. Несмотря на своё крепкое телосложение Петриченко ничего не мог сделать, видимо, пребывая в шоковом состоянии. Он хоть пытался как-то скинуть с себя этого зомби, но тот держался крепко. Выстрел прозвучал достаточно громко, чтобы спугнуть голубей, которые дремали на крыше.

Как говорится, одним выстрелом – двух зайцев. Одного, остервенело прижавшегося к лицу второго. Один выстрел – и оба были мертвы. И наступила тишина. Петриченко больше не кричал. В воздухе пахло сожжённым порохом, а в ушах ещё стоял гул, когда Нацик пришёл в себя. Это случилось слишком быстро. Так, что он не успел ничего понять. Волошин так и стоял с вытянутой рукой, с пистолетом, нацеленным вниз, словно немецкий офицер из фильмов о Холокосте. Первым заговорил он:

– Снимай с него всё, что нужно. Нам нельзя долго оставаться на одном месте. Стволы давай сюда.

– Может, мне в рюкзак? – понадеялся было Нацик.

– Я сказал, сюда! – прогремел Волошин.

Нацик приподнял тело нападавшего и отволочил немного в сторону. Затем начал рыскать по всем карманам Петриченко. Всё это время он был под прицелом. Он ощущал это, но глаз не поднимал. Всё, что нашёл, он отдал Волошину.

– И все рации забери! Их можешь оставить себе.

Повелительный тон Волошина сильно раздражал парня. Но Нацик был под прицелом и ничего с этим поделать не мог. Пришлось лишь стиснуть зубы и прицепить одну из раций на лямку рюкзака. Груз за плечами добавился. Почему во времена нанотехнологий у патрульных такие громоздкие и тяжёлые рации? Пока он рылся в карманах Петриченко, ему вспомнился случай, который произошёл с ним лет десять назад.

Тогда он был ещё подростком, полным протестных настроений и желающим выделиться. Круг его друзей состоял из парней, жаждущих приключений, с обострённым чувством справедливости. Они верили в то, что могут сделать город лучше и чище, раздавая пендели всяким неформалам или гопникам. Иногда жертвы могли убежать, но в основном, они падали ниц перед карающими десницами да ботинками компании Нацика.

Однажды случилось так, что они немного не рассчитали своих сил. Тогда была зима, такая же, как и сейчас, не особо холодная, и они коротали время на улице. Было их тогда пятеро, все как на подбор, одинакового роста и практически одного возраста. Они расслаблено «плыли» поздним вечером по площади Ленина и о чём-то разговаривали. По пути им встретился знакомый, который сообщил, что во

дворе, рядом с площадью замечены несколько объектов. Это были «патлачи», - металлисты или панки какие-нибудь. В общем-то, они мирно сидели на лавочке и мерялись длиной своих волос или просто махали гривами, слушая на стереоплеере с динамиком какую-нибудь «Пантеру». Но компания Нацика не любила таких по-особенному. Вряд ли кто-нибудь из друзей Нацика ненавидел тяжёлую музыку, нет. Просто им не нравилось то, как выглядят «патлачи». Идея была проста: чтобы слушать тяжёлую музыку, совсем необязательно ходить в «косухах» или длинных кожаных плащах. И уж никуда не годится отрачивать себе женские волосы, а потом ещё и не мыть их неделями. В общем – парней раздражало, как это называли бы сейчас, «позерство».

Когда компания зашла во дворик, Нацик увидел, что там на одной из лавочек расположились три персоны. Двое из них явно подпадали под приметы «патлачей», а один, видимо, был просто их другом. Чтобы не спугнуть их, парни зашли сзади. Когда они подошли вплотную к сидевшим на лавочке металлистам, тяжёлый ботинок одного из «мстителей» обрушился на голову волосатого парня. Тот мгновенно слетел с лавочки. Не успел даже спросить, за что. Второй «патлач» быстро встал и принял что-то вроде бойцовской стойки, но удар локтём быстро охладил его пыл. Третий паренёк, который явно был не при чём, сразу дал дёру и за ним никто не побежал. Пока первый из пострадавших пытался сообразить, что случилось, второй пытался отбиваться от троих. Нацик не помнил, как это получилось, но в итоге на асфальте лежал только один из «патлачей». Тот, который пытался дать отпор нападавшим. Теперь он прикрывал голову руками, а живот – коленками, инстинктивно защищая жизненно важные органы. Его били все пятеро. Кто-то схватил его волосы и несколько раз ударил головой об асфальт. А он не проронил ни звука. Этот факт поразил всех, в особенности, Нацика. Гораздо интересней было, когда они кричали, как свиньи. И он не готов был к тому, что «патлач» ни разу не вскрикнет от боли, и часто потом вспоминал то бессмысленное нападение.

Они били его ногами, пока тот не потерял сознание. На асфальте была кровь. Голову ему разбили серьёзно. Лицо превратилось в какой-то помидор, – красное и опухшее. Кто-то из компании остановил остальных. Возможно, даже это был сам Нацик. Все склонились над телом. Думали, он не дышит. Но он ещё дышал. Затем один из них присел на корточки и стал рыться в многочисленных карманах «патлача». Что он мог там найти? Жвачку, мелочь и маленький такой перочинный ножик. Переложив найденное в карман, он встал и со спокойной совестью пошёл прочь, увлекая за собой остальных.

Нацику не известно было, чем закончилось то избиение. Может, парень стал инвалидом, а может уже на следующий день он гулял со своими друзьями. В любом случае, он его больше не видел в том дворе. А узнал бы он сейчас этого

«патлача»? Вряд ли. Слишком темно тогда было, и лица его Нацик рассмотреть не успел. И вот сейчас, после того, как он рылся в карманах Петриченко, вспомнил тот дурацкий мальчишеский «прыжок» и то, как потом чистили карманы того несчастного «патлача». Интересно, а мог ли тот парень стать потом вот этим самым Петриченко? Занятная мысль, но проверить её Нацик не мог.

4

Нарколог и язвенник, объединённые желанием выжить, двигались через дворы к Пролетарской улице. Уверенно шагая по тающему снегу, они приближались к охотничьему магазину, где могли разжиться оружием и патронами. Женя правильно рассчитал маршрут, и они приблизились к месту, не встретив по пути ни одного пьяного. Свернув с Пролетарской на Красноармейскую, они вплотную приблизились к цели своей прогулки. Но диктор с кислой миной объявил плохие новости.

Евгений не зря взял с собой фонарик, – магазин находился во дворе, где совсем не было освещения. Когда они с Михалычем приблизились к дверям, стало ясно: здесь уже кто-то побывал. Двери были взломаны и стояли приоткрытыми. Двустволка Михалыча приняла горизонтальное положение, Женя направил фонарь на дверь. Осторожно подойдя к двери, нарколог аккуратно и тихо приоткрыл её. Вторая дверь была открыта настежь. Внутри не было никого. Лучик фонаря скользил по стенам и полу этой комнаты магазина. Следов ограбления они не заметили, разве что пустая полка могла рассказать о том, что их опередили.

Магазин, конечно же, не славился огромным ассортиментом, но сейчас он мало чем напоминал оружейный. Остались лишь охотничьи принадлежности, одежда, и на полке несколько патронов.

– Да уж, поработал кто-то... – произнёс Михалыч. – И поживиться нечем.

Он осмотрел всё, что только можно: ни намёка на огнестрельное оружие. Дверь в служебное помещение, где по идее должен был быть сейф, была открытой. Женя открыл её и осветил фонариком. Так и есть, сейф имеется. Большой, бронированный, и неприступный сейф. Чтобы взломать его замок, нужны были, по крайней мере, несколько часов и профессиональный инструмент. Грабители даже и не пытались открыть сейф, это было бесполезно. Но с витрины пропали некоторые экземпляры, а значит, кто-то всё-таки взял, что хотел.

– Не понимаю, – прошептал Женя.

– А что тут понимать? Опередили нас. А это значит, что выжившие таки есть. И неплохо было бы их найти.

Когда луч фонарика скользнул по прилавку, Женя вдруг кое-что заметил. Сначала он подумал, что там какие-то царапины, но присмотревшись, он понял, что это было. Они подошли ближе и увидели послание, оставленное грабителями и

написанное маркером на прилавке. Михалыч прочитал его вслух:

– Если ты выжил и пришёл сюда за оружием, значит мы не одни. Иди к ДК «Светлополке», там есть, где укрыться.

– Вот так вот, значит? – спросил сам у себя Женя.

Лицо его мало походило на счастливое. Но, определённо, в этой истории были и свои «плюсы». Например, тот факт, что в городе были ещё выжившие. И это уже наверняка. А разве это плохо? После того, как они с Михалычем гуляли по городу и не видели ни одного «живого» человека, это было круто. Здравый смысл подсказывал наркологу, что в восьмидесятитысячном городе просто обязаны быть выжившие люди. И в то же время, это было фантастикой.

– Спасибо и на том, – обратился к автору послания Михалыч. – Как говорится, порядочный вор присылает письмо с соболезнованием. Кстати, хорошо, что это писал не врач.

Уголки губ Михалыча немного приподнялись. Женя кивнул.

– Намёк понял. Кто бы это ни был, у него есть оружие и боеприпасы.

– Судя по тому, что он оставил эти вкусные патроны, оружие у него не очень-то, – Михалыч покрутил в руках патрон. – Давай выбираться отсюда.

Они вышли на улицу и осмотрелись. Нигде никого. Неплохо было бы сходить к Дому культуры шахты «Светлопольская». Женя это прекрасно понимал. Но ещё он обещал Саше, что скоро вернётся за ней. Разделяться было, конечно же, опасно. Поэтому он предложил:

– Сергей Михалыч, нам, бесспорно, нужно идти к ДК. Но я оставил дома женщину. Её обязательно нужно забрать. Я не могу оставить её.

– Евгений, я даже и не думал идти к ДК без Вашей дамы. Пойдёмте назад тем же путём и заберём её. Представляю, как ей страшно оставаться одной.

Он положил свою руку на плечо нарколога, уверяя того в своей искренней поддержке.

Не теряя времени, нарколог и язвенник двинулись к Пролетарской. Темнота и тишина вокруг предполагали осторожность, поэтому оба молчали. Но Михалыча, по-видимому, мучил один вопрос, и он решился:

– Скажите, Женя, вот Вы – врач, правильно?

– Можно на «ты», – бросил нарколог.

– Хорошо. Как врач, ты можешь объяснить то, что происходит с этими людьми?

Женя задумался. Он и сам задавал себе такой вопрос. Конечно же, он не мог объяснить ровным счётом ничего.

– Нет. Такого наука ещё не видела. По крайней мере, мне это неизвестно.

– Я думаю так: если человек умер, он уже никак не может «ожить». А уж тем более, если этот человек потерял слишком много крови.

– Да, не может. Хотя в организме скрыты резервные источники питания. Но

мозгу нужна кровь, а, чтобы она туда попала, должно биться сердце. Если сердце остановилось и его не удалось запустить в течение 5-7 минут, мозг начинает умирать от острой нехватки кислорода. Думаю, в наше время это знают многие, благодаря телевидению с его бесконечными сериалами и передачами.

– Но ведь у этих людей никто не щупал пульс, правда?

– Я не щупал. Если по каким-то причинам после клинической смерти сердце вновь начинает биться, то в мозге всё равно уже запущены необратимые процессы.

– А что, если сердце у них не останавливалось?

– Думаю, когда человек потеряет большую часть свою крови, сердце не может не остановиться.

– Да. Я об этом не подумал.

Похоже, это был тупик. Ничего не вышло – ни чудесное воскресение, ни поведение этих «людей».

Они снова погрузились в молчание, думая каждый о своём. Ситуация была незавидной: город вымер. А может, он только застыл в ожидании финального акта? Они зря ходили в охотничий магазин. Зря рисковали жизнью. И тот факт, что до них там кто-то побывал, лишь с натяжкой можно было назвать положительным. Те люди, которые ограбили магазин, могли быть уже мертвы. А могли и вовсе уехать из города. Женя такой вариант тоже рассматривал. Если в ДК никого не будет, они втроем двинутся к гаражному кооперативу, возьмут машину и уедут отсюда к чёртовой матери.

Мысли Михалыча кружили вокруг причин того, что происходило в городе. Но пока что у него было больше вопросов, чем ответов. Вернее, ответов у него практически не было. По крайней мере, внятных. Будь он суеверным либо верующим, он бы списал это на вмешательство высших сил, но будучи по своей природе скорее атеистом, чем человеком верующим, Михалыч искал рациональное объяснение. И то, что человек с медицинским образованием не мог ответить на его вопросы, огорчало язвенника. Но разве доктора могут всё знать? «Тоже верно», – говорил Никулин.

Тем временем язвенник и нарколог приблизились к дому, где в пустой квартире оставалась Саша. По пути назад они видели только трупы и слышали изредка чьи-то вопли. Центральная улица была пустой. Ни одной проезжающей машины, ни единой души.

Женя открыл своим ключом дверь и зажёл в коридоре свет. Пригласил войти Михалыча и они, не разуваясь, зашли в зал. Александры не было видно.

– Саша?

Шорох.

– Ты здесь?

Тишина. Женя крепче сжал тесак. Михалыч вскинул ружьё.

– Саша, я вернулся. Ты где?

Она спряталась между шкафом и стеной. Сидела там, обняв свои колени руками. Вздрогнула, когда Женя к ней подошёл. По её щекам текли слёзы, но она не издавала ни звука. Женя понял, что напугал её своим тесаком и бросил его на пол в сторону.

– Всё хорошо, это я. Успокойся. Не плачь.

Несмело протянул к ней руку и прикоснулся к влажной щеке. Она снова вздрогнула. И посмотрела на него пустыми невидящими глазами. Сейчас она напоминала маленькую запуганную девочку, которая прячется от злых родителей и боится даже пошевелиться, чтобы не выдать своё укрытие. Женя ласково вытер ей слёзы: сначала с одной щеки, затем со второй. За спиной у него стоял Михалыч и, опустив ружьё, улыбался, пытаясь своим видом убедить её в их благих намерениях. Женя аккуратно приподнял Сашу и взял на руки, лёгкую, как пёрышко. Уложил на диван и присел перед ней на колени.

– Всё будет хорошо. Спасибо, Сашенька, что дождалась.

Подумав о чём-то, он отвернулся и бросил взгляд на коридор.

– Я сейчас.

Нарколог встал и направился к своей аптечке, которая находилась в ванной. Там он нашёл капли валерьянки. Ими он не пользовался и только Бог знает, годны ли они ещё были. Открутил крышечку флакона и накапал в неё тридцать капель. Возможно, этого было мало, но крышечка была уже полной. Он отнёс это в зал и заставил Сашу выпить. Михалыч сидел рядом, на диване и с улыбкой на лице заверял её, что всё плохое позади.

Но всё плохое, конечно же, было ещё впереди. И горькие капли – это было просто ничто, по сравнению с теми событиями, что её ждали в ближайшем будущем.

5

Волошин и Нацик направлялись к улице Семашко, где в такое время освещение отсутствовало напрочь, что было неудивительно для этого города. Погода менялась на глазах: снег уже почти везде растаял, и было ощущение, что вот-вот пойдёт дождь. Нацик то и дело ступал в образовавшиеся лужи и тихо ругал себя за то, что плохо видит ночью. Мог ли он себя за это ругать? Конечно. Последние три года он работал контент-менеджером и размещал материалы на разных сайтах. Это означало, что нужно постоянно быть в сети, даже когда у обычных офисных крыс рабочее время было закончено. Зрение в таких случаях, естественно, не улучшалось. Теперь он ругал себя за все те ночи, проведённые в тёмной комнате у монитора своего компьютера. Пускай он и пытался укреплять свой организм витаминами и занимался спортом, для его глаз это ровным счётом ничего не

значило. Доктор сказал ему, что это «куриная слепота», или как-то так. Какие же идиоты, эти провинциальные врачи! Это близорукость, Нацик, именно она.

Пока он размышлял над причинами своей «слепоты», Волошин постоянно его подгонял, заставлял идти быстрее. Это было похоже на то, как он был бы офицером и муштровал солдат. Но Волошин был всего-навсего младшеньким сержантиком, и его поведение просто бесило Нацика. Он терпеть не мог, когда люди, получившие хоть какую-то власть над другими, постоянно пользовались ею, – когда нужно и когда не следовало бы. А вот Волошина раздражала медлительность его «напарника». Ему невдомёк было то, что Нацик плохо видит в темноте.

Улица Семашко могла порадовать огнями разве что возле центрального рынка, а со стороны улицы Луначарского здесь был мрак. Волошин, ощущая себя сверхчеловеком (или хотя бы Майклом Гриллсом⁶), серьёзно убеждал себя в том, что от его сноровки и знаний зависит не только его жизнь, а и жизнь этого гражданского ушлёпка, который еле влачил свои ноги.

Это должно было случиться. Рано или поздно. Волошин вспыхнул. Когда Нацик отстал от него не насколько шагов, ППС-ник остановился и быстро направился к отстающему. Если бы Нацик мог видеть глаза Волошина, они напомнили бы ему глаза заражённых. Они были красными, но красными от злости. Казалось, терпению Волошина пришёл конец.

– Не отставай! Что ты еле плетёшься? Мне что, тебя на руках понести? Давай быстро за мной, я два раза повторять не буду! – командовал младший сержант Волошин, приблизившись к своему подопечному вплитык.

Нацик стоял на месте и спокойно слушал эту гневную тираду. Ответ его был чрезвычайно прост:

– Ты мне угрожаешь? Ты что, знаком с приёмами каратэ?

Спокойствие Нацика подействовало на ППС-ника. К тому же, он заметил, что повысил голос, что в такой ситуации было неуместно и даже опасно. Поэтому, Волошин промолчал. Ссорится с единственным выжившим не входило в его планы. По крайней мере, сейчас. А этот явный вызов следовало пропустить мимо ушей. «Ладно, потом разберёмся», – подумал Волошин. Молча, ППС-ник развернулся и пошёл дальше. Нацик не стал лезть на рожон. Нужно было вдвоём прорваться к воинской части, а там, имея в руках «калаш», можно будет и поговорить с этим дерзким ментом.

Им следовало спешить. И это была правда. Неизвестно, сколько ещё они пройдут, не встретив на своём пути этих зомби. Нацик не стал объяснять этому твердолобому сержантишке, что у него проблемы со зрением. Потому что это выглядело бы как оправдание, а он не любил оправдываться. Даже перед

⁶ Майкл Гриллс – британский телеведущий, получивший широкую известность благодаря телепрограмме «Выжить любой ценой»

начальством. И уж тем более, перед постовым, который «поверил в себя».

Миновав центральный вход на рынок, они свернули во дворы. Там, по улице Карла Либкнехта, заняв почти весь квартал, стояла воинская часть. Именно с этой стороны туда проще всего было попасть – просто перелезть через бетонный забор. Когда-то над забором была колючая проволока, но сейчас её там не было, и попасть в расположение части не составляло никакого труда. В том месте, куда они подошли к забору, на территории части стоял туалет. Если перемахнуть здесь, можно оказаться прямо за туалетом, и осмотреться. Волошин предложил помощь Нацику, но тот отказался. С турником тот дружил, и перелезть этот забор для Нацика было довольно просто. Они оказались на территории части в тот момент, когда там погиб последний выживший. Человек поставил точку в своих страданиях, выстрелив себе в рот.

Они услышали выстрел и насторожились. Всё ещё пребывая за туалетом, они пытались осмотреться из-за угла. Часть была погружена во мрак. Нигде не горела ни одна лампочка. Тишина, которая наступила после выстрела, буквально давила на них. Они двинулись вперёд: Волошин первый, с пистолетом наготове, Нацик за ним, с битой.

Казармы. Такие древние и не знавшие капитального ремонта. Мрачные и угрюмые. Снег здесь ещё не успел растаять в тех местах, где была трава, и они оставляли на нём следы. Вышли на асфальтную дорожку и услышали впереди шум. Там кто-то рычал. Прислонились к стене казармы и присели.

– Ты знаешь, где тут автоматы? – шёпотом спросил Нацик.

– Понятия не имею, – был ответ.

Когда они гуськом вдоль стены добрались до угла постройки, они увидели первый труп. Это был молодой солдат. Он лежал на спине, раскинув руки. Лицо его было бледным, а шея была порвана. Рядом с ним лежал автомат, чуть далее – запасной рожок. Волошин осторожно подошёл к солдату, опасаясь, что тот в любой момент может ожить и напасть на него. Но солдат продолжал лежать на асфальте. Волошин протянул руку к АК-74 и рванул его на себя. Автомат проехался по асфальту, издав характерный металлический скрежет. Нацику показалось, что этот скрежет было слышно даже на Луне. Он приготовился.

Отсоединив рожок от автомата, Волошин попытался определить, насколько полон магазин. Потом поставил его обратно в паз. Взводить затвор не стал. Перебросил автомат себе на плечо и направился к запасному рожку. В этот момент повторился звук, который они слышали раньше. И ещё раз. Волошин аккуратно поднял рожок, нащупал в нём патроны и положил его в карман. Он не видел, как из темноты прямо перед ним, из здания напротив, отделилась тень. Не видел и Нацик. А когда раздался характерный рык, Волошин стоял спиной к полуживому.

Он едва успел обернуться и выстрелить в упор из своего ПМ-а. Нацик увидел

вспышку и способность видеть окончательно покинула его. Теперь он находился в непроглядной тьме и размахивал своей битой, пытаясь не то отпугивать мертвецов, не то определить, на каком они расстоянии от него. Волошин уложил одного, но на звук выстрела начали сбегаться новые. Тогда он закричал:

– Назад! Их тут целая рота! Назад!

Вскинул автомат и дал первую очередь. Автомат со вспышкой плюнул свинцом. Короткая очередь из нескольких выстрелов отбросила первых двух заражённых назад. Но они встали. Волошин пятился, раздумывая, броситься бежать или перестрелять этих зомби. Нацик всё ещё пребывал во мраке.

– Я ни хрена не вижу! – крикнул он.

Когда Волошин поравнялся с Нациком, тот схватил его за курточку, и они вместе начали отступать. Ещё одна короткая очередь. Теперь более точная. Один вскинул голову, второй захлебнулся коровью, когда пуля прошла через его шею. Но на их месте появлялись новые. Волошин как никогда нуждался в помощи Нацика, а тот так не вовремя ослеп! Вместе они подошли к забору. Волошин крикнул:

– Перелезай, потом я. Эти хиляки вряд ли смогут справиться с таким забором.

Очередь. Ещё несколько попаданий. Волошин давно не орудовал автоматом, к тому же, его надо было бы пристрелять. Поэтому метить в головы не всегда получалось. Ещё и эта темнота...

Иные думают, что модные «стрелялки» на компьютере учат человека быть точным и развивают реакцию. Волошин так думал до того, как попал в армию. Именно там он понял, что компьютерные игры не имеют ничего общего с реальностью. Сейчас он вспомнил своё первое разочарование на стрельбищах. Тогда он хвалился перед сослуживцами, что в точности стрельбы ему не было равных среди друзей, а когда первые пули из его автомата не попали даже в «молоко» на мишенях, ему чуть было не дали погоняло «Мазепа». Стрелять в темноте было вдвойне тяжело, но результаты были довольно неплохими. Жаль, этого не видел старшина Голобородько. Уж сейчас бы он не смеялся над солдатом Волошиным.

Нацик перекинул битку через забор, и она звонко ударилась об асфальт. Сам подпрыгнул на забор, подтянулся и закинул ногу. В это время Волошин выстрелял последние патроны, услышав пустой щелчок при нажатии на курок и, перебросив автомат через шею, прыгнул на забор. Полуживые лишь немного опоздали, и когда Волошин с Нациком были уже по ту сторону забора, они только пытались на него вскарабкаться, мешая друг другу.

Отряд Волошина покидал окрестности части бегом через дворы. Нацик теперь мог видеть, глаза его понемногу привыкли к темноте. К тому же, во дворах было какое-никакое освещение, а там, позади, остался полный мрак. И страх.

Когда они подбежали к одному из подъездов, чтобы перевести дыхание, только

тогда они заметили, что весь двор был усеян трупами. Нацик закрыл глаза. Как же было бы хорошо, если бы это был только сон! Всего лишь кошмарный сон!

– Что с тобой случилось? – спросил Волошин. – Почему ты не помогал мне?

– Я ослеп, реально ослеп. Я и так плохо вижу в темноте, а тут ещё вспышка от пистолета. После неё я уже ничего не мог видеть.

Волошин сглотнул. Они были на волосок от гибели. И, зайдя заражённые с тыла, парень остался бы в части. Да и Волошин, скорее всего, тоже. Теперь Волошин стал догадываться, почему Нацик так медленно передвигался по улице Семашко. Впрочем, он не озвучил свои догадки, равно как и не собирался извиняться перед этим гражданским. В конце концов – это его проблема, главное, чтобы это не мешало им обоим.

Достал из-за спины автомат, снял с плеча и поставил на предохранитель. Вынул магазин и убедился, что тот пуст. Выбрасывать его не стал, закинул в боковой карман. Потом вытащил пистолет и несколько секунд раздумывал. Протянул его Нацику со словами:

– Надеюсь, ты сможешь с ним обращаться.

Нацик взял в руки ПМ. Он держал такой же «макарыч» когда-то. И не только держал. Но то был пневматический пистолет, а это – боевой. Нацик извлёк магазин и пересчитал патроны. Шесть тупорылых коротких патронов можно было различить над пружиной подавателя. Уже неплохо. Нацик вспомнил, что в рюкзаке у него есть ещё обойма. Остальное всё у Волошина. Что ж, это было даже очень неплохо. На мгновение Нацик даже полюбил своего спутника. Биту теперь можно было закрепить на спортивном рюкзаке. Пока Волошин считал, сколько патронов было в запасном рожке, Нацик снял рюкзак и нашёл в нём обойму, которую он успел стянуть у мёртвого Петриченко. Положил её себе в карман куртки и застегнул его. В это время Волошин закончил подсчёт и объявил, что рожок полный. Нацик закинул рюкзак на плечи.

– Вылазка не совсем удачная, – произнёс Волошин.

– Я тоже рассчитывал на что-то большее.

– Предлагаю обойти часть и зайти с проходной. Возможно, разживёмся ещё чем-нибудь, - предложил ППС-ник.

Не самая удачная идея, подумалось Нацику. Но, с другой стороны, дополнительное оружие или хотя бы патроны им не помешали бы.

– Всё равно мне нужно к моим родителям зайти. Так что нужно туда. Снимай рюкзак, я немного вытряхну из себя лишнее.

В рюкзак перекидали остальные два ПМ-а и несколько обойм. Волошин оставил себе один пистолет и рацию, а ещё две были у Нацика. Другая рация была закреплена на рюкзаке Нацика. Они вернулись на улицу Семашко, чтобы потом выйти на Дибровы и подняться вверх через два квартала, к проходной воинской

части.

6

Александра довольно быстро успокоилась. По крайней мере, её дыхание стало ровным, а мышцы расслабились. Она лежала на диване и наблюдала за Женей и Михалычем, а они пытались рассказать ей о том, как встретились и как вместе пошли к охотничьему магазину. Ей стало холодно. Женя заметил это и достал из бельевого шкафа плед. Укрыл свою гостью и присел рядом. Михалыч чувствовал себя в безопасности, ведь они забаррикадировали входную дверь, и мог поставить своё оружие в угол, предварительно щёлкнув предохранителем.

Наркологу не терпелось покинуть квартиру и выйти к дому культуры, но нужно было какое-то время для того, чтобы его подруга пришла в себя и согрелась. Он не любил такие моменты, когда надо идти, а кто-то кого-то задерживает. Но это же была Саша. В бесчисленных зарубежных фильмах в таких ситуациях Саше дали бы порцию виски, но Женя предусмотрительно не хранил дома спиртного.

– А там, оказывается, была надпись, и мы её могли не увидеть, – продолжал свой рассказ Михалыч, сидя на стуле возле дивана. – Но мы увидели. Там было приглашение.

– Какое приглашение? – впервые за это время подала голос Александра. Видимо, Михалыч её заинтриговал.

– Дословно не помню, но примерно так: «Спасшиеся леди и джентльмены приглашаются на вечерний чай к Дому культуры шахты «Светлопольская»». Типа того.

Саша улыбнулась. И пускай улыбка её была неуверенной и немного натянутой, мужчины могли вздохнуть с облегчением. Им предстоял короткий путь от дома №79 по проспекту Ленина до Дома культуры, по этой же улице. От силы, триста метров, совсем рядом. Вот только могли бы эти триста метров быть безопасными, тем более что с ними будет идти женщина? Первая их прогулка прошла без приключений, вторая же может стать их последней.

Нарколог выложил из карманов все ненужные вещи и остался только с кухонным тесаком, Михалыч вскинул на плечо своё ружьё, Саша зачем-то взяла свою сумочку. Прежде чем выйти, Михалыч задал Жене вопрос:

– Евгений, у тебя дома есть аптечка? Думаю, всё, что нужно для оказания первой помощи, нужно взять с собой.

Хороший совет. Женя молча сходил в ванную и выгреб всё из шкафчика, откуда недавно доставал капли. Принёс это в сложенных на груди руках и высыпал на журнальный столик. Ещё у него была коробочка из-под обуви в «стенке», где покоились всевозможные нужные и ненужные таблетки. Он достал и её. Далее стал быстро отделять «зёрна от плевел» – ненужное просто отодвигал. Остались бинты,

вата, хлоргексидин, капли валерианы, валидол (Михалыч попросил отложить, ведь у него была только одна полоска), лейкопластырь, но-шпа и солпадеин⁷. Подумал немного и добавил пару одноразовых шприцов, анальгин и димедрол. Всё это после одобрителного кивка Михалыча Евгений закинул в небольшую сумку, которую иногда носил с собой и перекинул её через плечо. В это время Саша достала свой мобильный телефон.

– Связи всё ещё нет, – грустно произнесла она.

– Наверное, и не будет больше связи, – ответил Михалыч.

Это прозвучало как приговор. Саша бросила телефон обратно и хотела пойти на кухню, но вспомнила, что там лежит их гостья и, прикрыв рот рукой, кивнула в сторону кухни. Женя старался понять, чего она хочет. Наконец, она убрала руку и произнесла:

– Пожалуйста, возьми воды, я туда не могу зайти.

– Там в холодильнике только минералка. А здесь ещё и сок. Нам нужна холодная вода?

– Не имеет значения, – по-товарищески заметил Михалыч. – Бери здесь и пошли.

Нарколог отправил в свою сумку пакет сока и полторалитровую бутылку минеральной воды. Михалыч тем временем пригласил Сашу присесть. На её лице блуждала тень испуга.

– Сашенька, мы сейчас пойдём к ДК, там должны быть выжившие.

При слове «выжившие» Александру передёрнуло. Она смотрела своими красивыми зелёными глазами на Михалыча и будто ждала ещё каких-то страшных или неприятных слов.

– Ситуация сложная, но не безнадёжная. В городе какая-то эпидемия бешенства что ли. Люди бросаются на других людей, и словно дикие звери рвут их на части. Я должен предупредить тебя: на улице ты сможешь увидеть много страшных вещей, и ты к этому должна быть готова. И ты не должна бояться, ведь мы тебя защитим любыми доступными нам средствами.

– Там везде трупы, да? – спокойно и как-то отрешённо спросила Саша.

– Да. И есть опасность, что на нас будут нападать. Поэтому, будь готова ко всему. На своих сапожках ты бежать не сможешь, конечно... Не исключая, что нам придётся бежать. Держись всегда рядом. Не паникуй, не кричи, чтобы не привлечь внимание. Постарайся держать себя в руках. Ты уже взрослая женщина. Будь внимательной и осторожной. И тогда мы все будем в безопасности. Мы идём в ДК. Там должны быть люди с оружием. Без оружия сейчас никак. Ты готова идти?

Саша слушала его, не отрывая взгляд. Женя стоял сзади и не вмешивался, – Михалыч всё правильно сказал. Женщина опустила глаза и кивнула головой.

⁷ Хлоргексидин – антисептик, но-шпа – спазмолитик, солпадеин – обезболивающий и жаропонижающий препарат

Конечно же, она не могла ручаться за то, что будет держать себя в руках, но она обязательно будет осторожной и внимательной.

Они вышли из квартиры, и Женя по привычке выключил свет. Закрыв дверь на замок и с тесаком в руках ступил вперёд. Вся лестница была в крови, пускай даже в засохшей, но от этого не менее пугающей. Труп, покоившийся у дверей, Женя с Михалычем заблаговременно оттянули оттуда. Спускались тихо, прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку со стороны квартир и улицы. Этажом ниже лежал труп с выеденным лицом и ошмётками вместо горла. Этот человек был ещё живым, когда Саша видела его в последний раз. Глаза его безумно вращались в глазницах, он хрипел и булькал, пока нависший над ним парень терзал ему горло. Саше стало дурно от этого воспоминания. Она старалась не смотреть на тело и крепко ухватилась за поручень, который тянулся вдоль лестницы. На первом этаже, а потом на улице возле подъезда её ожидало ещё два сюрприза, но она смогла сдержать себя в руках. Видимо, капли ещё действовали.

Трое выживших быстрым шагом направлялись к улице Красноказачьей, которая пересекала проспект Ленина. За нею уже видно было здание ДК. Там горел свет в холле на первом этаже и на танцплощадке, на втором.

Они ждали чего угодно, только не того, что произошло потом. Когда они миновали дом №87 и проходили мимо дома №51, со стороны Красноказачьей в поворот на большой скорости въехала стодесятая модель ВАЗ с шашечкой на крыше. Таксист выруливал, как мог, но скорость была огромной, и он врезался в колонну, которая поддерживала крышу между двумя постройками-магазинами. Михалыч оказался ближе всего к машине такси и сейчас он сидел перед той колонной, в которую врезался автомобиль. Ружьё его упало рядом на асфальт. Он держался за сердце. Саша не успела даже вскрикнуть и теперь стояла, зажав рот ладонями, пытаясь совладать с собой. Женя не растерялся и мигом бросился к машине, бросив взгляд на Михалыча. Помогать там было некому. ВАЗ-110 буквально обнял колонну, из-под капота валил то ли дым, то ли пар. В салоне было настолько темно, что разглядеть водителя было невозможно. Саша подбежала к Михалычу, который задыхался сидя на асфальте, Женя достал из сумки фонарик и включил его, направив луч в салон. Никакой подушки безопасности, и водитель конечно же не был пристёгнут. Странно, как он не вылетел через лобовое стекло? Теперь он с выкрученными руками повис на рулевом колесе. Вся грудная клетка его превратилась в месиво. Всего минуту назад этот таксист был ещё жив, а вот теперь представлял собой поломанную куклу с обвисшими руками, зажатыми и переломанными ногами, разбитой головой и раздавленной грудью.

Нарколог выключил фонарь и вернулся к Михалычу. «Остаться здесь нельзя, нужно как можно быстрее идти к дому культуры», – пронеслось в голове у нарколога. Язвенник жадно глотал воздух ртом, сидя на асфальте. Над ним

склонилась Саша, пытаясь привести его в чувства.

– Сердце! У него больное сердце! – пыталась объяснить наркологу его подруга.

Женя снова включил фонарь и стал рыться в сумке, пытаясь найти валидол. И как всегда, в таких случаях, нужные таблетки спрятались в самом дальнем углу сумки, укрывшись ватой и бинтами. Наконец, нарколог достал лекарство и сунул одну таблетку Михалычу под язык. В этот момент в восемьдесят седьмом доме кто-то яростно начал бить во входные двери изнутри. Со стороны дома культуры к ним стали приближаться какие-то тени. Из самого здания ДК раздались выстрелы. Саша дрожала, озираясь по сторонам. Женя поднял ружьё и перекинул его через плечо. Вдвоём они попытались поднять Михалыча на ноги.

– Всю жизнь боялся машин и вот... под старость лет... угораздило... – онемевшим языком лепетал язвенник.

– Ничего-ничего, всё нормально. Сейчас тебе станет легче. Держись, Михалыч, мы тебя тут не оставим! – Женя взвалил руку Михалыча себе на левое плечо, Саша пыталась держать язвенника-сердечника под руку.

Выстрелы у ДК зачастили. Стреляли из ружья и пистолетов. Вспышки были видны очень хорошо. Звон разбитого стекла. В голове нарколога возникла картина штурма здания дома культуры шахты «Светлопольская». Там такие огромные окна на первом этаже, через них так легко попасть внутрь. И кто это придумал, собираться в этом здании? Они обошли разбитую машину и вышли на Красноказачью улицу. Со стороны проспекта к ним бежал, прихрамывая на одну ногу человек. Он рычал то ли от боли в ноге, то ли от нетерпенья. Женя остановился, вскинул ружьё, прицелился и выстрелил. Точное попадание. Заражённый отлетел назад уже с размозжённой головой. Саша вскрикнула.

– Слева! – прохрипел Михалыч.

Нарколог повернулся влево и практически не целясь, выстрелил ещё в одного пьяного. Тот шмякнулся на асфальт. Они даже не обратили внимания на то, что за спиной у них к машине подбежал безумец и набросился на водителя. Но потом он увидел троих живых. И, выбрав жертвы свежее, побежал к ним. В это время Женя вытягивал использованные гильзы, а Михалыч пытался подать ему патроны. У них просто не хватило времени, чтобы перезарядится.

7

Ночь продолжалась так долго, что, казалось, ей не будет конца. Нацик и Волошин шли к проходной воинской части. Только однажды они увидели заражённого – он суетился возле входа в городскую поликлинику. То, что он делал, вызывало недоумение: он сидел на коленях и бился головой о входные двери, несомненно, разбив себе лоб и сломав нос. Казалось, он не чувствовал боли. Глухое и какое-то возмущённое рычание доносилось с его стороны. Нацик и Волошин шли по другой

стороне улицы и осторожно, без звука, прошли мимо, стараясь не выдать своего присутствия.

Фонари уличного освещения работали только в некоторых местах по улице и освещали по большей части дорогу, поэтому команда была постоянно в тени, передвигаясь по тротуару. Тишина, поглотившая эту часть города, была нарушена не их присутствием, нет. Мерный стук о металл доносился со стороны входа в поликлиническое отделение. Они, тем временем, вышли на улицу Карла Либкнехта, покинутую ими ещё недавно. Только теперь они были по другую сторону квартала, где стояли жилые дома. Нацик посмотрел вправо – не смог удержаться, туда, где они недавно перелетали через забор, словно испуганные олени через бурелом. Там никого не было. Волошин тоже бросил взгляд в ту сторону, но скорее для того, чтобы осмотреть сектор справа. Чисто, вперёд.

Свет не горел ни в едином окне дома, мимо которого они проходили. Не горел он и в здании аграрного колледжа на той стороне улицы. Только впереди, на проходной воинской части можно было разглядеть слабый луч света. Где-то, возле железной дороги, за вокзалом лаяла собака. Как-то непривычно было её услышать после долгого пребывания в тишине. Волошин остановился напротив ворот проходной. Он пытался разглядеть, есть ли кто в кабинке? На месте ли дежурный? Конечно же, нет. Там было пусто. Но и дверь была закрыта. Нацик подошёл к ней и дёрнул за ручку. Заперто. Бросил взгляд на Волошина, тот кивнул в сторону ворот. Закинул автомат за плечо и мастерски прыгнул на них. Подтянулся, осмотрелся, тихо сказал:

– Тут чисто. Жди, я открою ворота, – и перепрыгнул на ту сторону.

Сердце у Нацика подпрыгнуло, когда раздался громкий металлический скрежет засова. И одна половинка ворот начала открываться. Он включил фонарь и направил его на асфальт. Из-за ворот появился Волошин. Он привёл автомат в боевое положение и махнул Нацику.

– Пошли.

Сначала они зашли в кабинку дежурного, на проходную. Там никого не было, и оружия тоже. Далее двинулись вперёд по асфальтной дороге, которая пересекала воинскую часть. По краям этой дороги были высажены деревья. Сейчас они являли собой лишь скелеты и выглядели удручающе. Воинская часть встретила их ещё более глубокой тишиной, чем улица. Мрак, который окутывал всё вокруг, был разбавлен разве что островками белого снега, который ещё не успел растаять. Но асфальт был чист, видимо, его регулярно подметали и отбрасывали снег.

Когда они поравнялись с плацем, увидели первый труп. Возможно, это и был тот самый дежурный, который покинул пост. Возле него лежало то, что им нужно – автомат. Волошин поднял его с асфальта и бросил Нацику. Тот чуть не упустил довольно тяжёлый «калаш», вовремя положив свой пистолет в карман.

– Проверь магазин. Дай, я подержу фонарь, – шепнул Волошин.

Нацику понадобилось две секунды на то, чтобы вспомнить, как вынимается магазин из автомата. Помнится, на уроках допризывной подготовки юношей их учили собирать и разбирать автомат. Но было это в начале двухтысячных... Наконец, рожок отсоединился, обнажив готовый к использованию патрон в магазине.

– Есть ещё ягоды в ягодицах, – также шёпотом произнёс Нацик и поставил рожок на место.

Удостоверился, не стоит ли рычаг на предохранителе и закинул ремень за голову. Пока что всё шло хорошо. Покопавшись в амуниции солдата, Нацик выудил ещё один рожок. Далее их путь должен был пройти через плац к оружейной комнате в казармах. Трупы теперь появлялись чаще, но уже без оружия. Наверное, они пытались пройти к оружейной комнате, но силы были явно неравными.

Волошин догадывался, что оружейная будет открыта, и в ней будут автоматы и боеприпасы. Не догадывался он только о том, что она будет буквально завалена телами солдат. Один из металлических ящиков был открыт, и Нацик увидел там коробки с патронами. Не теряя времени, Волошин повернул Нацика спиной к себе и лицом к двери. Расстегнул рюкзак за плечами своего товарища и принялся туда запихивать коробки с патронами. Нацик ощущал, как заметно тяжелеет его ноша, лямки натянулись до предела.

– Всё, больше рюкзак не выдержит, – произнёс он.

Волошин проверил крепость лямок и кивнул. Застегнул рюкзак и взял в руки свой автомат.

Они вышли из оружейной аккуратно в тот момент, когда к казармам приблизилась шатающаяся тень. Первым полуживого увидел Нацик, который шёл впереди. Волошин едва успел произнести: «Стреляй!», как Нацик нажал на курок. Вспышка ослепила его, а выстрел оглушил. Он всё держал спусковой крючок, но автомат не издавал ни звука. Только потом он понял, что стрелял одиночными и исправил эту досадную оплошность, поставив режим «АВ». Второй выстрел повалил пьяного на землю. Теперь нужно было спешить.

Всё ещё пребывая в темноте, Нацик тем не менее различал топот приближающихся шагов. Кто-то бежал справа. Волошин схватил Нацика под руку, и они побежали вперёд, через плац. Держа автомат на весу одной рукой, Волошин не осмелился стрелять, поскольку всё-таки не верил в свою способность быть Джоном Рэмбо. Когда несколько зомби оказались в непосредственной близости, их скосила очередь – Нацик сориентировался по звукам. Тихо благодаря Бога и Нацика, Волошин продолжал бежать со своим товарищем под руку к воротам. За ними бежали двое с одной стороны и один с другой. Когда до ворот оставалось совсем немного, Волошин остановился и развернулся. Нацик последовал его

примеру. Зрение понемногу возвращалось к нему, и он прицелился.

Двое стрелков в положении стоя методично, короткими очередями отстреливали приближающихся заражённых. Когда у Волошина закончился второй рожок, он понял, что воинская часть стала разорённым осиным гнездом. Из глубины, из разных уголков огромной территории части к ним бежали голодные и совершенно безумные солдаты. Они плевались и издавали разнообразные звуки, которые не имели ничего общего с человеческой речью. Все, как на подбор, были без головных уборов.

Теперь диверсантам пора было уносить ноги. Волошин дёрнул Нацика, который явно вошёл во вкус, и они побежали. Прямоком во дворы, где можно было укрыться, где жили родители Волошина, где вот уже двадцать второй год жил и сам Володя. Они подняли такой шум, что пьяные начали вылезать отовсюду. Из подъездов двухэтажных домов квартала, где жил последний представитель закона в городе Александрия. По пути к дому №58 по улице Свердлова они уложили ещё четверых заражённых. Наконец, оказавшись у цели своего опасного путешествия, Волошин замер на лестничной площадке первого этажа. Там лежала его мать. Узнал он её только по одежде, потому что от лица мало что осталось.

Нельзя сказать, что Волошин не предполагал такого исхода, но всё равно, где-то в глубине души он надеялся на то, что мать и отец будут живы. Они должны были закрыться и не пускать никого. Но... Но ведь они точно выпили, встречая новый год! А может, к ним пришли соседи, которые были уже не людьми. И его родители стали этими зверьми, подобных тем, которых только минуту назад отправлял на тот свет их сын.

В тусклом свете лампочки на лестничной площадке Нацик наблюдал за прощанием Волошина с матерью. Он склонился перед ней на коленях и тяжело дышал носом, стараясь унять крик, который вырывался наружу. Он даже не мог её поцеловать, – то, что осталось от лица его матери вызывало отвращение. И тут по лестнице спустился его отец.

Одного взгляда на него Нацику было достаточно, чтобы понять, *кто* убил мать Волошина. Это был уже не человек. Он издал громкое рычание, которое эхом отразилось от стен просторного подъезда, и двинулся на своего сына. Громкий выстрел в помещении оглушил и Нацика, и Волошина. Отец упал на спину с простреленной головой и теперь съезжал по деревянной лестнице. Когда в ушах перестало звенеть, Нацик услышал: «Спасибо». И они с Волошиным покинули дом номер 58 по улице Свердлова.

Никакого плана дальнейших действий у них не было. Они просто шли оттуда, стараясь оставаться в тени и не вступать в контакт с заражёнными. Шли молча. Нацик понимал, как трудно сейчас Волошину. Возможно, он сейчас ненавидел Нацика, а может – благодарил. Поговорить об этом парень не решался. В одночасье

лишившись обоих родителей, Волошин, должно быть, испытывал невероятную душевную боль. Нацик его прекрасно понимал, ведь знал, что такое – терять родителей. Правда, отца он потерял, будучи ещё подростком и пережил это намного тяжелее. А что же мать? В очередной раз Нацик отбросил мысли о ней, прекрасно понимая, что его мать постигла та же участь, что и мать Волошина. С вероятностью в девяносто процентов, она была мертва.

В их шагах теперь не чувствовались осторожность и спешка – куда им было спешить теперь? Превозмогая огромное желание напиться, Волошин старался держаться спокойно. Вот только предательский ветер, словно искры, высекал из глаз слезинки. Они катились по щёкам, и Волошин их даже не чувствовал. Команда возвращалась из задания. Но куда они направлялись, не мог сказать ни командир, ни солдат.

И вот, когда они миновали Центральный рынок, именуемый в народе «Большой базар» и шли по тому же пути, которым добирались до воинской части, они чётко слышали выстрелы. Где-то со стороны проспекта, в районе дома культуры. А это могло означать только одно: выжили не только они.

8

Саша, которая всё время держала правую руку в сумке, будто пряча там что-то очень ценное, во мгновение ока извлекла оттуда газовый баллончик и брызнула в лицо заражённому. Тот был уже совсем рядом и, визжа от боли, схватил лицо руками и вонзил ногти себе в глаза. От такого зрелища Сашу чуть не вырвало. Щёлкнул стволом Женя и направил его на пьяного, который выдавливал себе глаза и раздирал щёки, завывая от боли. Они отошли на несколько шагов, и Женя нажал на курок. Заражённый разом умолк, распластавшись на асфальте. Михалыч тяжело дышал, и с ним нужно было что-то делать. Женя положил ещё одну таблетку ему под язык.

Язвенник, поддерживаемый наркологом, еле передвигал ноги, а действовать нужно было быстро. Со стороны дома культуры донёсся душераздирающий крик, а за ним – выстрел. Как оказалось, это был последний выстрел. Женя тащил Михалыча вверх по Красноказачьей, чтобы там, где-нибудь возле ДК присесть в укромном уголке. Пенсионеру нужно хотя бы отдышаться и прийти в себя. Дальше – будет видно. Саша, казалось, была в трансе и влачилась за ними, даже не пытаясь осматриваться по сторонам. Её губы дрожали, руки и вовсе плясали какой-то немислимый танец. Они присели на бордюр – Женя аккуратно усадил Михалыча. Язвенник с глазами навывкате пытался побороть в себе страх и успокоить своё сердце. То, что происходило перед центральным входом в дом культуры, было скрыто от их глаз. Может, оно и к лучшему, ведь там умирал последний человек, который скрывался в здании. Он лежал на плитке перед лестницей, ведущей к

главному входу, и шептал: «Это конец».

Очень глупо завершилась оборона дома культуры от нападения пьяных. Но об этом выжившим ещё предстояло узнать. А потом – разобраться в причинах.

Наконец, после двадцати долгих минут, Михалыч начал успокаиваться. Они сидели втроем на бордюре: Михалыч с опущенными руками, Женя, обнявший язвенника за плечо и Саша, опустившая голову на колени. Пока удача не покидала их. Пока ещё были патроны и самообладание. Пока ещё в них не поселилась паника.

Михалыч, отдышавшись и чувствуя, что сердце понемногу возвращается в свой обычный ритм, попросил воды. Женя достал из своей сумки минеральную воду и открыл её. Язвенник сделал несколько жадных глотков и отдал её Жене.

– Спасибо. Спасибо тебе, Женя, – говорить ему было ещё тяжело, но он продолжил. – Боюсь машин, понимаешь... У меня и прав-то нет, никогда даже не задумывался, чтобы занять себе автомобиль... а тут, в эту... и без того страшную ночь... меня чуть не задавили.

– Ничего, Михалыч, всё уже позади. Сейчас тебе станет легче. Мы пойдём в ДК и узнаем, что там была за перестрелка. На месте решим, как быть дальше. Остаться здесь – это всё равно, что испытывать терпение племени каннибалов.

Саша начала приходить в себя. Капли уже перестали действовать, но она держала себя в руках, помня о наставлениях Михалыча. Она взглянула на язвенника и про себя отметила, что ему явно стало лучше, пускай язык его ещё заплетался. Положила руку в свою сумочку и нащупала там свой спасительный баллончик. Сжала его, будто таким образом могла поблагодарить это средство личной защиты. А ведь он спас ей жизнь. Впрочем, не только ей. Сейчас она вспомнила, зачем брала «Терен-4» с собой. Пускай они были знакомы с Женей довольно близко, всё-таки от этого холостого (в свои сорок два года!) мужчины ждать можно было чего угодно.

Позаботиться о своей безопасности её вынудил очень неприятный случай. Пускай, тогда всё закончилось не самым худшим образом, но с тех пор Саша стала более осторожна с мужчинами.

Был тёплый летний вечер 2009 года, когда она возвращалась домой от своей подруги. Они иногда встречались, чтобы посекретничать и обсудить новые знакомства Жанны. В тот вечер Саша задержалась и вместо того, чтобы вызвать такси, решила прогуляться. Она проходила мимо одного из немногих круглосуточных магазинов, которые в Александрии вечером превращались чуть ли не в злачные места. Разгорячённые спиртным молодые люди что-то шумно обсуждали возле порога магазина, когда Саша прошла мимо. Компания затихла. Только сейчас Саша увидела, что среди них не было ни одной девушки. Скорее всего, молодым парням сильно не хватало женского внимания, поэтому они

довольно быстро окружили её. Сказать, что это напугало Сашу – ничего не сказать. Всё, что она помнила – это слёзы на глазах и чувство стыда, хотя они не сделали ничего противозаконного. Просто шутили и предлагали не совсем порядочные вещи. Она сумела вырваться из круга и бежала домой что есть сил. А потом решила для себя, что без баллончика со слезоточивым газом никуда вечером выходить не будет. Никогда.

Сейчас Саша осознавала, не возьми она этим вечером с собой баллончика, она в лучшем случае была бы мертва, а в худшем...

Тем временем Женя помогал Михалычу встать. Тот аккуратно оттолкнул нарколога, давая понять, что более в его помощи не нуждается. И потянулся за ружьём. Женя отдал язвеннику его оружие и помог подняться Саше. Они осмотрелись: вокруг темнота, прислушались – тишина. Направились к центральному входу в дом культуры. Над зданием ДК «Светлопольский» был установлен прожектор, который освещал территорию перед входом, и всё было видно, как на ладони. Темнота отступила до газона напротив входа, до фонтана справа от входа (если стоять к нему лицом) и до угла здания слева, откуда вышли язвенник, нарколог и библиотекарша.

Теперь, когда они вышли из тени, смогли увидеть итоги недавнего сражения выживших с полуживыми. Наркологу удалось насчитать шесть трупов перед лестницей и двое на ступеньках. Огромные стёкла при входе в здание были разбиты, за одним из них лежал ещё один труп. Саша отвернулась, вот сейчас её уже вырвало, как она ни старалась сдержаться. Михалыч присвистнул.

– Сдаётся мне, последний оплот выживших пал. Хотя, остаётся надежда, что кто-нибудь ещё спрячется внутри.

Женя достал из сумки минеральную воду и умывал Сашу. До его ушей донёсся едва уловимый шёпот. Но ничего разобрать он не смог, лишь посмотрел в ту сторону, откуда он доносился. Человек, который лежал перед ступеньками с тем самым дробовиком «Сайга» (за которым ходил в охотничий магазин Женя), и которого нарколог принял за труп, пошевелил рукой. Это заметил и Михалыч. Он подошёл к раненому и наклонился. Тот доживал свои последние секунды – изо рта струилась кровь, а живот напоминал сложенные в кучу ненужные внутренности. Всё, на что был способен этот человек – это прошептать:

– Убейте меня... Я не хочу... Отсюда выхода... нет. Дороги перекрыты... убейте меня и застрелитесь сами... выхода нет...

В это время с другой стороны здания из темноты показались два силуэта, которые осторожно приближались. Их заметил Женя, который подошёл к умирающему. Он похлопал Михалыча по плечу, и когда тот поднялся, – указал на дорожку, которая вела от противоположного крыла здания, мимо фонтана, ко входу.

Нацик и Волошин свернули на улицу Титова и возле оптовой базы, присев недалеко от фонаря уличного освещения, занялись снаряжением магазинов к автоматам. В принципе – ничего сложного, вставляй себе патроны в рожок, и тем не менее, непривычные к этому делу руки Нацика быстро устали. Два рожка заполнил он и полтора – Волошин. И после всего этого, у них ещё оставалась куча патронов. По крайней мере, Нацик так считал. Правда, если учитывать, как они быстро расходуются, куча эта была горсткой.

Это только в фильмах главные герои не думают о патронах в перестрелках. Патроны берутся откуда-то... сверху, что ли? Как иллюзионист достаёт кролика из цилиндра. В настоящей жизни всё было не так. Патроны были тяжёлыми, это раз. Их расход был невероятным – это два. Ну, и прикинув, что один такой патрон стоит не менее одного доллара, Нацик подсчитал, что они настреляли около семидесяти баксов.

– Ты делаешь успехи, – заметил Волошин.

В этот момент Нацик возгордился собой. Ему приятно было слышать такое поощрение, даже если оно прозвучало из уст самодовольного ублюдка. Он просто кивнул в ответ и принялся разминать пальцы. Температура была около нуля градусов, но руки всё-таки замерзали. Окоченевшие костяшки плохо слушались, и Нацик растёр их остатками снега, который лежал под бордюром.

– Как ты думаешь, где стреляли? – спросил Нацик.

– Мне кажется, возле ДК.

– А мне показалось, что дальше. Где-то возле «Горняка»⁸.

– Значит, пойдём через дом культуры к «Горняку». Сейчас свернём направо, выйдем на Калинина, пойдём к переулку, который спускается к зданию дома культуры и обойдём слева, глянем, что там творится. Если там ничего нет, идём к «Горняку», – озвучил свой план Волошин и добавил немного погоды: – Жалко, что выстрелы стихли.

– Ага. Я согласен. Так и сделаем.

Волошин посмотрел на Нацика таким взглядом, будто хотел ему сказать: «А твоего согласия не спрашивают. Это был приказ». Нацик это, конечно же, уловил. И подумал: «Вот Рэмбо хренов!».

Всё было готово, и они в быстром темпе пошли дальше. Трупы были на улице Калинина, возле магазина продовольственных товаров. Ещё их можно было увидеть возле подъезда пятиэтажного дома, и то: в такой темноте они были едва различимы. Но когда они свернули влево и пошли по дороге, трупов больше не

⁸ Горняк – магазин на центральной улице, находится южнее дома культуры

встречали. Только на улице Гагарина лежал безликий человек, опёршись головой о ворота частного дома. Они прошли к заднему входу дома культуры и обогнули его слева, чтобы выйти возле фонтана. Там, недалеко от входа в здание они увидели людей. Приготовились к стрельбе и тихо приближались, чтобы рассмотреть, кто был перед ними.

Видели они деда, который присел над телом человека и старался нагнуться ближе к голове лежащего. Складывалось впечатление, что этот дед хочет что-то услышать. Но больше это было похоже на то, что он склонился над своей жертвой, и сейчас вцепится своими зубами ей в лицо. Волошин прицелился и продолжал приближаться, всё ещё находясь в тени. За ним следовал Нацик. Одна деталь насторожила Волошина и заставила опустить автомат. В правой руке дед держал ружьё, уперев его в бетонную плиту на земле. К деду подошёл ещё один человек и похлопал его по плечу, указывая на них, с Нациком. Дед поднялся и присмотрелся в темноту, откуда к ним приближались двое. Неспешно он поднял ружьё и прицелился. Волошин автоматически направил своё оружие на деда.

– Стоять, если живые! – крикнул Михалыч.

Волошин остановился и дал знак остановиться Нацику.

– Мы живые. Давайте опустим оружие и поговорим, – ответил он деду.

– Хорошо, только выйдите на свет, чтобы мы вас видели.

Волошин и Нацик вышли из тени в зону освещения. Перед Михалычем стоял патрульный, а на полшага за ним находился обычный парень, каких много по городу бродит. Оба были вооружены чёрными АК-74, таких Михалыч не видал. Волошин же увидел такую картину: над телом человека стоял не совсем уж и дед, но скорее всего, пенсионер. Одет он был в камуфляж и сейчас напоминал не то охранника, не то рыбака, но больше всего он походил на охотника – с таким древним двуствольным ружьём. За ним притаился мужчина лет сорока с сумкой через плечо и тесаком в руке. Как-то по-детски выглядел этот тесак на фоне настоящего оружия. Чёрные глаза его вместе с тёмными волосами вызывали ассоциацию с лицами кавказской национальности, но выбрит он был гладко, и щетина не «синела» у него под самыми глазами. Доверия не вызывал ни «охотник», ни этот «мясник», поэтому Волошин держался на расстоянии.

– Будем знакомы. Меня зовут Сергей Михалыч. Выжил в этой мясорубке.

– Я – Волошин, младший сержант милиции, можно просто Вова. А это – Нацик. Мы с ним вместе идём от воинской части.

В это время за спиной у нарколога показалась Саша. Михалыч оглянулся и представил остальных:

– Это – Евгений. Он врач. Правда, нарколог. А это – Александра. Она работает в библиотеке. Мы все шли сюда, к ДК. Здесь собирались выжившие.

– Откуда вы знаете? – спросил Нацик.

– Увидели послание в охотничьем магазине, – ответил Женя.

– Какое ещё послание? – уточнил Волошин.

– Написанное маркером на прилавке. Мол, если выжил – иди к ДК, – пояснил нарколог.

– Все целы? Никого из вас не кусали? – спросил Михалыч. – А то тут вампиры какие-то в городе объявились.

– Объявились и всех съели, – уточнил Волошин. – Нет, из нас никто не ранен. А как на счёт вас?

– Тоже, всё в порядке. Пожмём руки?

Михалыч с улыбкой приближался к Волошину, закинув своё ружьё за плечо. Нацик оглядывался, осматривал тёмные места. Волошин опустил автомат стволом в землю, переложил его в левую руку, а правую протянул пенсионеру. Михалыч пожал её крепко, а сам постарался заглянуть в глаза Волошина, чтобы понять, кто он такой. Но за стеклянными, холодными серыми зрачками не было ровным счётом ничего. Тогда Михалыч ещё подумал: «Это какая-то машина для убийств», и оказался прав.

Наступил тот неловкий момент, когда все познакомились, а сказать, в общем-то, было нечего. Женя стоял за Михалычем, его руку обвила своими руками Саша. Ни дать, ни взять – любовная парочка. Нацик положил свой АК на плечо и напоминал сейчас какого-нибудь бандита из девяностых, в то время как Волошин со своим автоматом походил на террориста (правда, не хватало пару штрихов – бороды и повязки на голове).

– Так что вы говорили о выживших? – нарушил молчание Нацик.

– Здесь, в ДК должны были собраться те, которые выжили. По крайней мере, так было написано в оружейном магазине. Похоже, что, пока мы шли сюда, здесь завязался бой с этими... ну, сами понимаете. Последний выживший умер у меня на руках, он сказал, что отсюда выхода нет и все дороги перекрыты.

– Может, есть ещё кто-нибудь в здании? – спросил Волошин, игнорируя два последних слова Михалыча. – Я предлагаю зайти и осмотреться. Возможно, здесь неплохое укрытие. Особенно, на втором этаже или ещё выше.

Никто возражать не стал. К тому же, на открытом и освещённом пространстве оставаться было небезопасно. Так зачем привлекать к себе внимание?

Женя, Саша и Михалыч последовали за Волошиным и Нациком, которые двинулись вверх по ступенькам. Ступая по разбитому стеклу, они вошли в здание. Изнутри оно было плохо освещено, и, тем не менее, они могли разглядеть ещё один труп. Этот человек подвергся нападению полуживых, это было видно по рваным ранам на шее и лице. Теперь он был мёртв, хотя с абсолютной уверенностью этого сказать никто не мог. Когда они вошли в зал с многочисленными рядами кресел перед сценой, им показалось, что кто-то сидит в самом первом ряду.

В зале был полумрак, и разглядеть что-нибудь было проблематично. Нацик достал свой фонарик, Волошин жестом дал понять остальным, чтобы они ждали здесь. Вдвоём они по проходу осторожно и как можно тише спустились к первому ряду. Там действительно сидел человек с бутылкой шампанского в руке. Если бы он был мёртв, бутылка давно упала бы. Но рука его очень уверенно сжимала стеклянную тару. Сам он сидел лицом к сцене и, казалось, наблюдал за спектаклем. Оказавшись на расстоянии каких-то шести метров от сидящего, Волошин отступил в сторону, давая Нацику осветить человека с шампанским. Они оба догадывались, что человек этот, если уже выпил алкогольный напиток, фактически стал заражённым. Но была надежда, что он ещё не пил. А он не обращал на них никакого внимания. Рот его был открыт, и слюна капала ему на колени. Глаза ни разу не моргнули. Волошин осторожно приближался, держа сидящего на «мушке».

В полумраке зала выстрел был сродни грому после ослепительной вспышки молнии. Обмякшее тело сидящего любителя шампанского завалилось на бок, простреленная голова оросила кровью соседнее кресло. Без сомнения, этот мечтающий о чём-то полуживой, был обезврежен заблаговременно. Сердце у Саши билось с такой силой, что, казалось, его биение слышали даже Нацик с Волошиным внизу. Она крепче сжала руку нарколога и прижалась к нему, закрыв глаза. Михалыч негромко спросил:

– Там больше никого нет?

– Здесь чисто, – с интонацией матёрого спецназовца ответил Волошин.

Луч фонаря облизал все ряды кресел, стараясь найти хоть что-нибудь, напоминавшее человека. Но зал был пуст. Волошин и Нацик вернулись к остальным и было принято решение обойти всё здание, чтобы вовремя обнаружить таких вот «эстетов» с шампанским или спящих полуживых.

Они разделились и обследовали каждый уголок этого большого дома культуры, построенного ещё в советские времена. Встретились потом на танцплощадке второго этажа. Во-первых, там было просторно и светло, во-вторых, можно было легко забаррикадировать все подходы на танцплощадку (а их было всего-то три), и в-третьих, здесь до них уже кто-то пытался обосноваться и нанёс много провианта и воды. А это было просто великолепно.

10

– Думаю, все со мной будут согласны, если я предложу хорошенько забаррикадироваться, поесть и отдохнуть. Мы все устали, – предложил Михалыч.

– И будем дежурить по очереди, – добавил Волошин.

Посреди площадки был поставлен стол, а все подходы были забросаны рядами кресел, тумбочками, в ход пошёл даже чей-то письменный стол. Находясь на втором этаже, с перекрытыми лестницами, они были в относительной безопасности. Картину портил только тот факт, что обзор улицы сильно

ограничивался. Находясь на площадке, можно было видеть только то, что происходит слева от входа и справа. Но, посетив одну из комнат за танцплощадкой, можно было, если потребуется, взглянуть и на ступеньки перед самым входом в дом культуры.

Закончив с приготовлениями, все собрались у стола, где заботливая Саша приготовила бутерброды, нарезала копчёное мясо и разлила в пластиковые стаканчики негазированную минеральную воду. Михалыч не долго думал, а можно ли ему копчёное мясо и, махнув рукой, принялся уплетать кусочки курятины, заедая бутербродами с паштетом и сыром. Аппетит разыгрался не только у Михалыча, Волошин поглощал угощение с такой скоростью, будто ест последний раз. Саша, надкусив свой первый бутерброд, быстро поняла, что с таким рвением, он оставит их без еды. Отложила свой кусочек и принялась делать новые бутерброды и нарезать копчёности. Нацик налегал на мясо и фрукты, которые он нашёл в пакете под столом. Евгений клал один бутерброд на второй и таким образом съедал сразу два за один подход.

Каждый про себя поблагодарил тех смелых и без сомнения запасливых людей, которые здесь собирались отсидеться и предусмотрительно притащили запасы еды. Далее в ход пошли консервы с тушёнкой. Волошин мастерски вскрыл несколько банок ножом и попытался есть прямо из банки одноразовой ложкой. Сломав одну, он взял другую. Плохо ела только Саша, в голову лезли картины разбросанных по дворам трупов с выеденными лицами, постоянно тошнило. Она первая отошла от стола и присела на одно из кресел, стоявших в ряду по периметру площадки. Женя, тем временем, жевал бутерброды и запивал минеральной водой. По всей видимости, его давно мучал какой-то вопрос. И он его задал:

– А почему «Нацик»? – он смотрел на того, кому задал вопрос.

Михалыч проглотил кусок мяса и на секунду прервал свою трапезу.

– Это от слова «нацист», что ли? – осведомился язвенник.

– От слова «националист», – уточнил Нацик.

– Ты, значит, другие нации не любишь? – продолжал Михалыч.

– Причём тут *другие* нации? Я *свою* люблю. А остальные – меня поскольку постольку интересуют.

– Интересная позиция. Национализм, с моей точки зрения, это – ошибка. Украина, например, многонациональная страна. А по паспорту мы все украинцы.

– Вот вы вроде бы уже в возрасте, а не понимаете элементарных вещей. В паспорте не указана национальность. А «украинец» – это именно национальность, принадлежность к украинской нации.

– А что же там написано?

– Там написано, «гражданин Украины». Графу «национальность» давно отменили, – буднично произнёс Нацик и добавил: – Такие, как вы. Гражданином

Украины может быть хоть негр, хоть китаец. Но он никогда не будет украинцем. Так ведь?

– Ты ещё и расист к тому же, – констатировал нарколога и продолжил трапезу с таким видом, будто для него всё стало предельно ясно.

Видать, он уже услышал от Нацика то, что хотел услышать. Но разговор явно заинтересовал и его, и Михалыча. К тому же, Волошин тоже сбросил темп поедания бутербродов и тушёнки. Он стоял как раз между Михалычем и Евгением с одной стороны и Нациком – с другой, и наблюдал за разговором, перемещая взгляд то в одну, то в другую сторону. Как зрители на теннисе.

– Ага, и антисемит и фашист и так далее по списку, – парировал Нацик. – В чём ваши проблемы? У каждого есть свои какие-то убеждения. Разве не так?

– Ты этот, скинхед, что ли? – вступил в разговор Волошин. – Никогда не думал, что в Александрии такие есть.

Нацик театрально приложил руку ко лбу.

– Нет, не скинхед. Я националист, стремлюсь к тому, чтобы моя нация сбереглась в этом котле народов. Веду здоровый образ жизни, занимаюсь спортом...

На несколько секунд воцарилось молчание. Им было, что сказать, ведь тема эта явно привлекала их, возникало много вопросов. Но никто не мог сформулировать свои мысли в вопросы. К тому же, Нацик, по-видимому, был готов к этому, что чувствовалось в его уверенности. Так уверенны в себе те люди, которым тысячу раз приходилось доказывать кому-то одно и то же.

Один Михалыч был настроен враждебно, и этого было не скрыть:

– В Великую отечественную войну воевали за твою Украину все – и русские и белорусы, и грузины, да и все остальные народы Советского союза. Чем таким... особенным выделились украинцы?

– А зачем вы вплетаете сюда эту войну? Молодцы, что воевали за Украину. Но сейчас никто ни с кем не воюет. А вот украинцы вымирают, язык наш вымирает...

– И виноваты в этом, конечно же, москали? – пытался продолжить мысль Нацика Женья.

Шаблонность умозаключений оппонентов забавляла Нацика, поэтому он лишь улыбнулся.

– А что москали? Я о них что-нибудь говорил?

– А кто виноват? Евреи?

– При чём здесь евреи? Не провоцируйте меня, пожалуйста. Вы меня спросили, почему меня называют Нацик, я вам ответил. Вам сейчас интересно поупражняться в политических беседах? Я же не пытаюсь упрекнуть кого-нибудь из вас в ваших «совковых» взглядах.

– А что ты имеешь против Советского союза? – спросил Михалыч.

Нацик осмотрел всех. По их глазам видно было, что в общем они поддерживают позицию Михалыча.

– Что ты о нём вообще знаешь? При Союзе неплохо жилось, в общем.

И такого утверждения Нацик тоже ждал. Вся соль в таких безапелляционных заявлениях была в том, что утверждающий не ожидал никакого опровержения и свято верил в то, что такое доказывать не нужно, все и так об этом знают. Но Нацик считал по-другому.

– Да что вы говорите? И когда хорошо жилось? Со середины семидесятых и до середины восьмидесятых? А какой ценой эта ваша «хорошая жизнь» досталась, вы не подумали? А разруха, коллективизация, несколько голодоморов, ссылки в лагеря и так далее. Это, по-вашему, хорошая жизнь? Разве платят такую цену за эту вашу так называемую «хорошую жизнь»?

Михалыч был поставлен в тупик. Он не ожидал такого поворота. Пришлось ретироваться, тем более, что он не был сторонником светлых идей коммунизма и поклонником товарища Сталина. Но один вывод для себя он сделал: парень – фашист и точка. Так он его и будет называть далее. Мысленно.

А знакомство ведь только начиналось. Михалыч терпеть не мог, когда его ставили в тупик. А тут ещё и молодой засранец, не выдавший жизни! Затянувшееся молчание Нацик, без сомнения, расценил как свою победу и принялся за тушёнку. Тем не менее, разговор продолжил нарколог:

– Ну, допустим, я «совком» себя никогда не считал, но ты ведь согласишься с тем, что успехи Союза были как-то поярче, чем в Независимой Украине?

Нацик и здесь не заставил себя ждать с ответом.

– Безусловно, в некоторых моментах – да. Социалистическая модель в плане медицины, трудоустройства, образования работала неплохо. Здесь глупо спорить, но я и не пытаюсь выгородить этот дичайший капитализм. Просто многие так хвалят Советский союз и как-то закрывают глаза на те десятки миллионов жертв, ценой которых строилось «светлое будущее».

Снова на площадке воцарилось молчание. Казалось, всем стало жаль тех «десятков миллионов жертв». Михалычу, конечно же, не терпелось поставить Нацика на место, но пока аргументов у него не было и на ум ничего так быстро прийти не могло. Вид у язвенника был как у пристыженного мальчика.

– А всё-таки, как тебя зовут? – спросила Саша.

– Нацик, – ответил он, проглотив порцию тушёнки.

Глава 3. ЗНАКОМСТВО.

1

Когда с трапезой было покончено и Волошин, нисколько не стесняясь, смачно отрыгнул, компания разместилась в креслах по периметру площадки. Нарколог

присел возле Саши, Михалыч – в ряду, который стоял перпендикулярно их ряду, а Нацик с Волошиным разместились напротив Жени с Сашей. Набитые желудки тяготили, тянуло на сон. Но Михалыч явно спать не хотел и затеял разговор:

– Итак, я предлагаю познакомиться поближе. С кого начнём?

– Предлагаете заседание клуба анонимных алкоголиков? – спросил Нацик.

– Скорее, трезвенников, – уточнил Михалыч. – Раз уж никто не желает начинать, тогда я буду первым. Зовут меня Сергей Михайлович и мне пятьдесят восемь лет. В этом году (кстати, с Новым годом вас!) мне исполнится пятьдесят девять.

– Оптимистично, – Нацик не скрывал своего издевательского тона. Но выводить старика из равновесия он не пытался.

Михалыч продолжил, не обращая внимания на «сопляка»:

– Я, так сказать, коренной александриец. Родился и живу здесь. Проработал тридцать семь лет токарем сначала на заводах, а вот теперь – на одном предприятии, которое занимается ремонтом и обслуживанием техники. Вдовец, да, – и как-то грустно добавил, – вот уже три года. Как раз сидел дома один, встречал Новый год, когда началась эта вся...

– Джигурдень, – вставил своё слово Нацик.

– Что-что? – переспросил Михалыч.

Взгляды переместились на Нацика. Волошин улыбнулся, ему понравилось это слово. Саша с Женей же были в недоумении. Им даже показалось, что Нацик употребил матерное слово, которое здесь явно было лишним.

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулся Нацик.

– Даже не знаю, как это назвать. Эпидемия, что ли? – продолжил Михалыч. – И мне, больному человеку, это всё ой, как не к месту.

– Чем болеете? Я имею в виду, кроме сердца, – спросил нарколог.

– Язва у меня обострилась. Вот и болею. А тут ещё этот придурак на такси меня чуть не сбил. Уж не знаю, переживу ли я ещё раз что-нибудь такое. Но жизнь ведь такая штука, непредсказуемая, всё ждёшь, когда сядет батарейка, а тут, в любой момент, раз – и всё. Нет человека. И даже не знаешь, что лучше – умереть сразу или доживать свои дни – вот так вот.

– А от чего умерла Ваша супруга? – спросил Женя.

– Инсульт. Внезапно, среди бела дня, удар. Потом три месяца не вставала из постели. Поздно в больницу попала, да и врачи у нас, ложа руку на сердце, не ахти.

Михалыч посмотрел на Женю, ожидая, что тот станет возражать и покрывать своих коллег. Но тот не стал. Чего кривить душой, когда в таком маленьком городке профессионалов в сфере медицины можно по пальцам перечесть? Женя это прекрасно знал. К слову, он и себя не считал хорошим врачом.

– И вот остался я со своим старым котом, Максом. Нам с ним вдвоём не скучно. Хотя, если честно, то зимой скорее скучно, чем нет. Летом-то хоть выйдешь во

двор, поиграешь в домино, опрокинешь стаканчик-другой. А зима – это холодно и одиноко. Да ещё и врачи строго-настрого запретили любой алкоголь. Ну, вот как, скажите мне, пожалуйста, можно прийти уставшим с работы и не выпить кружечку пива перед телевизором?

Взгляд Михалыча был вопросительным, поэтому Нацик решил ответить:

– Ну, так же, как и выпить кружечку пива, только наоборот. Мне, например, не хочется выпить ни кружечку, ни глоточек пива. Да и телевизор я не смотрю. Даже если там каналов куча. Бывает, скачаю с интернета сериальчик или фильмец какой-то и смотрю на компьютере.

– Ты, наверное, сынок, на работе не устаёшь. Или для тебя работа за компьютером слишком тяжела? Шутка ли, стучать по кнопочкам целый день, да в экран пялиться, – пытался сострить Михалыч.

– Ну, если попробуете хотя бы недельку так поработать, и днём и ночью за экраном, тогда поговорим. А так, это всё бесполезно. Пустые слова.

– Да, Сергей Михайлович, работа за компьютером – не самая простая работа. Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что от неё не устают, – вступилась за Нацика Саша.

И снова ему нечего было сказать. Он действительно не работал за компьютером, да и не смог бы. В его возрасте освоить такую сложную технику было проблематично. Многие люди старой закалки просто не хотели связываться с компьютером только потому, что интуитивно чувствовали, что это не из их эпохи, это слишком мудрёная машина. Михалыч не был тому исключением и, не осознавая всех аспектов работы за компьютером, считал, что это одна из самых простых и лёгких работ. Правда, для молодёжи. И то, если сравнивать с тяжёлым физическим трудом, коим он, безусловно, считал работу токарем.

– А это у Вас откуда? – спросил Волошин, указывая на ружьё.

– А это у меня для охоты, – пояснил Михалыч. – Раньше часто выезжали со старыми друзьями, а теперь всё реже. Но свою лапоньку держу в отличном состоянии и под замком. Благодаря ей я сегодня имею честь с вами разговаривать.

Михалыч погладил своё ружьё, будто это была его внучка, которую он любя называл «лапонькой». Больше сказать ему было нечего. По крайней мере, пока.

2

Михалыч молчал. Эстафету взяла Саша, удивив тем самым всех, кто находился на площадке.

– А я – Саша. И мне 25 лет. Работаю в библиотеке имени Пушкина. Понимаю, как бы, непопулярная профессия. Но мне по душе.

– И сколько ты получаешь? – вмешался Волошин.

В Александрии такой вопрос звучал как само собой разумеющееся. Но по

большей части, такие вопросы задавали друг другу хорошие знакомые или друзья. В этой же ситуации вопрос был немного нетактичен, но Волошин нисколько не смущался. Может, пытался сравнить со своей зарплатой, а может – просто из интереса. Саша бросила взгляд на него, без упрёка, просто из такта. Она привыкла отвечать людям, смотря им в глаза.

– Копейки. Но папа помогает немного, плюс беру подработку – набираю на компьютере тексты. Одной на жизнь хватает, если учитывать, что я ещё плачу за съёмную квартиру. Как бы недорого, но ощутимо. Наверное, для молодых людей я как бы неинтересная, ведь я не пью и не курю, читаю книжки...

– Это для дураков такие, как ты, неинтересны, – перебил её Нацик.

Саша совсем не ожидала такого комплимента от парня, из рюкзака которого торчала окровавленная бита, а возле кресла стоял заряженный и готовый к бою автомат Калашникова. Она едва заметно улыбнулась. Внимательный наблюдатель мог бы даже заметить, что щёки её слегка окрасились в пунцовый цвет.

– Возможно. Я не встречала парней, которые, так же, как и я, ведут здоровый образ жизни и читают книги, – потом зарделась и глянула на Евгения. – Ну, кроме тебя. Работа, как бы, интересная. Но библиотеки, к сожалению, становятся всё более непопулярными.

– Честно сказать, они и не были похожими на футбольные стадионы, – улыбнулся Нацик.

– Я не об этом. Просто сейчас, когда многие пользуются интернетом, потребность в библиотеках как бы отпадает. Понимаете?

Михалыч кивнул. Хотя он с трудом понимал, что же в действительности представляет собой этот самый «интернет». У язвенника он почему-то всегда ассоциировался с «интернатом» и как-то не вязалось то, что в «интернете» можно найти всё. Раздумья Михалыча прервал Нацик. Он спросил у Саши:

– Извини, за нескромный вопрос. Так ты ни с кем не встречаешься?

Вот теперь Саша явно покраснела и опустила глаза.

– Ну, как бы, встречаюсь...

– Так не бывает: «как бы встречаюсь». Девушка либо встречается, либо нет.

– Мы с ней встречаемся, – ответил за неё Женья.

Нацик внимательно посмотрел на него, будто оценивая свои шансы. И чем это мог зацепить такую симпатичную девушку этот сорокалетний врач, издали напоминающий не то араба, не то цыгана? Тогда Нацик подумал, что у него могут быть шансы познакомиться с Сашей поближе. Она прекрасно вписывалась в его эталон красоты. Золотистые русые волосы, прекрасные зелёные глаза и чувственные губы. Разве *такие* работают в библиотеках? С другой стороны, такие просто обязаны работать в сфере культуры.

– А кто твой отец? – спросил Михалыч.

Только сейчас Саша вспомнила, что у неё был отец. До этой жуткой ночи он у неё был. И она вполне могла встретить новый год с ним, как бывало и раньше. Но она ушла в гости к Жене, а отец остался там, в частном секторе, в своём доме. Каковы были у него шансы выжить? Практически никаких. Она понимала, что он далеко не трезвенник, хоть и очень интеллигентный человек. А это означает, что к нему в гости могли прийти друзья, которые могли быть заражёнными. Изю всех сил она держалась, чтобы не заплакать. Она даже подняла голову повыше и посмотрела в потолок.

– Это уже не важно, – ответила она.

О своих родителях подумал и Нацик. Хорошо, что отец умер ещё в 2004 году, и не застал всего того, что случилось. Но мать... Мама была жива. До этой ужасной ночи. Всё это время Нацик отгонял мысли о маме и их квартире в доме №143 по улице Шестого Декабря. Ему даже представить было сложно, чем закончились скромные посиделки с подругами. Никаких сомнений, что там была выпивка. Пускай даже немного, но была. И даже если представить себе, что мама ничего не выпила (не успела?), то подружки уж точно пили и закусывали. То есть, в любом случае исход был один. В том, что в этой всей канители был замешан алкоголь, он не сомневался. Нацик опустил голову и старался отогнать плохие мысли.

Волошин сидел и молчал. Его воспоминания были ещё свежие и ещё пахли кровью. Очень тяжело вот так, в один момент остаться сиротой. Даже если ты уже давно самостоятельный и взрослый парень. А уж намного хуже, когда на твоих глазах убивают твоего отца. Даже если он и так фактически мёртв. Волошину стало жарко, и он сбросил с себя грузный жилет.

– Пожалуй, у меня всё. Может, ты расскажешь о себе ещё что-нибудь, кроме того, что ты националист? – указала на Нацика Саша.

Выдержав паузу, он обвёл взглядом всех, кто сидел в зале.

3

– Может и расскажу. Я немного старше тебя. Ну, буквально на год.

Волошин посмотрел на Нацика оценивающим взглядом. Он почему-то считал, что Нацику не больше двадцати, а оказалось, что этот тип на целых три года старше него. Внешность иногда бывает обманчива. Бывают люди, которые в свои двадцать пять лет выглядят на все тридцать, а бывают такие, что смотрятся намного моложе. Волошин относился к первым. «Наверное, этот пацанчик не служил», – подумал Волошин. И он был прав.

– Работаю контент-менеджером на нескольких сайтах, – продолжал Нацик, ехидно поглядывая на Михалыча, тот выглядел полным дураком. – То есть, наполняю эти сайты информацией, которую беру с других ресурсов или с книг, журналов и своей головы. Платят не особо, но мне хватает. Правда, в последнее

время стал совсем плохо видеть ночью, даже вечером. Могу идти по городу и не узнавать людей, друзей, близких. Это из-за того, что работаю даже по ночам.

Разговор отвлекал компанию от тяжёлых мыслей о ситуации, в которой они находились. Это, конечно же, было хорошо. Но все понимали, что разговор о текущих проблемах и планах на дальнейшее – неизбежен. Пока же они отдыхали после ужина (или завтрака?). Животы переваривали пищу, а мозги работали «на холостом ходу». В городе уже перестали взрываться петарды, тишина так и норовила усыпить тех, кто остался в живых. Но они ещё держались.

Нацик глянул на окно. Темнота. Казалось, эта темень давит на стёкла, и они вот-вот брызнут осколками внутрь. Почему-то от этого стало жутко и по коже пробежали мурашки.

– Стараюсь держать себя в форме, – продолжал Нацик. – Хожу на спортплощадку в семнадцатой школе, занимаюсь на турниках.

– Турникмен? – спросил Женя.

Волошину это слово ничего не говорило, но он догадывался и с интересом посмотрел на своего «напарника». Он вспомнил, как тот лихо перепрыгнул высокий забор в воинской части. Ещё лет пять назад с этого слова могли рассмеяться, но в последнее время (хвала социальным сетям, наполненным видео) это даже начало входить в моду. Чуть позже это увлечение получит более звучное название – «воркаут».

– Да. Турник, брусья. Это – моё. Ну и плюс веду здоровый образ жизни: не пью и не курю. По клубам не хожу.

В его словах слышалась некая гордость за себя.

– А раньше пил и курил, наверное? – спросил Михалыч.

– Да, раньше и пил и курил.

– А что тебя заставило поменять свои взгляды? Неужто твои политические предпочтения? – задал вопрос нарколог.

– В какой-то степени, да. Конечно, в головах обычных людей националисты – это жлобы, пьющие пиво и оружие в пьяном угаре «Слава нации!», но это далеко не так.

– А как? – теперь интересно стало Волошину.

Он никогда не видел скинхедов в Александрии, зато часто смотрел какие-нибудь передачи по российским каналам, где показывали бритоголовых молодчиков со вскинутыми в нацистском приветствии руками. При этом в свободной левой руке у них обычно присутствовала стеклянная бутылка какого-нибудь пойла. Картинка, представленная средствами массовой информации, чётко запечатлелась в голове у Волошина. Вспомнились слова из песни группы Каста: «Любят гладко стричься, – это я понимаю; носят чёрные в обтяжку джинсы, – ну, не знаю».

– Я понял, о чём ты думаешь, – начал Нацик. – Эпоха бритоголовых нацистов с

битами и «подкатами на два пальца» прошла. «Тяги», «бомберы» и «гриндерс» – это всё осталось на уровне субкультуры. Такие ярко выраженные личности до сих пор блуждают по дворикам больших городов, но, так же, как и «малиновые пиджаки» и «бананы», одежда эта выходит из моды. Тем более, что эта мода была введена ещё в семидесятых годах. Современные националисты пропагандируют здоровый образ жизни. Потому что здоровье нации – это корень её способности к сохранению и выживанию.

– А как твои родители относятся к твоим увлечениям и образу жизни? – спросила Саша.

– У меня одна мать осталась... – Нацик опустил глаза. – Отец умер в две тысячи четвёртом. Я тогда учился в Киеве. Пришлось бросать учёбу и возвращаться домой. Мама переживала за меня, через пару лет я начал менять свой образ жизни, потому что понял, что потеряю и её. К моим взглядам она относится как любая мать – не будет же она выгонять сына из дому из-за его политических предпочтений? Моё занятие спортом она только приветствовала.

Отчасти он был прав, его матери не оставалось ничего, кроме как не вмешиваться в его политические взгляды. Но было и ещё что-то. Она катастрофически боялась одиночества.

– Как получилось, что ты бросил пить и курить?

– На самом деле это довольно просто. По крайней мере, бросить пить. Для этого не нужны какие-то таблетки, психологи, наркологи, – Нацик бросил взгляд на Женю. – Нужно только желание. Хотя, соглашусь, бросать пить в компании, где все твои друзья не мыслят даже одного дня без пива – это тяжело. Нет, не физически. Морально. Эти насмешки, подколки и так далее. А вот бросить курить – это проблематично. Для этого одного желания мало. Вот здесь уже нужна сила воли.

– Конечно, это же наркотик, – вставил своё слово Женя.

– Да, самый настоящий. И самый коварный. Я пробовал всё: начиная от жутких фотографий людей с раком лёгких и горла, заканчивая литературой этого, как его...

– Аллен Карр? – спросил Женя.

– Да. Он так расхваливал свою книгу и давал такие гарантии, что я решил попробовать. Конечно же, из этого ничего не случилось. Беда в том, что я к такой литературе отношусь критически. Ну, знаете, такие книги с яркими заголовками типа «Как стать миллионером за один день?» или «Как стать лидером?». Всё это чепуха. Я так думаю.

Голос Нацика был таким монотонным и серым, что у Михалыча начали слипаться глаза. Слабое освещение зала и этот ровный, практически без интонаций, голос убаюкивали. Он сидел в кресле и его тяжёлые веки сами по себе начали слипаться. Это было так похоже на засыпание под включённый телевизор, не хватало только лёгкой музыки на фоне.

– И как ты бросил? – подал голос Волошин.

– Я очень старался. Признаюсь, даже сейчас мне хочется покурить. Но я держу себя в руках. Пытался убедить себя в том, что запах табака – это мерзость. Но слишком большой у меня стаж курильщика, чтобы вот так взять и возненавидеть этот дым.

– Большой стаж? В двадцать шесть?

– Ага. Я, как и многие мои сверстники, начал курить ещё в школе. Точно сказать не могу, но где-то в седьмом или восьмом классе. Думаю, в седьмом. В общем, было мне тогда четырнадцать.

– Но ты же не курил все эти двенадцать лет подряд каждый день? – испугалась Саша.

– Нет, конечно. Заядлым курильщиком я стал в институте. Это, получается, в семнадцать.

При этих словах он немного улыбнулся. Возможно, он рассчитывал, что сей факт вызовет улыбку и у других, но это было не так. Как-то грустно глядела на него Саша, осуждающе – Женя, и равнодушно – Волошин. А Михалыч вообще этого не слышал. На этом Нацик решил прекратить свою душещипательную историю, посчитав, что для первого раза – достаточно.

Михалыч уже похрапывал, когда на площадке воцарилась тишина. Ему было неудобно спать вот так, но это такая мелочь. Его организм требовал отключки, он устал. А тем временем пришёл черёд говорить Волошину. Женя открыл было рот, но Волошин уже начал.

4

– У меня всё просто и рассказывать, в общем-то, нечего.

Он вздохнул, будто бы стараясь отогнать какие-то мысли и продолжил:

– Родился и вырос я здесь, в Александрии. Жил с родителями. Ходил в девятнадцатую школу. Потом пытался поступить в институт, но на бесплатное место не получилось, а на платное не было денег.

На самом деле Волошин, мягко говоря, кривил душой. После окончания одиннадцатого класса он никуда не хотел поступать. Этого хотели его родители. Но так получилось, что он не записался ни на какие курсы по подготовке к вступлению, в то время как большинство его одноклассников такие курсы посещали. Отец уговаривал Володю поступать хотя бы в Кировоград, а лучше – в Кременчуг. Но Володе сама мысль об учёбе казалась страшной. Он ведь не любил учиться, и школа наградила его по заслугам: в аттестате о полном среднем образовании его средний балл был самым настоящим «средним» – далеко не «отлично». Мама была готова оплачивать учёбу сына, лишь бы он был «умничкой» и, выучившись, стал бы каким-нибудь директором. Но за Волошиным не было и

грамма энтузиазма. Он поехал сдавать вступительные экзамены и блестяще их провалил. Возвращаясь домой, они с мамой выглядели по-разному: она была печальна, а он – в настроении.

Поскольку он не поступил в институт, его ждала работа – «нахлебником» он быть не собирался, нужно хоть в этом отдать ему должное. Что он умел делать? Да ровным счётом – ничего. Ведь для любой профессии нужна подготовка. На центральном рынке он помогал своей маме, работал грузчиком. Рано утром привозил товар и ставил палатку, а в обед – сворачивался и увозил. Печально выглядела мать и на следующий год, когда сын похоронил все её мечты о высшем образовании. Он написал экзамены ещё хуже, чем год назад. И теперь его ждала армия: бессмысленная и беспощадная.

– Пошёл в армию, отслужил и вернулся. Работал охранником, потом вот устроился в милицию.

Нацик скривился. Было заметно, что он плохо относится к милиции. Между нами говоря, должность патрульного Нацик вообще считал дном государственной службы. Волошин не увидел реакцию Нацика, и это было хорошо. Потому что он на самом деле дорожил своей работой, и пускай маленькой, но властью. А власть, о, она приносила ему удовольствие. Таким людям в пору быть депутатами, но зачастую их удел – влачить пьяных граждан в милицию для составления протокола.

– Тоже не пью и не курю. Но заниматься спортом ещё не начинал.

– Ещё? – как-то с иронией спросил Женя.

– Ну, думал об этом, но как-то времени не хватает.

– Ты не подумай, но по интонации это звучало, как будто это какой-то ответственный и серьёзный шаг. Вот мне и показалось, что для тебя это сродни решению о том, жениться или нет.

– На самом деле – это решение именно такое. Его нужно обдумать хорошенько.

– Ну да, мало ли, здоровье улучшится и мышцы начнут расти. А вдруг ещё и девушки внимание начнут обращать, – заулыбался Нацик.

– Не смешно. Просто я такой человек, что должен видеть конкретную цель перед собой. А какая цель в том, чтобы заниматься спортом?

Нацик ещё шире улыбнулся. А Женю и Сашу этот вопрос явно поставил в тупик. Бывают такие вопросы, казалось бы, очевидные. Но копнёшь глубже, задумаешься, а ответ дать тяжело. И если Нацик наметил для себя чёткую цель в занятии спортом, то Волошину тяжело было определиться с этим. Такие люди никогда не прыгают с самой высокой вышки в бассейне. И не отправляются в пешие путешествия. Ведь в этом нет цели. А делать что-нибудь ради того, чтобы делать, – этого Волошин не понимал.

– А где служил? – спросил Михалыч. Он проснулся, а может и не засыпал вовсе.

– В Десне. Связь.

– Судя по твоей комплекции и росту, мог запросто служить в «десантуре», чего ж так?

– По здоровью не подошёл.

Да, Волошин действительно не подошёл по здоровью. Эта его история тоже печальна и драматична.

Когда он проходил медосмотр, ещё в школе у него не было проблем со здоровьем – абсолютная редкость, по крайней мере, в Александрии. Но, когда пришло время служить и его действительно хотели отдавать либо в аэромобильные войска, либо в спецназ, его забраковал психиатр. Этот мудрый и опытный дед уже с порога учуял в раздетом по пояс призывнике антисоциальный элемент. К тому же, в беседах и тестах, ему стало ясно, что парень в детстве перенёс какую-то психологическую травму и теперь она даёт о себе знать. В общем, не стал старик рисковать и похоронил одним росчерком все надежды Володи прыгнуть с парашюта в тельняшке и с автоматом. Злобу на докторов Волошин затаил именно после того случая.

– Ну, бывает, – согласился Нацик.

– А в охране, где работал? На заводе у нас не работал? А то лицо вроде бы знакомое у тебя, – спросил Михалыч.

– Нет, в Александрии в охране я мало работал, и то не на заводе. Я в основном по другим городам работал. Типа, в командировке. В Одессе, Херсоне, Запорожской области. Поля, склады, магазинчики, – в общем, разные объекты были. А здесь охранником бесполезно работать. Очень мало платят, а спрашивают за это много. Не обижайтесь, – Волошин взглянул на Михалыча. – Но у нас в охране работать можно лишь пенсионерам.

– А-а-а, ну ясно, – многозначительно произнёс язвенник, будто Волошин ему что-то объяснял.

– Евгений, а что нам расскажете вы? – обратился к наркологу Нацик.

Евгению было что рассказать. Он был даже более разговорчив, чем Нацик.

5

Нарколог всё так же сидел рядом с библиотечаршей. На лице его была нарисована усталость, волосы, которые всегда были аккуратно зачёсаны направо, теперь стояли торчком. На лице уже успела прорости мелкая щетина. От этого он был сейчас похож на бомжа интеллигентного вида (с кем только мысленно не сравнивали Женю сегодня?). Сжав левой рукой кисть Саши, он посмотрел на неё и начал:

– Меня зовут Евгений. Я – врач-нарколог. Фамилия моя – Озерной.

– Озорной? – переспросил Нацик.

– Козырной? – с улыбкой добавил Волошин.

– Нет, О-зер-ной. Озёрный, в украинском варианте.

Нацик удовлетворённо кивнул. Михалыч посмотрел на него как на шута.

– Работаю в наркодиспансере. Вот уже пятнадцать лет практикую. Сам я кировоградский, но после учёбы работаю здесь. Живу тут рядом, в пятиэтажке по проспекту.

Евгений смахнул пот со лба. Здесь, в помещении, было тепло, несмотря на то, что площадку отапливали худенькие батареи. «Интересно, – думал он, – а когда остановится котельная?». Женя уже успел расстегнуть свою куртку, когда они собрались за столом. Теперь было самое время её снимать. Возможно, близость Саши и её тепло здесь сыграли свою роль.

Нарколог встал и снял с себя курточку. У Нацика разыгралось воображение, будто нарколог сейчас оголит торс и покажет свои мышцы. Волошин тоже подумал о раздевании, только он ожидал увидеть синие купола и другие татуировки, хотя где-то на подсознательном уровне и понимал: откуда у нарколога могут быть «зоновские» татуировки? Михалыч вообще никак не отреагировал на раздевание, и только Саша догадалась, что ему просто стало жарко. Кто знает, может, между ними появилась какая-то ментальная связь?

– Женат? – спросил Михалыч.

– Нет, – ответил нарколог и потом добавил: – И не был.

– А что ж так? – Михалыч явно ему сочувствовал.

Женя воспринял этот вопрос болезненно. Возможно, сыграла роль интонация Михалыча, ведь он произнёс эту фразу с издёвкой. В ответ нарколог промолчал. Саша поняла, что ему неловко отвечать на этот вопрос, хоть сама тоже была не прочь узнать, почему не сложилось с супружеской жизнью у этого человека.

– Ну, как бы ему неловко, наверное, отвечать на этот вопрос, – вступилась за нарколога его подруга.

– Ладно, проехали, – тон у Нацика явно был равнодушным. – Значит, ты кировоградский? А чего в нашей дыре забыл?

– Направили сюда, здесь и остался. Тут всё очень просто. На счёт дыры, ты это зря. Я люблю этот городок. Хорошо здесь, спокойно.

– И жизнь идёт размеренно, – вставил Михалыч.

– И всё так предсказуемо, – добавил Волошин.

– Нет, я люблю свой город. Но, согласитесь, если пожить в каком-то большом и красивом городе, разница с нашим «селом» огромная, – начал оправдываться Нацик.

– Конечно, в Александрии есть свои плюсы, и есть свои минусы, но для меня это родной город и точка, – продолжил нарколог. И немного улыбнувшись, добавил:

– Тем более что я знаю всех интересных людей.

Волошин вскинул брови.

– Каких это, «интересных»?

– Ну, знаете, в каждом городе есть известные люди. Неважно, что про них думают, любят или ненавидят – они на виду и о них говорят. Так вот: у нас есть такие люди, которые лечились у меня. И бывало, не один раз.

– В смысле? Наркоманы или алкоголики?

– И те, и другие. Конечно, эта информация закрытая, их называть я не буду. Скажу, например, есть у нас в городе один известный бизнесмен, который ровно один раз в полгода уходит в жесточайший запой. Вместе со всеми ему лечиться нельзя, сами понимаете, поэтому он лечится приватно. И что самое интересное, он не собирается бороться со своей проблемой. Его это устраивает. Несмотря на то, что печень у него уже значительно увеличилась, а сосуды были в таком состоянии, что инфаркт уже стучался в дверь, простите за глупый каламбур.

– Дайте-ка угадаю, ты тоже не употребляешь спиртное? – внезапно спросил Нацик.

– Да, завязал, и, причём, давно, – ответил нарколог.

– Как интересно получается, – заметил Нацик. – Я не пью, Сергей Михалыч не пьёт, Саша и Евгений тоже. Волошин, а ты пьёшь?

– Нет.

Нацик не претендовал на звание «капитана очевидность», но сейчас у его новых друзей на лицах было написано «ты только понял это?». Он опустил голову и слегка покраснел. Михалыч улыбнулся, вытер нос и устроился в своём кресле удобнее. Нарколог продолжал:

– Работа, в общем, не скучная. Бывали разные курьёзные случаи. Может, потом ещё расскажу. Правда, теперь ни работы, ни пациентов...

– Ни будущего, – мрачно добавил Михалыч.

– А почему «потом»? Разве мы куда-то спешим? – поинтересовался Нацик.

– Да, в общем-то, не спешим. Ну, например, был такой случай с пациентом. В общем, картина довольно стандартная: белая горячка. Известный в предпринимательских кругах человек после запоя решил бросить пить – причём сразу и окончательно. Это одна из распространённых ошибок – сразу бросать. У него, конечно же, развился делирий, то есть «белочка» и его привезли к нам. Сначала в своей палате, в которой он, кстати, был один, он познакомился с маленьким мальчиком по имени Воша. Да, именно «Воша», не Вова и не Гоша... Мужик сидел и делился своими проблемами с мальчиком, курил, давал затянуться и Воше. Конечно же, это всё было в его воображении, никаких сигарет у него не было. Потом достал из-под одеяла «учебники» и начал показывать мальчику, что в школьном курсе по биологии ясно сказано: никакого вреда от сигарет нет и быть не может. Но это ещё цветочки.

У слушателей на лицах проступила едва заметная улыбка. Рассказ их забавлял.

– Потом этот «чудило» лёг спать и ночью проснулся. Вышел в коридор и давай

бегать за кем-то. Когда санитар его поймал и спросил, за кем он бежит, тот ответил: «Ты что, слепой? Котёнок тут бежит. Надо его накормить и под одеяло засунуть, а то ему холодно». К слову, человек этот кошек совсем не любит, и вот тут такая ситуация. Гонялся он ещё пару раз за ночь, а потом уснул. На следующий день он ничего этого не помнил. Думал, что мы его разыгрываем или того хуже – пытаемся сделать из него идиота. Жаль, тогда ещё не было мобильных телефонов с камерами, а то показали бы ему. Но, повторюсь, случай далеко не уникальный. Самое смешное в этом то, что «белочка» у него повторилась. Через год примерно. Но была уже не такая яркая и интересная. Так что у нас не соскучишься. Жаль, правда, диспансер собираются закрывать.

– Ха, сейчас это как раз и не важно, – заметил Нацик. – Я имею в виду: закроют или не закроют диспансер, от этого ничего не изменится. Да и кто ж его закроет-то? Есть ли кому закрывать?

– И то, правда, – сказал Женя.

Евгений снова вытер лоб. Ему всё ещё было жарко. На вопрос Волошина о том, что он может рассказать, кроме того, что он уже поведал о работе, нарколог ответил:

– Особо интересного рассказывать пока что нечего. Как говорится, не привлекался, не служил.

В глазах Волошина мелькнул какой-то странный огонёк. Нацик этого видеть не мог, а вот Женя увидел. Только потом, позже, он поймёт, что это был пренебрежительный или даже презрительный взгляд. Сейчас же это немного смутило нарколога, и он окончил свой монолог. Михалыч снова зевал, Саша положила свою голову на плечо Жени, Нацик рассматривал что-то на своём мобильном телефоне, а Волошин гладил свой АК, будто это был его любимый пёс. Ночь продолжалась.

6

Тишина, поглотившая выживших, заставила их подумать о сне и отдыхе. Словно учуяв мысли остальных, Михалыч (он и так уже всюду зевал) подвёл итог:

– Итак, все познакомились, всем очень приятно. Теперь нужно решить не менее важный вопрос. Кто дежурит первым?

В ответ он услышал молчание. Все хотели спать и никто, видимо, не хотел сидеть на вахте. Голову поднял Волошин:

– Я первым подежурю. Короче, я сижу час. Потом – следующий и так далее. Определитесь, кто будет после меня, и можете укладываться поудобнее. Не будем терять времени. Если хотите, потянем спички.

Михалыч хотел было что-то сказать, но его прервал Женя:

– Я буду следующим. Который час?

– Три пятнадцать утра, – равнодушно произнёс Нацик. – Я буду после Жени.

– Ну, вот и договорились. После Нацика буду я, а последней – Саша, – Михалыч улыбнулся.

Никто не сказал больше ни слова. Женя с Сашей отошли в дальний угол зала, где нарколог простелил свою куртку прямо на пол и уложил туда свою подругу. Сам лёг на твёрдый паркет рядом. Нацик прошёл в другой угол и уложился там, используя вместо подушки свой рюкзак. Михалыч собрал под столом пустые полиэтиленовые пакеты и скомкал их, соорудив, таким образом, себе нехитрую подушку. Так же уложился на пол, постелив свой камуфляжный бушлат. Мгновение спустя он уже мирно сопел. Волошин встал и накинул свой автомат на плечо. Он ему нравился, сейчас это был его единственный верный друг.

Саша уснула почти мгновенно, хотя ещё каких-то десять минут назад она и думать не могла о том, что уснёт. Последней её мыслью было: «А как себя чувствуют те, кому в лицо брызнули из баллончика?». Не дав себе ответить, Саша поставила свой мозг в режим «Сон».

Женя уснул позже. Когда он сомкнул глаза, в его воображении возникли трупы тех, кого он убил. Хладнокровно, заметим, убил. Сначала соседку – решительно и твёрдо, рука не дрогнула. В тот момент он больше всего боялся, что одного удара не хватит, чтобы убить её. Что тогда? Тогда, быть может, он потерял бы контроль над собой и ещё не известно, чем бы всё закончилось. Сцена первобытного ужасающего насилия запечатлелась в его мозгу, и Женя решил, что ещё долго будет бороться с бессонницей. Если выживет.

Михалыч не мог уснуть минут двадцать, хоть и настроил дыхание вместе с сердечным ритмом. Ругал себя за то, что поддался соблазну лёгкой дрёмы, и сон теперь ни в какую не хотел к нему идти. «Старею», – подумал Михалыч и тоже вспомнил о тех смертях, которые он принёс. Он убил людей, которые были гораздо моложе его. Но такова судьба. Либо ты, либо – тебя. Город на военном положении, нужно заботиться в первую очередь о себе. Так Михалыч думал перед тем, как забыться в недолгом сне.

Младший сержант Волошин шагал по залу взад-вперёд, даже не задумываясь, мешают ли его шаги кому-то спать, и пытаясь найти ответы на вопросы, которые давно его мучили. Ответы никак не приходили в голову, и это огорчало. Его неимоверно морил сон, и чтобы хоть как-то держаться на ногах, Волошин пытался сосредоточиться на плане дальнейших действий. Он проследовал в коридор, который вёл в другое крыло здания. Там было темно и прохладно. Зашёл в один из кабинетов и выглянул в окно. Всё та же чёрная ночь. Снег остался только на газоне возле фонтана. Холодный и немного пугающий свет падал на ступени справа от окна. Там, на улице не было ни одной живой души. Трупы так и остались лежать на бетонных плитах, в лужах крови. Ива оплакивала убитых и провожала их в

последний путь лёгким покачиванием своих длинных веточек. Почему они не убрали трупы возле входа в дом культуры? Волошин задал себе и этот вопрос, ответ на который, как ни странно пришёл быстро: потому что они спешили укрыться в здании и не привлекать внимания. С другой стороны, неубранные тела тоже привлекали внимание и скоро должны прийти те, кого привлекает свежая кровь, в поисках этой самой жизненной силы. То, что они придут, Волошин не сомневался. Вопрос заключался только в том, когда они придут? Нужно быть готовыми к внезапному нападению. Прежних обитателей этого здания выманили наружу и перегрызли. Значит, заражённые обладают неким интеллектом? Возможно. А что, если они сейчас планируют нападение или осаду здания? Смешно, конечно, а вдруг?

Волошин вышел из комнаты и углубился в коридор туда, где была забаррикадирована вторая лестница. Проверил, всё ли в порядке и снова подошёл к окну. Никого. Опять погрузился в мысли. Теперь его голову заняли отнюдь не планы на будущее, а воспоминания о прошлом. Каков итог этой безумной новогодней ночи? Ещё днём, вчера, он видел своих родителей живыми и здоровыми. Теперь же они были мертвы. И если бы кто-нибудь вчера сказал Волошину, что в эту новогоднюю ночь его отец убьёт его мать, а потом какой-то парень на глазах у Волошина прикончит его отца, младший сержант ППС не задумываясь, ударил бы этому человеку в челюсть. Но жизнь такова: сегодня у тебя есть хоть что-то, а завтра у тебя нет совсем ничего. И ничего тебя, пожалуй, не держит на этой земле. Судьба Волошина, и без того нелёгкая, отвесила ему очередную пощёчину, нет, – даже прямой удар. Это нокдаун. Ещё один такой удар в ближайшее время, и рефери остановит бой. Но Волошин решил для себя одно: он непременно должен разобраться в причине этой эпидемии и наказать виновных. Да, устроить самосуд. А дальнейшее его совсем не интересовало.

Час пробежал незаметно. И вот уже Волошин идёт будить Евгения. Тот спал, прижавшись к Саше. Волошин не страдал романтикой и не стал любоваться этой парочкой, он просто присел на корточки и попытался расшевелить нарколога. Тот открыл глаза и несколько секунд приходил в себя. Мозг его начал восстанавливать события накануне и к Жене вернулась память. Он молча поднялся. Саша зашевелилась, почувствовав, что источник тепла слева от неё куда-то делся, но не проснулась. Волошин указал на часы и показал пальцем единицу. Женя кивнул и начал протирать глаза, пытаясь окончательно проснуться. Патрульный пошёл в один из кабинетов, где ранее присмотрел неплохое местечко для сна, и прилёг.

Быстро задремал. И ему снились сны, которые были очень похожи на воспоминания.

...Ему 14, он учится в девятом классе. Возраст именно тот, когда мальчики серьёзно начинают интересоваться девочками, им хочется быть крутыми и хочется,

чтобы о них говорили. Во всяком случае, так бывает практически со всеми мальчиками. Но не с Волошиным. Тогда он был неудачником, как сейчас бы его назвали, «лузером». Если бы он был «ботаном», то было бы не так уж и плохо, и он сейчас с высшим образованием уже катался бы на Мерседесе. Но он не был «ботаном», даже «хорошистом» он не был. Вовочка был тугодумом, слабаком и отшельником. В классе его считали за придурка и всячески издевались над ним. А он тайно помышлял о жестокой мести.

Вот он стоит в своей родительской квартире зимой 2003 года. Вечер, пятница. А это означает, что через несколько часов начнётся дискотека. И ему не в чем пойти. Нет, одеться есть во что, а вот обуться – увы. Его затасканные зимние ботинки мама замочила, чтобы в понедельник Вова пошёл в школу в чистенькой обуви. И вот он стоял перед выбором: остаться дома или пойти в этих дурацких сапожках на липучке. Это было бы совсем не круто, если бы его таким увидели девчонки с параллельного класса. А уж разговоров потом будет!.. Будут смотреть на него, и перешёптываться, а потом смеяться. Но Волошин, хоть и был туговат, но был он также и изобретательным парнем.

И вот он уже в сапогах, на которые сверху натянул джинсы. С виду вроде бы не очень печально, но, присмотревшись, можно было заметить, что он маскирует джинсами. В этом виде, исполненный решимости и в предвкушении хорошего вечера, Володя вышел из дома по улице Дибровы и уверенно зашагал в сторону районного дома культуры, который находился по этой же улице, только за перекрёстком с проспектом Ленина. Но перед посещением самой дискотеки, Волошин должен был встретиться с одноклассниками и их друзьями. С некоторых пор он сдружился (если это можно было так назвать) с «крутыми» и для того, чтобы пребывать в их компании, «заряжался» перед дискотекой сорокаградусным напитком, который гордо именуется «палёнкой» и продаётся недалеко от дискотеки.

Схема была довольно проста: парни сбрасываются деньгами, покупают скромный набор «юного бухаря» и отправляются либо во дворик возле районного дома культуры, либо останавливаются на ближайшей колонке с водой. Набор в лучшем случае состоял из водки (количество бутылок варьировалось от одной до трёх, в зависимости от количества щей на неё сбрасывавшихся), газированного напитка и орешек или сухариков. Ну, и стаканы. В худшем случае это была только водка и стаканы. Поэтому приходилось запивать водой на колонке.

Сегодня был удачный вечер и Вован жмакал в своём кармане хрустящую новую пятёрку. Эту пятигривневую купюру ему дал бабушка. Ну, как дала? Не совсем дала. Он сам взял. Итого – гривна на дискотеку, а остальные – на сигареты и водку. Волошин улыбнулся. Вот и его компания, собираются возле братской могилы. О, и этот урод Калиниченко здесь! Вова увидел его сразу: тот расхаживал с мобильным

телефоном (очень круто, да) и кому-то что-то рассказывал. Это был сынок одного очень известного в городе бизнесмена. Парень «при фарше», с достатком. Рядом с ним скромно стояли одноклассники Волошина – Женя и Андрей. С ними разговаривал их совместный друг (постарше и круче), Чип. Итого, четверо. Вместе с Волошиным – пятеро. Значит, сегодня будет две бутылки водки.

– А вот и Волошин, – говорит Андрею Женя. – Ты как раз вовремя, мы собираемся уже идти за водярой. Ты как, будешь?

– Конечно, буду, – с улыбкой отвечает Вова. – А по сколько сбрасываемся?

Денежный вопрос всегда был больным местом Волошина. Он вырос в семье, которая с трудом пережила девяностые годы с их разрухой и беспределом. Сейчас, когда всё начинало стабилизироваться, семья более-менее сводила концы с концами, но это всё равно значительно отражалось на его карманных деньгах. Хватало только на булочку и компот в школьной столовой, а если сэкономит – на сигареты. Сегодня Волошин, как ему казалось, был перцем, ведь у него было целых 5 гривен!

– По «трёшке». Возьмём две бутылки, – это десять гривен, двухлитровый напиток – плюс две гривны – и сухари на остаток. А, ну и стаканчики, – объяснил Андрей.

– Без базара, – пытался говорить на их языке Володя. Это вызвало улыбку у его одноклассников. – У кого-нибудь будет разменять?

В это время Калиниченко закончил разговор и подошёл к Волошину. Выхватив пятёрку из протянутой его руки, он объяснил:

– Сдачу потом отдадим. Погнали!

Ребята пошли в ларёк. Там всегда продавали спиртное несовершеннолетним. А тем более – в пятницу вечером, когда была дискотека. Все пятеро (Волошин шёл сзади, а остальные – парами) подошли к киоску и Калиниченко обратился к продавцу:

– Дайте две бутылки «по пять», два литра «Фрутс» и 10 стаканчиков. А, и ещё сухариков со вкусом сыра.

Пока продавец доставал нужный товар, Калиниченко достал из кармана «пресс» денег и отлистал оттуда 15 гривен. Волошин это увидел и ещё больше возненавидел этого упыря из девятого «а» класса. Пока ребята распределяли товар, Калиниченко снова достал свой мобильный телефон и что-то клацал в нём. И ему стало понятно, что он не хотел ничего нести. «Почётная» обязанность нести водку досталась, конечно же, Волошину. Ему и Жене. Андрей нёс напиток, а Чип – сухарики и стаканчики. Вся компания направилась на территорию 11-й школы.

Далее – водка, напиток. Пару раз удалось взять сухарей. Волошин захмелел и ему это нравилось. Все оживлённо разговаривали, а он их внимательно слушал, вставляя иногда свои фразы, которые вызывали у всех только взрывы смеха. Когда

водка была допита, все направились к РДК. Там столпилось уже довольно много народу. Кто вышел покурить, кто – выпить пива, кто – просто поговорить. Собственно, дискотека уже началась, и когда открывалась дверь и оттуда вываливался очередной пьяный школьник, из здания доносились басы и ударники. Компания подошла ко входу, и все начали здороваться со знакомыми. Ну, как положено: пришли пятеро, и все вместе перездоровались за руку с десятью или пятнадцатью знакомыми.

Волошин всё это время думал об одном: Калиниченко не отдал ему сдачу. А это означает, что Вова не купит себе сигарет и ему не будет за что платить за вход. А тот и не думал отдавать Волошину денег. Он, в общем-то, и не замечал присутствия придурка с девятого «б» класса. Когда все покурили и начали заходить внутрь, Волошин дёрнул Калиниченко за рукав и спросил:

– Э, Игорь, ты мне сдачу так и не отдал. Как я зайду?

– Да не ссы, у меня нет сейчас двух гривен. Зайду – закажу песню, ди-джей мне сдачу даст, и я выйду, отдам тебе.

Звучало вроде бы складно. Волошин зашёл со всеми, но остался в коридоре, так как в зал он сейчас попасть не мог. В коридоре стояло ещё несколько человек, у которых тоже не было денег, и они «стреляли» мелочь у знакомых, которые сновали туда-сюда из зала на улицу и обратно.

Из зала доносилась музыка. Даже песни его любимые звучали! И, конечно же, ди-джей несколько раз объявил о музыкальных подарках, которые заказывал Калиниченко («от Игоря для Чипа и всех пацанов»). Музыка манила, в голове плыло и хотелось танцевать. Ну, как танцевать, – Волошин не умел этого делать, – просто стоять и топтаться на одном месте, пытаясь попасть в ритм. Ему казалось, что большинство делают именно так.

С грустным и пьяным лицом Волошин простоял полчаса. Мало того, что многие обратили внимание на его обувь, скрытую джинсами («смотри на этого чепушилу!»), так и ещё Калиниченко не собирался выходить! Он просто «кинул» Волошину на две гривны, оставив того в коридоре. Какой позор... Как обидно!

И голос матери: «Не ходи ты с этими бандюгами на дискотеку» ...

Волошин открыл глаза. Он лежал в ДК. Ему это приснилось! Вытер со лба пот и с облегчением вздохнул. Увидеть бы сейчас этого Калиниченко!

7

Вахта нарколога проходила спокойно. Первые несколько минут он отчаянно боролся со сном, тёр глаза, щипал себя и мечтал о чашке кофе. Этот тонизирующий напиток он таки нашёл в каком-то кабинете, в стеклянной банке. Рядом стоял электрический чайник, полный воды. Неплохо, подумал нарколог. Поискав чашку, он нашёл её в тумбочке. Дунул в неё, будто бы там могла быть паутина или ещё

что-нибудь. Убедился в том, что она чистая и насыпал в неё из банки кофе, двойную порцию. Включил чайник. Всё-таки хорошо, что электричество ещё есть. Но надолго ли? Подошёл к окну, выходящему на задний двор дома культуры, и посмотрел в ночь. В отличие от фасада здания, здесь было темно. Прямо крошечная тьма какая-то. И ни звука.

Через несколько минут чайник победно щёлкнул и Женя налил кипятка в чашку. Только сейчас он вспомнил о том, что ложечки у него нет. Взял на столе карандаш и принялся размешивать кофе. Дешёвый, он практически не источал аромата кофе, но сейчас сгодится и такой. Покинув кабинет, Женя вышел в коридор и направился в зал с чашкой в руках, из которой поднимался пар, растворяясь в воздухе. Там мирно спала Саша. Так хотелось её обнять и поцеловать! Мерно храпел Михалыч, лёжа на спине. Нацик в углу, положив голову на свой рюкзак, видел десятый сон. Кофе согревал и бодрил, Женя шагал по площадке, скрипя паркетом. Где-то, в восточной части города (или ему это показалось?) пролетел вертолёт. Шум его винтов доносился волнами, звуковые волны омывали ухо Евгения, словно морские валы накатывают на берег. Не такая уж и странная для Александрии картина, когда над городом летают эти старые советские машины, принадлежащие теперь министерству внутренних дел. Но в данной ситуации полёт такой машины мог означать только одно: там, на аэродроме, есть выжившие и они сейчас летают на вертолёте! Но звук так же быстро пропал, как и появился. Может, показалось, и никакого вертолёта нет? Почему-то на ум пришла детская песенка, где поётся: «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте». Сейчас бы такого волшебника, да в любом вертолёте. Только бы рассказал им, что здесь происходит, и увёз бы куда-нибудь подальше от этого ужаса. Он вернулся в тот кабинет, где так удачно набрёл на кофе.

Нарколог, как и Волошин, пытался обдумать, что им делать дальше. Первое, что пришло ему на ум – прорываться к гаражному кооперативу, взять машину и выехать из города. Этому препятствовали два обстоятельства: заведётся ли его машина, и если заведётся, то где взять бензин? Допустим, кое-как можно будет на ближайшей автозаправке набрать бензин в канистру, но мог ли он быть уверенным в том, что машина его не подведёт и они выберутся из города? Нет, в этом уверенности не было. Другая идея возникла спонтанно: а зачем куда-то идти, если можно будет вскрыть любую машину поблизости и завести её? Этот вариант казался более подходящим.

Поток мыслей, бывает, складываясь в цепочку причинно-наследственных связей, приводит к самым неожиданным выводам. А бывает так: думаешь об одном, потом по цепочке начинаешь приходить к каким-то воспоминаниям, которые совершенно не ассоциируются с первоначальными задумками. Нарколог начал думать об угоне автомобиля, далее вспомнил о том, как он, студент-медик, с друзьями по пьяни

пытались угнать машину. Тогда им повезло, машина принадлежала одному из родственников «угонщиков», а завести её так и не удалось. Неизвестно, что случилось бы с этой пьяной компанией, если бы тогда всё пошло по плану. Он начал вспоминать о том, сколько глупостей делал, когда был пьяным. Ссорился с девушками, сбегал с дома, забрасывал учёбу, чуть не вылетел с работы. Это привело его к воспоминаниям о самом процессе питья. Определённо, в самом процессе был позитив, будь то дружеская шумная компания или снятие стресса в одиночку. Тосковал ли Женя по тем временам, когда пил? Наверное, да. Хотел ли он вернуться в то время? Скорее да, чем нет. Напился бы он сейчас? Нет. Углубившись в раздумья о вреде и пользе пьянки, нарколог далеко ушёл от своей идеи угнать машину поблизости ДК.

Вдруг он вспомнил о своём коротком сне, который успел увидеть, пока дежурил Волошин. Раньше такого с Евгением не бывало, ведь обычно он забывал о своих снах в первые минуты после пробуждения. А сейчас он чётко вспомнил, *что* ему снилось. Возможно, в этом ему помогли мысли о спиртном, потому что снилось ему именно оно.

...Кабинет для приёма. Он сидит на своём стуле (покупал его специально для работы после того, как один из деятелей города щедро наградил Евгения за своевременную помощь), в письменном столе затаилась бутылочка «Бехеровки». Женя даже во сне понимает, что этот напиток просто так не пьётся. Чешский ликёр на травах горький и невкусный. Его надо либо запивать чем-то, либо мешать с чем-то. Выбор невелик, поэтому Женя поднимается и (что-то такое знакомое!) подходит к тумбочке с электрическим чайником. Там есть вода, и он включает прибор. Достает из тумбочки баночку кофе и ложку. Насыпает в чашку одну ложку кофе и одну ложку сахара. Дождивается, пока закипит чайник, и наливает кипятком в чашку, аккуратно размешивая кофе и сахар. Возвращается на своё место и ставит чашку на стол. Достает зелёную бутылку и открывает её. На глаз доливает в чашку крепкую настойку и отправляет бутылку назад в ящик стола. Перед тем, как выпить, он достаёт из кармана свой мобильный телефон. Это старый Siemens (их же вроде бы не выпускают?). Привычным нажатием он разблокирует клавиатуру и заходит в сообщения. В который раз (он чувствует, что это точно не первый) он читает сообщение от своей девушки. Она подписана в телефоне как «Саша». Текст лаконичен из-за ограничения по символам в одном сообщении: «Ты меня достал. Бухай дальше, забудь обо мне». Только теперь он делает глоток из чашки. «Бехеровка» немного охладила кофе, и напиток вливается в желудок уже не таким горячим, каким был бы чистый кофе.

Он закрывает сообщение и читает свои смс в разделе «Отправленные». Там их всего три. Все они адресованы Саше: две вчерашние и одна сегодняшняя. Первая смс короткая: «Ну ты где? Приезжай ко мне». Вторая уже содержательней: «Ты

что, с другим каким-то спишь? Ты сука! Быстро приехала! И научись брать трубку, когда тебе звонят». И наконец, третья, самая свежая: «Прости, это больше не повторится. Очень тяжёлый день вчера был». Он прекрасно понимает, что такие объяснения никуда не годятся. Тяжёлый день или не тяжёлый, а обзывать «сукой» свою девушку нельзя. Поэтому, он не удивляется, что её ответ не заставил себя долго ждать и расставил все точки над «i».

С женщинами так нельзя. Конечно, если хочешь, чтобы они у тебя были. Если ты не горячий мачо а-ля Бандерас, даже и думать не смей о том, чтобы грубить своей девушке. Жаль, но это он понял только тогда, когда ему было «за» тридцать. И тем более нельзя пользоваться доверием своей избранницы. Если пообещал что-то сделать – убейся об стену, но сделай. Иначе никаких отношений у тебя не будет – женщина может себе найти кучу таких авантюристов и без тебя.

Вот он уже пьёт настойку просто из чашки, бутылка наполовину пустая. Он закрылся в кабинете и отменил приём. Все прекрасно понимают, чем он там занимается и просто делают вид, что всё нормально. Он хочет побыть наедине с самим собой. Прекрасно понимает, что этой «Бехеровкой» дело не закончится, поэтому надо как-то незаметно покинуть отделение и ехать домой. Но сейчас ему на это наплевать. Тревожит только одно: его вновь бросила девушка. В который раз? Которая по счёту?

Он снова один, его снова бросили. А годы идут. Годы крадут у него надежду на счастливый брак. Каждый месяц, каждый день от надежды отваливается какая-то её часть и скоро она из большой и яркой станет хрупкой и прозрачной. Он представляет себе одиночество как червя, грызущего его плоть. И этот червь всё-таки когда-нибудь съест его, не оставив даже волоска. Может, это какое-то наказание? Судьба? Тогда за что ему такое наказание? Быть одному, прожить всю жизнь так. Так и не найти ту, которая разделит с ним радости и горе, которая будет ждать его и заботиться о нём...

Сон буквально врезался в память. Особенно яркими были переживания во сне. Такого Евгений никогда не испытывал. И лучше бы он не вспоминал этот сон! Потому что сейчас, именно в этот момент он был в одиночестве. Несмотря на то, что у него была девушка, несмотря на то, что она лежала в этом же здании. Внезапный приступ клаустрофобии бросил его прочь из кабинета. Он оказался в коридоре – длинном и узком. Потолок давил сверху, стены – по бокам. Пытаясь совладать с собой, Женя быстрым шагом направился на площадку. Увидел Сашу и ему стало спокойнее. Час вахты пролетел незаметно.

Нацик был единственным из них, кто спал очень чутко. Он слышал каждый шаг сначала Волошина, а потом – Евгения. Тем не менее, он спал. А когда нарколог

подошёл к нему и наклонился, чтобы разбудить, Нацик сам открыл глаза. Евгений отпрянул, так и не успев дотянуться до Нацика рукой. Парень встал и захрустел костями – два часа он лежал в одной и той же позе.

– Без проишествий? – спросил он, зевая.

– Да, всё тихо и спокойно. Сейчас пять двадцать, твоя очередь, – ответил нарколог.

Нацик вытянул из кармана мобильный телефон и посмотрел на время. Так и есть, пять двадцать утра. А сеть так и не появилась. И появится ли? Никакой уверенности в этом не было. Он повесил свой автомат на плечо и твёрдо решил не расставаться с ним, по крайней мере, до конца вахты. Ничего, что он тяжёлый. Зато надёжный защитник. Выключил телефон и засунул его в карман – надо беречь батарею на случай, если связь появится.

За окнами было всё так же темно и, казалось, эта новогодняя ночь никогда не закончится. Нацик уловил едва слышный аромат кофе из открытого кабинета. Наверное, нарколог баловался. Нацик не понимал людей, которые выпив кофе, могли со спокойной душой лечь спать и тут же уснуть. Он был из разряда тех, кого кофе действительно бодрит и напрочь отбивал желание спать. Даже такой дешёвый заменитель кофе, который стоял на столе в кабинете. Нацик мог выпить за сутки две или даже три чашки кофе. Но когда собирался спать, он старался не заваривать себе этот ароматный и такой полезный напиток. А вот если ему надо было работать ночью и стараться не уснуть перед монитором, его верный друг, кофе, всегда выручал. Нацик терпеть не мог всякие модные тонизирующие напитки, гордо называемые «энергетиками». Само это слово у него вызывало ассоциацию с какими-то электриками. Химия, всюду эта чёртова химия. А когда он прочитал несколько статей про эти энергетические напитки, его отвращение закрепилось ещё больше. Поэтому – кофе и только кофе.

Свою вахту Нацик решил посвятить изучению помещения, в котором они находились. Кабинеты, в основном все под замками и только два из них – открыты. В одном аки младенец спал Волошин, гроза наркоманов и алкашей. В другом час назад дежурил нарколог, холёный интеллигентшишка. В общем, ничего интересного. Впрочем, было что-то, что не давало покою Нацику. Он не сразу понял, в чём дело, откуда у него чувство опасности и тревоги. Просто в их убежище было темно.

Вспоминая, как они с Волошиным двигались по улице Семашко, а потом убежали из воинской части в кромешной тьме, его пробрала дрожь. Он вспомнил, как ему было страшно. Это ужасное ощущение, будто ты слепой и кроме густой, колючей черноты твои глаза ничего не видят. Наверное, слепым от рождения в этом плане проще, думал Нацик. Они хотя бы не видели всю красоту окружающего мира: этих красок, этого солнечного света. А вот когда становишься слепым в двадцать с лишним лет, – это действительно очень печально. Слепые не боятся темноты.

Потому что темнота – это их обычная среда. Нацик чувствовал, как его сердцебиение ускоряется, а дышать становится трудно. Он поспешил к площадке, где было немного светлее. Ночь, когда же она закончится?

Сидя в углу, где стоял его рюкзак, Нацик погрузился в свои воспоминания. Пытаясь сохранить душевное равновесие, он искал в глубинах своей памяти причины его страха перед темнотой. И он их нашёл.

...Ночь, только не такая холодная, как теперь. Это вроде бы лето. Да, это было летом. Ему пять лет, и он сейчас у бабушки в деревне. Почему он не спит, он не знает. Поворачивает голову и видит возле своей кровати стол, на который падает свет луны из окна. Прекрасная лунная ночь. Он ещё маленький, чтобы смотреть фильмы ужасов и бояться монстров под кроватью или в тёмных углах. И движет им любопытство. Он поднимается из кровати, в другой комнате слышен храп его бабушки. Глаза быстро привыкают к темноте, это только через двадцать лет у него будут проблемы со зрением, сейчас у него всё в порядке. Он становится у стола и выглядывает в окно. Полная луна улыбается ему в небе, освещая не только бабушкин двор, но и часть комнаты. Он стоит и смотрит во двор.

Там, во дворе, возле ореха лежит бревно. На нём его бабушка часто отдыхает в тени после работы по хозяйству. Сейчас там тоже кто-то сидит. Нацик пытается разглядеть, кто это, но человек сидит к нему спиной и в скудном свете луны кроме его силуэта не видно ничего. Ему становится интересно, кто это и почему чужой человек сидит у них во дворе? Дедушка уехал в город, приедет только завтра. Больше никого здесь быть не может. К тому же, Жулька уже облаяла бы незнакомца. Но во дворе тишина и слышно через приоткрытое окошко только потрескивание сверчков.

Малыш идёт в коридор, затем в прихожую. Там стоят его маленькие кеды на шнурках. Сам он их не умеет завязывать и ему всегда помогает бабушка. Но сейчас она спит. Он обувает кеды и ясно видит, как шнурки сами завязываются у него на ногах бантиками. Ему показалось это смешным, и он хихикает. Но уже через несколько секунд он забывает о шнурках, потому что его разбирает любопытство – а кто же там, во дворе? Он открывает входные двери. Они скрипят, и Нацик думает, что сейчас проснётся бабушка и даст ему ремня, чтобы не гулял вот так ночью. Но бабушка продолжает храпеть. Осторожно в приоткрытую дверь он просачивается наружу и его укрывает слабым вечерним ветерком. Но ему не холодно, пускай он даже в одних трусиках, майке и кедах. Он шагает на порог и спускается по трём ступенькам во двор. В тишине, которая стоит на улице, его детские шажки хорошо слышны. Он выглядывает за угол дома, где растёт орех и смотрит на бревно, где сидел человек.

Там никого нет. Где-то на этой же улице лает собака, потом её подхватывает другая, третья и вот уже целый оркестр исполняет собачью какофонию. Нацику

хочется плакать от обиды. Он так хотел увидеть того, кто сидел на бревне!

– Дядя, ты здесь? – спрашивает он у темноты?

Но темнота ему не отвечает. И вот тогда ему становится страшно. Действительно страшно. В этом страхе смешиваются опасения того, что бабушка узнает и отругает его; страх того, что этот дяденька, который сидел на бревне – «бабай»; боязнь того, что сейчас он подойдёт к двери, а она будет закрыта. И в реакцию вступает катализатор – начинает громко лаять Жулька. Вне себя от страха и с полными лёгкими готового вырваться наружу крика, Нацик бежит обратно. Он падает на порог, сдирает коленку, ручьём текут слёзы, но вместо крика у него получаются только громкие всхлипы. Подбегает к двери и с силой толкает её. Он распахивается, ударяясь в прихожей о газовый баллон, слышится звон. Бабушка выбегает в прихожую с расширенными от удивления глазами и включает свет. Нацик, скинув с ног кеды, бросается в её объятия. Он напуган, и он плачет. Бабушка пытается с ним говорить, но ничего сказать он не может, содрогаясь в рыданиях.

Теперь-то Нацик понимал, что именно тогда, именно после того случая он стал бояться темноты. И вроде бы всё просто объясняется, и, с другой стороны, мистика какая-то. По телу пробежал холодок. Ему стало не по себе. А дежурить оставалось ещё целых полчаса. Потом он попытается уснуть. Но уснёт ли? Не приснится ли ему тот малыш, искавший «дядю» в темноте? Лихорадочно вспоминая упражнения для глаз, он закрывает веки и начинает водить глазами яблоками по часовой стрелке, против часовой стрелки, вверх-вниз, вниз-вверх, вправо-влево и обратно. Дурак, чем тебе уже помогут эти упражнения? Ничем. Хотя бы время скоротать.

9

Михалыч проснулся не сразу. Сначала он открыл один глаз и принялся изучать им лицо Нацика. Потом открылся второй глаз, причём открылся он так, как будто веки были чем-то слеplены. Ещё несколько секунд Михалыч вспоминал, где он и что происходит. Нацик благоразумно держал паузу. Затем шёпотом произнёс:

– Вставайте, Михалыч, Ваша очередь.

Язвенник тяжело вздохнул и приподнялся со своей импровизированной кровати. Нацик развернулся и пошёл на своё место. Часы показывали шесть часов и пятнадцать минут утра. За окнами было всё ещё темно, когда Михалыч, зевая, выглянул на улицу. Дыхание с хрипом вырывалось у него из груди, сердце учащённо билось. Ему хотелось прокашляться, но он пожалел своих новых друзей и предпочёл не будить их своим кашлем, хотя, в горле словно кошки скребли. Так было часто, что утром он просыпался с одышкой, хрипел, кашлял и чувствовал аритмию. Возраст давал о себе знать, и его сердце, лёгкие и желудок были уже далеко не те, что в молодости.

Михалыч покинул площадку и пошёл по коридору к лестнице. Там он покашлял, высморкался и облегчённо вздохнул. Вид из окна был удручающим: скудный свет фонарей освещения лужами растёкся перед зданием дома культуры. Возле ступенек лежали тела погибших. Они завершили свой путь, будучи ещё молодыми. Михалыч же остался жив. И, как часто это бывает с пожилыми людьми, он корил себя за то, что он, старый и никому не нужный, выжил. А они, молодые и полные жизни, погибли чудовищной мучительной смертью у входа в дом культуры. Что-то было в этом пугающе красиво – умереть на пороге храма культуры. Тогда Михалыч ещё подумал: а может, это даже неплохо умереть в такой романтической обстановке. Но потом сразу себя одёрнул – какая уж романтика в такой страшной и мучительной смерти?

Старость. Вот, чего боялся Сергей Михайлович Стеценко. Возможно, он боялся себе в этом признаться, но он действительно боялся старости. Этой последней ступени, заключительного этапа в жизни каждого человека. Старость – это когда ты уже всё сделал и ничего не исправишь. Это венец всех твоих трудов и итог всей твоей работы над собой. Как ты себя построил, таким и закончишь свою путь. Для одних – это время переоценки ценностей, для других – цементирование своих жизненных позиций. Но в любом случае, старость – это вывод, написанный под прожитой жизнью.

Михалыч сжал губы. Невесёлые мысли всегда у него вызывали только одно желание. А особенно часто такое желание возникало после смерти жены. Этим желанием было напиться, поспать и снова напиться. Но в сложившейся ситуации, напиться означало умереть, Михалыч это чувствовал. А если быть точнее – стать живым мертвецом.

– Да уж, выбор невелик, – пробубнил Михалыч. – Или тебя съедят или заразят какой-то дрянью. И ты сам будешь есть живых людей.

От мысли, что он станет заражённым, Михалыча чуть не вывернуло. И мысли его вернулись к рассуждению о старости. Как жаль, что с ним нет его любимого блокнота, куда он записывал свои и чужие мысли, которые казались ему блестящими. Сейчас он дополнил бы его несколькими строками о старости. Например, он написал бы: «Старость – это финальный аккорд». Или так: «Старость – это последний акт в пьесе жизни». Вроде бы неплохо звучит. Жаль, некому озвучить.

Он зашёл в открытый кабинет, где Женя готовил себе кофе, включил свет и стал рыться в столе, а потом – в шкафу. Всё, что ему нужно было – что-то наподобие тетрадки, куда он смог бы записывать свои мысли. Он нашёл блокнот с символикой одной из партий, оставшийся нетронутым ещё с выборов. Что ж, какая теперь разница? Партии, политика – это всё так далеко в нынешней ситуации. Затем он нашёл себе авторучку. Стоит упомянуть, что Михалыч был довольно щепетильным

человеком и не мог позволить себе писать на плохой бумаге плохой ручкой. Он очень тщательно выбирал себе тетради и ручки. Ни в коем случае ручка не должна была «мазать», иначе она рисковала быть поломанной на тысячи кусочков в приступе ярости. Долго провозившись с ручками, коих в кабинете было не менее десятка, Михалыч подобрал себе стоящий инструмент. Не спеша он вывел в блокноте несколько строчек, перечитал их и теперь думал, куда его засунуть. Блокнот чудесно помещался во внутреннем кармане его куртки, а ручку он закрепил на пружине этого блокнота. Выключил свет и подошёл к окну. Надеялся, что ночной пейзаж навеет ему какие-то интересные и глубокие мысли. Но тщетно.

Когда он собирался уйти от окна, ему в глаза бросился автомобиль, припаркованный возле фонтана. Он стоял в тени, и только если долго всматриваться в крайнюю точку слева, можно было его увидеть. Ещё один страх. Ему вспомнилась сегодняшняя авария, которая произошла у него перед носом, и которая чуть не довела его до инфаркта. И вот он стоял и смотрел на серую «девятку»⁹ как на нечто невероятно пугающее. И даже если бы эта машина была последним шансом для Михалыча спастись от новогоднего безумия, он бы в неё ни за что не сел бы. Пускай он даже понимал, что по городу на машине могут ездить только выжившие, и риск столкнуться с другим автомобилем был нулевой, всё равно он не сел бы внутрь. А если углубиться в рассуждения, то в машину должны были сесть все пятеро выживших. А это значит, что сзади ему пришлось бы сидеть в тесноте с двумя товарищами. Возле водителя он точно бы не сел! На заднем сиденье он представлял себя зажатым между Нациком и Волошиным. Не очень приятная компания. Михалыч оторвал взгляд от машины и повернулся, чтобы идти назад, когда увидел перед собой Нацика с битой в руках.

10

Саша спала плохо. Ей было неудобно, и понятно из-за чего. Спать на твёрдом полу – занятие не из приятных, хоть и полезных. Она услышала, когда вставал Женя, чтобы отдежурить свой час и когда осталась одна, долго не могла уснуть. Прошло всего три часа, после того, как её разбудил Женя, и ей снова пришлось просыпаться. Её разбудил Михалыч. Он стоял над ней с приветливой и немного кокетливой улыбкой.

– Доброе утро, Александра. Извини, что бужу, но сейчас твоя очередь.

Он говорил шёпотом, но всё равно разбудил Женю, который лежал рядом со своей девушкой. Тот вытер свой левый глаз, будто он слезоточил, и поднялся вместе с Сашей. На её возражения он лишь улыбался и говорил: «Подежурим вместе, я ведь уже выспался». Он был твёрдо намерен провести время с Сашей

⁹ «Девятка» - ВАЗ-2109

наедине подальше от глаз своих новых товарищей. Но ему кивнул Михалыч, приглашая отойти в сторонку, и что-то рассказал наркологу. По лицу Евгения было видно, что новости не очень хорошие, поэтому Саша первым делом поинтересовалась, о чём шла речь.

– Да так... Не беспокойся. Просто надо будет кое-что проверить.

Михалыч поведал Жене интересную историю и попросил уделить особое внимание одному из компании выживших. Женя выглядел обеспокоенным после разговора с Михалычем. Лицо его стало серым и каким-то опущенным. Он понял, что не зря решил составить компанию Александре. Помог ей привести в порядок одежду, улыбнулся и поцеловал ей руку.

Язвенник сидел в кресле и смотрел в сторону коридора, будто ожидая, что оттуда кто-нибудь выйдет. Его ружьё покоилось у него на коленях. Женя думал о чём-то и тёр свою бороду, на которой уже проступила щетина. Саша всё не могла понять, что же происходит. Когда она подошла к коридору, она увидела Нацика, стоящего у приоткрытой двери. Он смотрел в щель между дверью и косяком, в руках держал битую. Когда Саша приблизилась к нему, он повернул голову и дотронулся указательным пальцем до своих губ, давая понять, что шуметь не следует. Саша стала у него за спиной и посмотрела туда, куда был направлен взгляд Нацика.

В кабинете на столе лицом к окну сидел Волошин. По правую руку лежал автомат, а слева стояла бутылка водки. Открытая и надпитая. Теперь Саша всё поняла. Она глянула на Михалыча, и тот жестом поманил её к себе. Возле него уже стоял Женя.

– Это заметил Нацик. Он уже больше часа так сидит, – рассказал Михалыч.

– Он пил водку? – спросила Саша.

– В том-то и дело, что мы не знаем. Нацик увидел это в конце своей вахты. Потом показал мне. Чуть не напугал меня, придурок. Я оборачиваюсь, а он стоит с битой. Ну, мы тихо прошли к кабинету, и он показал мне эту картину. Не знаю, как вы, а мы с Нациком давно подозревали, что эта вся канитель как-то завязана на употреблении алкоголя. Поэтому, лучше перестраховаться.

Нацик продолжал наблюдать. Женя подошёл к нему и жестом указал на площадку. Мол, иди, отдохни, я постою.

– И что теперь делать? – спросила Саша.

– Не знаю. Пока мы можем только ждать.

Михалыч поднялся с кресла и, аккуратно ступая по скрипящему паркету, направился навстречу Нацику. Тот опустил битую и остановился напротив язвенника.

– Хрен его знает, так и не шелохнулся, – шёпотом произнёс он.

Нарколог вернулся и стал возле Нацика.

– Я предлагаю поговорить с ним. Если он заразился, то говорить не будет и сразу

бросится на нас. Мы угостим его свинцом, если что.

Последние слова он произнёс как завзятый стрелок. Ему не хватало только спички в углу рта для лучшей убедительности.

Саша и Михалыч стояли лицом к коридору, и только они смогли увидеть, как дверь кабинета тихонько открывается. По тому, как изменились их лица, бэттер¹⁰ и нарколог сразу всё поняли. Мгновенно обернулись, и Нацик замахнулся битой. Из двери не спеша с автоматом на плече вышел Волошин. Трудно сказать, в каком он был состоянии, но бросаться на них он не стал.

– Стоять! – крикнул Михалыч и нацелил своё ружьё на Волошина.

Тот остановился. На лице у него читалось недоумение. Нарколог отошёл в сторону, чтобы открыть Михалычу сектор обстрела. Саша спряталась за спиной у язвенника, Нацик бросил взгляд на свой «калаш», который он оставил в углу. Представитель закона Владимир Волошин медленно поднял левую руку.

– Вы что?! Не стреляйте! – сказал он.

Нацик опустил битую и направился в угол к своему автомату. Теперь на Волошина был направлен ещё и АК. Нарколог облегчённо вздохнул: не всё так плохо. Саша всё ещё опасалась Волошина и держалась за плечо Михалыча. Волошин не спеша двинулся вперёд. Он обеспокоенно произнёс:

– Я в норме.

– Ты пил водку? – спросил Михалыч.

– Да, но...

– Тогда не приближайся! Поставь свой автомат возле кресла! – скомандовал язвенник.

– Никуда я его ставить не буду! Расслабьтесь. Если бы я заразился, то уже съел бы вас всех.

– Может, ты ещё не начал превращаться. Стой, где стоишь. Положи автомат и иди назад в кабинет.

Волошин выглядел растерянным. Нацик прицелился, это заставило Волошина повиноваться. Он медленно снял автомат с плеча и положил его на кресло. Руки поднял вверх и развернулся.

– И что? Теперь вы меня застрелите? В спину? – с вызовом бросил Волошин.

– Пока не превратишься, будешь жив.

– Я больше часа назад начал пить и до сих пор не отключился. Значит, дело не в алкоголе. Хотя, если честно, то я думал, что именно от этого все и сошли с ума.

– Это мы ещё посмотрим. Иди в кабинет.

Волошин направился к двери и повернул в комнату. Нацик аккуратно, не спеша последовал за ним. Следом за бэттером двинулись язвенник и нарколог. Волошин

¹⁰ Бэттер – (англ. «batter») в бейсболе, игрок нападающей команды, который должен отбить подаваемый мяч

прошёл к столу и взял в руки бутылку с водкой. С ней он подошёл к окну. Там, на подоконнике стоял графин с водой. Волошин присосался к бутылке и сделал несколько громких глотков. По спине у Нацика пробежали мурашки, когда он представил, как водка вливается в пищевод. Потом ППС-ник запил водой и повернулся к двери, где стояли Нацик и Женя. Узник вытер подбородок и громко выдохнул, давая понять всем, что водка ушла по назначению.

– И как? – спросил Женя.

– Хорошо. Хочешь, могу и тебе дать.

– Зачем? Я имею в виду, зачем ты это сделал?

Волошин наклонил голову набок, слегка, не до хруста.

– Знаешь, Женя, не каждый день ты теряешь своих родителей. При чём, одного из них убивают у тебя на глазах.

– И что? Ты решил, что выпить водки – это выход? – и это говорил тот, который всего пару лет назад мог кому угодно аргументированно объяснить, что алкоголь – лучший антидепрессант.

– «И что»? Слышишь, ты, – Волошин сделал шаг вперёд. Алкоголь явно сделал его храбрее. – Я тебе сейчас покажу «и что».

Нацик держал Волошина на прицеле.

– Может, тебе нравится, когда по твоей вине гибнут люди, – продолжал Волошин. – Может, тебе нравится даже убивать своими руками. Но мне вот – нет! Я просто хотел покончить со всем этим.

– И решил напиться? Чудило, у тебя мозги на месте? Ты хоть понимаешь, какой опасности ты нас подвергаешь? – вспылил Нацик.

– Да срать я хотел на вас! Я не буду спрашивать у вас, что мне делать. Плохо, что у меня ничего не получилось. Наверное, дело не в алкоголе.

– Это ещё неизвестно. Вот, ляжешь спать сейчас, а проснёшься уже заражённым.

Волошин, стоя спиной к окну, нащупал руками подоконник, упёрся в него, подпрыгнул и приземлился туда мягкой частью. Несмотря на выпитую водку, рассуждал он довольно здраво:

– Плевать. Пусть так. А что *ты* предлагаешь? Сидеть здесь и ждать, пока всё это закончится? А если это не закончится никогда? Ты об этом подумал? Какие у нас планы?

– Мы постараемся выехать из города, – начал Женя.

– На чём? – спросил Волошин.

– Не вопрос. Я любую «тачку» заведу, – ответил Нацик.

Волошин замолчал. Он не знал, что говорить дальше. Четверо столпились у двери и пытались предугадать дальнейшие действия Волошина. Он слез с подоконника, отвернулся и начал всматриваться в окно. Казалось, он забыл о существовании остальных выживших.

– На самом деле, всё очень просто, – обратился ко всем Женя. – Мы оставляем этого самоубийцу здесь и выходим на улицу. Садимся в машину и катимся в сторону Днепропетровска. Там этот кошмар и закончится.

– Минуточку, – возразил язвенник. – Я никуда не собираюсь ехать.

– А откуда ты знаешь, что там, за городом, всё по-другому? – спросил у Жени Нацик.

– И помнишь, что сказал тот парень, который умер на ступеньках? Он сказал, что из города невозможно выбраться, – добавила Саша.

– Там будет видно, – многозначительно произнёс нарколог. – В любом случае, здесь оставаться бессмысленно. Еды нам хватит ещё на день, а потом всё равно надо будет выходить.

Волошин приложился лбом к холодному стеклу. Его мало волновали разговоры у него за спиной. Для себя он всё решил. Правда, планам его суждено было поменяться. Он прикусил губу и выдохнул. Стекло напротив его губ вспотело. Даже если он не превратится в полуживого, он не останется с ними. С этим чёртовым врачом, его любовницей, старым пердуном и этим зарвавшимся фашистом. Младший сержант Волошин отправится в свой последний бой и, истратив все патроны, пустит пулю себе в лоб возле тела своей матери. Вот, что оставалось ему. Бежать из города? Нет, это не выход. К тому же, если за городом ситуация другая, то сейчас бы по проспекту Ленина уже шла колонна бронетехники, сопровождаемая солдатами в химзащите. Но никого на улицах нет. А значит, и бежать некуда.

Михалыч тоже догадывался, что за пределами Александрии их ждёт то же самое, что и здесь. Станным казалось только то, что каким-то таинственным образом пропала связь, а электричество – нет. Он как раз хотел сказать об этом своим товарищам, когда заговорил Женя.

– Тогда мы сделаем так...

Глава 4. НЕКОТОРЫМ ПЛАНАМ НЕ СУЖДЕНО СБЫВАТЬСЯ.

1

Ночь готовилась покинуть Александрию. Где-то в частном секторе уже проснулись петухи и будили всю округу. Жаль только, что хозяева не смогли услышать петухов. Не слышали их и выжившие, которые собрались в здании дома культуры «Светлопольский». Когда последние островки снега исчезали за окном, в последнем оплоте выживших, в одной из комнат собрались пятеро. Один стоял возле подоконника, другие сгучились напротив него возле двери.

Он кивнул головой на выход, приглашая всех пройти с ним на площадку. Михалыч и Саша последовали за ним, Нацик с автоматом попятился и закрыл дверь

в кабинет с Волошиным, оставив его одного. Компания разместилась у стола, и нарколог попросил Нацика поглядывать на дверь.

– Поскольку здесь оставаться ни к чему, предлагаю сделать так. С рассветом двое остаются дежурить здесь, присматривают за Володей, а двое идут в разведку. Я не знаю, что имел в виду тот погибший парень, но из города всё-таки нужно уходить или уезжать. Поэтому, двое идут к первой попавшейся машине, вскрывают её и заводят. Далее – они едут в сторону Днепропетровска на трассу и пытаются выехать из города. Одна рация остаётся здесь, другая даётся команде №1. По рации мы сообщаем друг другу о результатах.

– И кто же пойдёт в разведку? – спросил Михалыч, явно что-то предчувствия. От волнения у него стали дрожать губы

– Думаю, пары нужно разбить так: я и Саша, ты и Нацик. Если Нацик умеет вскрывать автомобили и заводить их, всё должно получиться. Я тоже смог бы это делать. Михалыч, ты как?

– Не могу я обращаться с машинами. Но вдвоём ехать лучше, чем вчетвером или того хуже – впятером. А что будет с Волошиным?

В какой-то мере Михалыч бравировал перед Сашей. Ему нелегко было признаться в том, что он ни за что не сядет в машину. Тем более, с этим молодым фашистом. Но язвенник понимал и другое – ему всё равно придётся ехать. Либо оставаться вдвоём с Волошиным.

– Мы будем присматривать за ним. Когда он станет неуправляемым, я с ним покончу.

Глаза у Саши вспыхнули. Она и представить себе не могла, чтобы Женя стрелял в того, с кем они разговаривали совсем недавно. Она мотнула головой.

– Нет. Никого мы не будем убивать. И я требую, чтобы Вову не держали в той комнате. Пускай выйдет и будет советоваться с нами.

– Но ведь он сам не хочет с нами оставаться! – возразил Женя.

– У него стресс. И к тому же, надо остановить его. А то он напьётся. Идёмте, прошу вас. Заберём его и выслушаем.

Нацик обречённо мотал головой. Михалыч с сомнением смотрел на Женю, а нарколог пожал плечами. В конце концов, за Волошиным нужно наблюдать. Они молча поднялись и пошли к дверям. Волошин сидел на столе и в руках держал ПМ.

– О-о-о, вспомнили обо мне.

– Владимир, брось, пожалуйста, пистолет. Мы не хотим тебе зла. Идём с нами в зал.

Саша стояла впереди всех и приглашала Волошина идти с ней. Казалось, тот был совершенно обескуражен таким предложением, и, поколебавшись секунду, он положил пистолет на стол и направился к ней. Уже когда он приблизился, она уловила отчётливый запах алкоголя, который исходил изо рта Волошина. В голове

мелькнуло воспоминание о пьяных мерзавцах, которые домогались её. Может, он даже был тогда среди них. Безумие! Он возвышался над ней как скала, а с виду был счастливым ребёнком, которого папа с мамой пообещали сводить в цирк.

Они все расселись в зале. Волошин оказался один на всём ряду.

– Итак, давайте подведём итоги. Кто что знает об этих «людях», – предложил Михалыч.

– Я знаю только то, что эти придурки – уже не люди, – попробовал объяснить Волошин.

– Само собой, – поддержал его Нацик.

– Не знаю, что с ними произошло, но получается так: они были пьяными и уснули, – продолжил ППС-ник.

– Да вырубались они, а не уснули, – поправил его Нацик. – Тупо вырубались прямо там, где были.

– Именно. Вырубались. Будто в них что-то щёлкнуло и они все хором отключились, – сказал Волошин. – Хотя... Нет, не обязательно хором. Они в разное время падали. Я это видел, – утверждал милиционер.

– Хорошо, отключились. Потом, когда прошло некоторое время, они стали просыпаться и набрасываться на людей. Так? – продолжал Женя.

– Да, будто они голодные звери!

Михалыч чесал затылок своей лысеющей головы.

– Думать и говорить они не могут, ими как бы движут инстинкты. А точнее – чувство голода. Или поесть или передать эту заразу другим, – предположила Саша. – Это как бы болезнь или помешательство какое-то.

– Они набрасываются на людей, которые не заражённые...

– Нет, они предпочитают незаражённых, но набрасываются и на «своих», – заметил Волошин.

– Правильно. Я в этом отлично убедился, – кивнул головой Нацик.

– Когда они нападают, они стараются не укусить, а именно загрызть. То есть, они могут и не предполагать, что они больны. В первую очередь, они насыщаются, а потом просто передают болезнь. Я так думаю, – сказал нарколог.

Все закивали.

– Если они вообще что-нибудь могут предполагать. Они только мычат и рычат, – поправил Женю Михалыч.

– Хватают жертву за мягкие части тела, которые легче всего откусить и съесть. В принципе, это логично. У людей зубы не очень-то приспособлены рвать мясо и кожу. Далее, если жертва не умирает, она заражается, я так понимаю.

– Сто процентов. Но в основном, люди умирают.

– Значит, эта штука заразная. Думаю, все это быстро поняли.

– Конечно.

Михалыч от безделья натирал ствол своего ружья рукавицей. Можно было подумать, что его не очень интересует этот разговор, хотя он его затеял. На самом деле это было далеко не так. Очень важно было собрать по крупицам всю информацию, которой они располагали. Но, по-видимому, ничего нового он не узнает.

– А что происходит с этими... зверьми, когда они насытятся? – резонно спросила Саша.

Все молчали. Никто не знал, что происходит потом. Может, они умирают, может снова засыпают. Михалыч, не поднимая глаз, предположил вслух:

– Я думаю, когда они наедаются, они ложатся спать.

Нацик хихикнул. Он подумал, что это так естественно для стариков – поест и поспать. Потом снова перекусить и вновь подремать.

– А может, они сбиваются в стаи, – задумчиво произнёс Волошин.

Теперь улыбнулся нарколог. Просто из уст Волошина это прозвучало довольно смешно. Он напоминал в то мгновение солдата из фильма «ДМБ». Хотя мысль была очень даже правильная.

– Да. Думаю, все из нас видели, когда они нападали вдвоём или втроём. В любом случае, они опасны, как и поодиночке, так и в стае.

– Я бы сказал, что в стае они гораздо опасней, – уточнил Михалыч.

– Да уж, немного нам известно... – отрешённо бросил Нацик.

Все погрузились в молчание, где каждый думал о своём, и в то же время они думали об одном: как выжить? На пределе истощения нервов, они выглядели уныло. На некоторое время все забыли, что Волошин – потенциальный зомби. Да и на вид – с ним ничего не происходило. Но Нацик держал автомат наготове, а Михалыч то и дело посматривал в сторону милиционера.

2

Разговор пошёл на самотёк. Общались обо всём и в то же время ни о чём конкретно. Коснулись таких отдалённых тем, как: политика, погода, обсуждение мэра города и ситуации в Александрии. Душевному и монотонному разговору недоставало искорки, дебатов. И, как это часто случается, спор возник почти на пустом месте, когда речь зашла о праздниках.

– Кто служил в армии, отмечают 23 февраля. А кто не служил – 8 марта, – попытался сумничать Волошин.

– Ой-ой-ой, – искренне улыбнулся Нацик. – У меня к тебе... – Нацик показал младшему сержанту пальцы в виде латинской буквы «V». – Два вопроса. Первый: а почему ты отмечаешь 23 февраля, День советской армии? И второй: ты смеёшься в цирке?

– Я отмечаю 23 февраля, как и все нормальные мужики. В России это официальный праздник... – открыл, было, рот Волошин.

– Ты в России служил? – спросил его Нацик.

– Нет. Здесь.

– Так, а чё ты отмечаешь российские праздники? У нас ведь это даже не выходной!

– Не знаю. Как все, так и я.

– Вообще-то в Украине этот день называется «День защитника Отечества» и его отмечают, – уточнил нарколог.

– Ты проигнорировал второй вопрос. На счёт цирка, – не обращая внимания на Женю возбуждённо спросил Нацик.

– А причём тут цирк?

– Ну как, причём? Говорят, те, кто служил в армии, в цирке не смеются.

– Не знаю, не бывал я в цирке после армии.

– Ладно, забыли. Ну вот, отслужил ты, и что теперь? Медаль дали? Или, может, ты теперь можешь грудью пули отбивать?

– Нет. Но зато я отдал свой долг Родине.

– А я не отдал. Потому что государству я не должен! – Нацик был невозмутим. – Научился кирпич класть? Траву красить?

– Так, короче! Ты не вешай лапшу! – Волошин начал вскипать. – Никто там генеральские дачи не строит и газоны не красит.

– А монтировкой плац заметал? – продолжал Нацик. В ответ – молчание. Волошин пытался совладать с собой. – Видишь, чем ты хвастаешься? Сколько раз ты за всю службу был на стрельбищах?

– Мы регулярно были на стрельбищах.

– Ну, насколько регулярно и сколько вам давали патронов?

– Раз в месяц стрельбища. Иногда нужно было выстрелять целый рожок.

– И-ног-да! Вот ключевое слово. Ты же толком и не пострелял в армии!

Волошин погрузился в молчание. То ли усиленно работал его солдатский мозг, то ли он решил окончить разговор. Он явно был не рад тому, что «заварил» эту тему. Решил сострить и фактически оказался «в дураках». Какой-то не служивший сопляк утёр нос младшему сержанту, – такого он никак не предвидел. Волошин присел в кресло, сложив пальцы обеих рук в замок и положив руки на колени. Нацик же так и стоял с немым вопросом на лице. В армии он получил бы презент за такие разговоры с младшим сержантом. Но здесь была «гражданка» и он был взвинчен. Пьяная кровь требовала мщения, но Волошин понимал, что перестрелять друг друга – это последнее, что можно будет сделать в сложившейся ситуации. Обстановка была накалена и в разговор пришлось вмешаться Михалычу:

– Служил, не служил... Какое это теперь имеет значение? К тому же, Нацик красноречиво подтвердил, что с оружием он обращаться может. Так ведь, Володя? – Язвенник намекнул на то, что Нацик неплохо справлялся с автоматом, судя по рассказу самого Волошина. – А восьмое марта отмечают и мужики. Я бы даже сказал, в основном его мужики и отмечают.

– Чего это? – спросила Саша.

– Потому что, сколько я живу на этом свете, каждое восьмое марта видел пьяных мужиков. Получается, они бухают, потому что праздник.

– Интересная логика, – вступил в разговор нарколог. Он сидел в дальнем углу зала и вертел в руках ПМ, который оставил на столе Волошин.

Михалыч замолчал. Понял, что сморозил глупость. Виновато опустил глаза, а потом и вовсе отвернулся от всех и подошёл к окну. Там, на улице, дребезжал рассвет. И хотя окна выходили на запад, видно было, как ночь отступает, оголяя железобетонные остовы многоэтажек и уступая место ясному дню. Спор был закончен, все темы для разговоров – тоже. Теперь им предстояло действовать.

3

Утро принесло новые надежды и позитивный настрой. Как и было обусловлено, в разведку пошли Михалыч и Нацик. На подготовку ушло несколько минут – ничего лишнего не брали. Коротко повторив задание, язвенник и бэттер были готовы идти в разведку. Михалыч собрал все свои патроны и разложил их по карманам так, чтобы они были максимально доступны. Его верное ружьё было на плече. Нацик взял свой автомат и два заряженных магазина к нему. В одном из кабинетов он нашёл вентилятор и отломал из его защитной сетки несколько прутьев. Он загнул их таким образом, чтобы они стали похожими на крючки. Со словами «С Богом!», они покинули площадку и через баррикады спустились на первый этаж, благо преодолеть их сверху было намного проще, чем снизу.

В утреннем свете трупы казались ещё более ужасающими. Теперь можно было разглядеть каждую рану и бледность их лиц на фоне луж подсохшей крови. Нацик отвернулся, Михалыч тоже не стал останавливать взгляд на изувеченных телах. Они пошли влево, к одиноко стоявшей серой «девятке». Дальше, за машиной, возле супермаркета валялось ещё одно тело. Никто не придавал значение этому трупу и Нацик занялся взломом автомобиля. Михалыч же стоял «на страже» и оглядывал местность вокруг. Он не боялся, что хозяин машины заметит воров, пытающихся угнать его «девятку». Он искал взглядом заражённых, которые могли появиться в любой момент. Язвенник медленно осматривался, пытаясь уловить любое движение. Как ни странно, Нацик действовал не только умело, но и тихо. Со словами «Давно этим не занимался», он ловко крючком открыл дверь машины. Никакой сигнализации в ней не было и это помогло им оставаться незамеченными.

Когда Нацик сел за руль и начал отвёрткой ковырять в приборной панели, Михалыч обратил внимание на труп возле супермаркета.

В том, что они приняли его за труп, не было ничего странного. Он не дышал и не шевелился, – в общем, не подавал никаких признаков жизни. Но и трупом он не был. Словно пробудившись от спячки, заражённый поднялся с асфальта и уставился голодными глазами на Михалыча. Из рта у полуживого сочилась пена. Он не медля ни секунды двинулся на машину. Нацик уже заметил его и на всякий случай взял в руки автомат. Он хотел уже вылезать из машины, когда Михалыч вскинул ружьё и прицелился. Он выстрелил и разворотил живот пьянице. Только теперь язвенник кое-что заметил.

– О, мой бывший коллега. Мы с ним работали на стройке, – как-то отрешённо произнёс Михалыч.

– Ну, ты хотя бы с ним поздоровался, – заметил Нацик, сам не зная, с каких пор он с Михалычем на «ты».

– А о чём с ним здороваться? – равнодушно пожал плечами язвенник.

Нацик улыбнулся. Временами старик и вправду мог съязвить. В здании дома культуры возле окна, где не так давно пил водку Волошин собрались зрители. Они показывали Михалычу жест, который красноречиво говорил «давайте быстрее».

– Ну, что там? Скоро уже? А то сейчас набегут сюда эти... – спросил Михалыч.

– Почти всё. А теперь – главное, чтобы в этом «Мерседесе» было хоть пару литров бензина.

Нацик тщетно пытался завести двигатель. После шести попыток тот, наконец, затарахтел. Михалыч занял место возле водителя и начал лихорадочно натягивать ремень безопасности. Ружьё своё он поставил между ног стволом вниз, а дверь так и не захлопнул. В это время со стороны супермаркета появилось несколько заражённых. Нацик прикинул, что, если они будут бежать, машина не успеет прогреться и они не смогут поехать.

– Не пристёгивайся, Михалыч. К нам уже бегут.

Язвенник пробубнил в рацию: «У нас гости». Нацик вышел из машины и короткими очередями уложил двоих, которые выбежали из-за угла супермаркета. Ему определённо нравился его «калаш» – он был пристрелян и безотказен. Михалыч выстрелил, когда из-за дома культуры выбежал ещё один пьяный. Машина работала на холостом ходу. Ещё хотя бы пять минут!

На выстрелы, казалось, выбежали все заражённые, которые находились поблизости. Вот уже открылось окно на втором этаже дома культуры, и Волошин стал помогать Нацику и Михалычу. Как раз вовремя, потому что язвенник терял время на перезарядку ружья. Когда машина прогрелась почти что как следует, Нацик показал большой палец Волошину и сел за руль.

– Двери не забудь захлопнуть! – проговорил он Михалычу, когда тот уже уселся на сиденье.

Серая «девятка» рванула с места, заставив качнуться язвенника. Он ухватился за поручень над дверцей и крепче сжал в руках ружьё. В тот момент он закрыл глаза. А Нацик уже выруливал на проспект Ленина, где прямо по дороге бежали окровавленные полуживые. Нажимая на педаль газа, Нацик пытался как можно быстрее объезжать эти ходячие трупы. Он с трудом лавировал между бегущими на встречу заражёнными, и нескольких всё-таки задел. Михалыч молился. Все его ночные кошмары оживали, заставляя сердце учащённо биться. Он мчался в автомобиле и сбивал пешеходов, правда, за рулём находился не он. Тот, кто сидел рядом, отлично водил машину. И будь за рулём какой-нибудь менее опытный водитель, несомненно, произошла бы авария. По ужасному асфальтному покрытию и мокрому снегу их «девятка» мчалась по направлению к улице Героев Сталинграда, которая переходила в автомобильную трассу М-04. Их трясло и Михалыч скорее всего ударился бы головой о потолок, если бы не был пристёгнут. На повороте машину занесло настолько, что Михалыч не выдержал и закричал сквозь визг тормозов:

– Потише! Меня сейчас снова приступ...

Нацик мельком глянул на язвенника и вырулил машину. Сейчас он вспоминал, как раньше «лихачил» на подобных тачках. Это, конечно не в компьютерные игры дома играть. Это всё реально и очень круто. Это такой выброс адреналина, с которым не сравнится даже связь с женщиной. Он направил «девятку» к мосту, который пересекал железнодорожные пути. И, как водится, самое интересное их ожидало за мостом, а вернее, почти возле въезда в город со стороны Днепропетровска. Там были люди.

* * *

После того, как Нацик умчал серую «девятку» в сторону Днепропетровска, дом культуры «Светлопольский» был атакован. Михалыч с Нациком не могли даже представить, какое осиное гнездо они разворошили. Заражённые пошли со всех сторон. Периодически нападая друг на друга, они шли и бежали к дому культуры. Там, из окна на втором этаже велась стрельба, которая, безусловно, и привлекала полуживых. Нарколог и ППС-ник не знали, как лучше поступить: прекратить стрелять или не допустить заражённых ко входу в здание.

– Подожди! – остановил Волошина Женья.

Тот прекратил огонь и сплюнул вниз. Оглянулся и увидел нарколога, стоящего с «Сайгой» в руках. За ним с тревожным лицом стояла Саша.

– Я думаю, нужно остановиться. Чем больше ты стреляешь, тем больше их появляется. По-моему, они идут сюда на звуки выстрелов. Давай подождём пока.

Волошин снова повернулся к окну и стал наблюдать за пьяными. Женя присоединился к нему, а Саша так и осталась стоять посреди комнаты. Там, перед входом в ДК ходили полуживые. Когда выстрелы прекратились, они и вправду потеряли ориентир и теперь не стремились ко входу. Вместо этого, пьяные стали нападать друг на друга, стараясь укусить. Но некоторые из них, которые были укушены, не стремились нападать на себе подобных. Это навело нарколога на мысль о том, что укушенные отличаются от тех, кто подхватил вирус другим путём. Эти были такие же агрессивные, как и те, кто их заразил. Но они не стремились нападать на заражённых. То есть, они могли определять, кто есть кто.

– Заметил? Те, кого укусили, не нападают на «своих», – проговорил Женя.

– Ага. Но на них нападают те, которых не кусали. Смотри, несколько тварей зашли внутрь. Ты на левое крыло, я – на правое. Быстро!

Они выбежали из комнаты и разделились. Нарколог побежал к лестнице в левом крыле здания, ППС-ник – к лестнице в правом. Пролёты были забаррикадированы, и их было тяжело преодолеть. Тем не менее, «тяжело» не означает «невозможно», поэтому задача состояла в том, чтобы не пропустить никого наверх, где выжившие окажутся в западне. Никто не сомневался, что когда зомби зайдут в ДК, они рано или поздно найдут то, что ищут. Никто не знал, что они найдут это так быстро. В то время, когда Женя увидел внизу в самом начале лестничного пролёта одного из заражённых, рация у Волошина затрещала и Михалыч рявкнул: «Возвращаемся».

«Сайга» била очень точно и рвала плоть одержимых на куски. Первый полуживой упал, когда его голова осталась висеть на тонкой полоске кожи после выстрела дробовиком. Второй не заставил себя долго ждать и появился вслед за первым. Ему нарколог снёс полголовы. С другой стороны здания прогремел одиночный выстрел из АК, – там Волошин уложил ещё одного. Женя отошёл от баррикад и стал напротив коридора в другое крыло.

– У тебя всё? – крикнул он Волошину.

– Вроде бы.

– Саша, больше никто не заходил в здание?

– Не знаю, я боюсь смотреть на улицу! – крикнула Саша.

– Наши передали, что возвращаются.

– Больше ничего не говорили?

– Нет.

– Что делаем?

– Остаёмся на своих местах.

– Саша, пожалуйста, смотри на улицу и говори нам, что происходит, – крикнул ей Женя.

– Я боюсь!

– Закрой окно!

На некоторое время воцарилась тишина. Нарколог наблюдал за своим крылом, ППС-ник – за своим. Саша смогла закрыть окно и краешком глаза выглянуть на улицу.

– Их нет! – крикнула она.

– Никого на улице нет? – спросил Волошин.

– Никого!

Это могло означать, что заражённые либо ушли, либо они в здании. Как оказалось, они были внутри.

4

Когда Михалыч и Нацик оказались у въезда в город, они действительно увидели людей. Это были солдаты в костюмах химзащиты и с автоматами, направленными в сторону серой «девятки». Пока Нацик снижал скорость, Михалыч мог хорошо разглядеть солдат. Их было около десятка. Двое стояли впереди, за ними, перегордив дорогу, были поставлены два БТРа. Между машинами стоял ещё один человек, скорее всего, офицер, а на БТРах расположились с полдюжины автоматчиков также в костюмах химзащиты. За несколько метров до блокпоста несколькими рядами были установлены бетонные плиты. Всё говорило о том, что никаких шансов проехать не было. По бокам дороги был внушительной глубины кюветы, а за ними – лесополоса. Таким образом, объехать блокпост было невозможно. Солдаты нацелили автоматы на серую «девятку», которая остановилась метров за восемьдесят от блокпоста. Нацик вопросительно смотрел на Михалыча. Тот хотел было открыть дверцу, но услышал голос офицера, усиленный мегафоном:

– Выезд из города запрещён. Возвращайтесь назад. Повторяю, выезд запрещён, поворачивайтесь назад! Иначе будет открыт огонь на поражение.

Нацик смотрел теперь на восемь или даже больше стволов, направленных в их сторону. В голове не укладывалось то, что происходило сейчас на выезде из города. Их не выпускали! Он включил заднюю передачу и собирался тронуться, но тут Михалыч всё-таки приоткрыл дверцу. Он не успел даже приподняться из кресла, когда прозвучал выстрел. За первым выстрелом открылся ураганный огонь. Нацик что есть сил рванул с места, и «девятка» задним ходом понеслась по дороге прочь от блокпоста. Михалыч не успел закрыть дверцу, и она теперь едва держалась на креплениях. Сам он съёжился, чтобы скрыться из виду стрелков. Нацик, пребывая в какой-то прострации, всё гнал машину на пределе скорости. Неведомым образом в него не попала ни одна из пуль, хотя «девятка» приняла в себя достаточно свинца.

Сквозь рёв двигателя был слышен крик Михалыча. Он кричал как резанный, в ужасе от происшедшего. Он мчался на машине, которая ехала на задней передаче, с открытой дверцей, из которой запросто можно было вывалиться. И вокруг

свистели пули, иногда впиваясь в металл. Когда Нацик, наконец, затормозил и развернул машину, стало ясно, что солдаты прекратили огонь и не собирались их преследовать. Сердце его билось с такой силой, что, казалось, его биение слышит и Михалыч. Только когда они переехали мост, который аркой охватил железнодорожные пути, Нацик смог говорить.

– Суки. Они же могли нас застрелить нахрен!

Михалыч смог только выдать:

– Остановись, Богом прошу тебя. Я не выдержу...

Нацик съехал на обочину и остановился. Михалыч тут же выпал из машины на землю. Он тяжело дышал и Нацик решил, что старик сейчас получит инфаркт. Бэттер выбежал из машины и присел на корточки возле язвенника. Пунцовое лицо Михалыча не предвещало ничего хорошего. Он тяжело дышал, и пальцы его судорожно освобождали горло от свитера. Нацик понимал, что без медицинской помощи Михалыч долго не продержится. Он возвратился в машину и достал аптечку. Это была стандартная автомобильная аптечка, которая соответствует всем требованиям и продаётся в аптеках. Помимо презервативов и бинтов там должны быть и серьёзные лекарства. По крайней мере, он так думал. Все его познания в медицине были минимальными, но тогда он не подумал обратиться за помощью к Жене по рации.

Он нашёл капсулы нитроглицерина. С трудом представляя себе, насколько эффективным будет этот препарат для Михалыча, Нацик передал ему эти таблетки. Язвенник глотнул капсулу, удовлетворённо кивая головой. Сам так и сидел в снегу на обочине дороги. Когда Нацик подал ему руку, предлагая встать, Михалыч сделал усилия и поднялся.

– Спасибо. Должно помочь... Даже не знаю, как это я ещё не отбросил коньки, – пробормотал Михалыч.

Они сели в машину. Понемногу Михалыч приходил в себя и его дыхание выравнивалось. Когда он задыхался и его перепуганные глаза просили Нацика о помощи, бэттер думал, что старик не выживет. Но он выжил, и Нацик почувствовал гордость за свой поступок. Ещё недавно это был чуть ли не враг, но теперь всё изменилось. Окончательной победой над приступом стал бодрый голос Михалыча, который буркнул в рацию: «Возвращаемся». Его самообладанию теперь можно было позавидовать.

Закрывать дверцу со стороны пассажира не получилось и Михалычу пришлось держать её правой рукой всю дорогу назад. Они молчали, готовя каждый свою версию событий, чтобы рассказать о случившемся остальным.

Для себя Нацик сделал несколько выводов из того, что произошло. Прежде всего, выжившие люди есть. Правда, они вооружены и блокируют выезд из города. И ещё один вывод он сделал чисто для себя: его план рушился. Вместе с тем, у него

возникло множество вопросов: например, почему им не дали выехать из города? Если Александрия изолирована (а Нацик теперь в этом не сомневался), то почему власть не заботится о тех, кто смог выжить и не выпускает их из котлована? Это же верная смерть! Может, именно этого они и хотят? Чтобы Александрия просто вымерла, оставив после себя лишь призрачные контуры на карте?

Михалыч думал о том же. Но у него не было той информации, которой располагал «контент-менеджер нескольких сайтов» без имени и фамилии.

* * *

Бои, если можно так выразиться, продолжались ещё несколько минут, пока поток пьяных зомби не иссяк. Волошин методично, щадя патроны, но не давая пощады нападавшим, меткими выстрелами в голову укладывал заражённых в кучу. Груда тел на лестнице под баррикадами росла и с другой стороны, где Женя разносил тела мощными выстрелами дробовика. Он боялся только одного, что у него не хватит патронов на всех этих безумных живых мертвецов. Но смертоносный конвейер остановился, и вспотевший нарколог смог перевести дыхание и присесть. Автомат Волошина тоже умолк, и в ДК воцарилась такая тишина, словно её можно было трогать руками. Только в ушах звенело, а на площадках нещадно воняло палёным порохом – таков был итог «первой волны».

– Саша! – крикнул Волошин.

– Что?

– Ты смотришь в окно?

– Да.

– И что ты видишь?

– Там пусто.

– Точно? Открой окно и посмотри внимательно.

После некоторой паузы:

– Нет, точно никого не видно.

Волошин и Евгений покинули свои позиции, чтобы присоединиться к Саше. ППС-ник высунулся в окно и тщательно осмотрел местность. Из-за угла вырулил автомобиль с Нациком и Михалычем внутри. Правая дверь была открытой. Они подъехали почти к самому крыльцу и, бросив побитую машину, выскочили наружу. Нацик глянул вверх и, увидев Волошина в окне, спросил:

– Всё в порядке?

– У нас – да, – был ответ. Сам же Волошин не успел спросить, почему машина изрешечена пулями.

Они поднялись вверх, с трудом преодолев гору трупов. Чтобы выкарабкаться на второй этаж, им нужна была помощь, и Женя с Волошиным протянули им руки. Когда оба были в зале, остальные окружили разведчиков, пытаясь мысленно угадать, каков был итог вылазки.

– Дела дерьмовые, товарищи, – взял слово Михалыч. – Выезд из города перекрыт, его контролируют какие-то военные в химзащите. Стреляют на поражение.

– Что? – не поверил услышанному Женя?

– Как это? – удивился Волошин.

Михалыч глянул в сторону Нацика и тот продолжил:

– В общем, выехали мы на трассу, переехали мост и там, дальше, дорога перекрыта. Стоят два БТРа и где-то с десять «слоников» с автоматами. С ними офицер, у него мегафон. Он сразу предупредил, что, если попытаемся прорваться – будут стрелять. Я уже собирался сдавать назад, когда Михалыч открыл дверцу. Эти уроды сразу же начали по нам стрелять. Я даже не знаю, каким чудом они не попали в нас. Мы даже не развернулись, и на задней передаче поехали вдоль трассы к мосту. Женя, посмотри Михалыча, у него, кажется, приступ был. Я ему дал этот, как его... нитро...

– Нитроглицерин?

– Ага.

– Болит где-нибудь? – обратился к язвеннику нарколог.

– Да. В груди. Аж в руку отдаёт.

Нарколог бегло осмотрел Михалыча, пощупал пульс, посмотрел в глаза, где блуждал знакомый ему страх смерти. В принципе, для него всё было ясно: у Сергея Михалыча предынфарктное состояние. Ещё какой-нибудь мало-мальский стресс и всё кончено. На одних таблетках он не протянет. Но вслух Женя сказал:

– Состояние тяжёлое, но не критичное. Я бы сказал, всё, что ему сейчас нужно – это покой.

– Спасибо, Женя. В общем-то, я и сам это понимаю. Прилягу-ка я где-нибудь, – бросил Михалыч.

Пока Михалыч укладывался, а Нацик стягивал с себя куртку, Волошин, Женя и Саша стояли рядом и перебаривали всё то, что им сообщила команда №1. Положение у них, оказывается, было ещё хуже, чем они предполагали. Где-то в глубине души Саша чувствовала, что поездка только подтвердит слова того умирающего, что из города не выбраться, но боялась себе в этом признаться. Женя лихорадочно думал, что им делать дальше. Он не объявлял себя мозговым центром этой компании, но думал, что так оно и есть. Волошин, всё ещё пребывая во хмелю, воспринял дурные вести более сдержанно: закрыты? Значит, так надо!

– А что у вас тут произошло? – спросил Нацик.

– Тут целая осада была, – немедля ответил Волошин. – Вы разворошили их гнездо, и они начали толпами валить сюда.

– Да уж, представляю... Наверное, они двигались на шум?

– Скорее всего, да, – ответил Женя. – Налетели целым потоком и так же быстро

«закончились». Думаю, что, когда мы начали стрелять на улице, это привлекло внимание тех, кто находился поблизости. А когда мы стали отстреливаться внутри, другие уже не слышали выстрелы так хорошо, как на улице.

Нацик кивнул. Ему это объяснение показалось вполне разумным. К тому же, он и сам склонялся к тому, что единственное условие, которое привлекает заражённых – громкий шум. Врачишко был явно неглуп, Нацик это давно отметил, и теперь он даже чувствовал что-то наподобие уважения к наркологу. Мысли бэттера прервала библиотекаряша.

– Что будем делать дальше? – спросила Саша.

5

День уже давно вступил в свои законные права и открыл миру все прелести минувшей ночи. Там, где был снег, уже подсыхали лужи, а там, где ещё вчера шумели люди, гулял ветер. Смерть собрала свой кровавый урожай в совершенно безумную новогоднюю ночь, но она ещё не ушла. Она была здесь, она бродила по улицам и заглядывала в дома. Она подбирала души в ещё тёплых телах и уносила с собой. Не смела она зайти только в серое здание дома культуры на главной улице, которое бетонным монстром уселось между многоэтажными домами и частными постройками. Здесь ещё теплилась жизнь.

Саша и Женя сидели вместе на одном ряду кресел, внимательно наблюдая за ходом разговора между Нациком и Михалычем. Язвенник, казалось, уже достаточно отдохнул, чтобы высказать своему молодому напарнику всё то, чем он был недоволен. Волошин в это время бродил по этажу и выглядывал наружу, стараясь вовремя заметить новое нападение заражённых, если таковое будет происходить.

– Чего Вы лезли из машины? Поговорить с военными? – спрашивал Нацик, обращаясь к Михалычу на «Вы».

– Ты считаешь, что с ними *не надо* было говорить? – вопросом на вопрос ответил язвенник.

– О чём?

– О том, что есть выжившие и они хотят выехать из города.

– Когда они стоят в костюмах химзащиты и с автоматами, им наплевать – есть выжившие или нет. Чего непонятного? Объявлен карантин, и никого не будут выпускать из города, – рассуждал Нацик.

– Тебе сейчас просто гадать. Надо было так, надо было эдак. Сам сидел и ничего не предпринимал.

– Стоп. А что я должен был предпринимать? Стрелять в них что ли?

– По крайней мере, мог бы крикнуть что-нибудь.

– Скажите спасибо за то, что я вовремя среагировал и погнал машину назад. Так

бы сейчас стояли там, как сыр, все «в дырочку».

– После этой поездки я больше не сяду в машину никогда. Пускай придётся идти пешком, но в машину я не сяду. Тем более, с тобой, – заключил Михалыч.

– Как Вам будет угодно, господин, – съязвил Нацик.

Разговор был вроде бы окончен, но взаимная неприязнь осталась. Нацик снова ненавидел этого противного деда, но был вынужден терпеть его присутствие и, что более всего ему не нравилось – ворчание. Чтобы отвлечься от негативных мыслей, он попытался пошутить, переключившись на Сашу с Женей.

– Извините, мы вам не мешаем? Мне кажется, вам уже давно пора уединиться, – сказал Нацик и подмигнул Жене.

Саша жутко покраснела и отстранилась от своего друга. Михалыч мотал головой. Немного подумав, он повернул голову к Нацику, адресуя свои слова именно ему.

– Высокие чувства для мелких людей недостижимы, – задумчиво произнёс язвенник.

Нацик понял тонкий намёк, и в нём снова начала пробуждаться тихая ненависть к этому «старому пердуну». К этому чёртовому язвеннику, который возомнил себя философом. Он хотел ответить, но вмешался Женя:

– Достаточно. Зачем вы ссоритесь? Кому это сейчас надо?

В это время в зал вошёл Волошин. Он отбросил автомат за плечо и произнёс речь.

– Вот, что я думаю. Александрия хоть и маленький город, но перекрыть все подходы к нему трудно. Для этого нужно много людей. Скорее всего, перекрыты все пути к городу, но поля и посадки они не могут контролировать полностью. Нам нужно снова разделиться и пойти к железной дороге. Думаю, в черте города военных нет, они засели на всех выездах и въездах. Поэтому можно попробовать выйти на «пути» и по ним пробраться в лес. А там уже идти строго на запад к ближайшим сёлам. Например, в Андреевку.

– Слушай, ты вроде бы и выпил, но соображаешь, – ответил Михалыч.

– Если бы не выпил, то, может быть и не додумался до такого, – ответил ему Волошин.

– Почему ты хочешь выйти по «путям»? – спросил Евгений.

– Потому что там открытая местность и людей не бывает. Надо сделать так: первая группа выходит самым близким путём к железной дороге и сообщает о ситуации второй группе. Потом вместе мы выдвигаемся вдоль железной дороги в сторону Звенигородки и когда подходим к лесу – сворачиваем туда. Дальше через лес мы выбираемся к деревне и уже там ориентируемся, что делать дальше.

– Что ж, если другого плана нет... – отозвался Михалыч.

– Наверное, других вариантов не предвидится. Разве что попробовать выехать из города с другой стороны, – перебил его Нацик.

– Глупо. Если город оцепили, то все пути перекрыты.

Воцарилось молчание. Каждый думал о чём-то своём. Волошин присел на стул и устроился удобнее. Он явно собирался уснуть или, по крайней мере, отдохнуть. Саша первая обратила на это внимание и толкнула локтём Женю. Он посмотрел на ППС-ника и понял, о чём пытается намекнуть ему Саша. Если Волошин уснёт, то проснуться он может уже другим, если так можно выразиться, человеком. Уже не совсем человеком, а в корне изменённой его копией. Странно, но никто из присутствующих не помешал Волошину сначала усесться, а потом задремать. Может, у каждого была на то своя причина. Как, например, у Нацика. Он был бы только рад пристрелить Волошина, если на то будут объективные предпосылки. В итоге Волошин уснул за считанные минуты. Можно даже сказать, он «вырубился». Нацик положил автомат себе на колени, Михалыч привстал и устроился в полулежащем положении. Никто не хотел находиться поблизости с Волошиным. Вокруг него образовалась пустота. Зрители уставились на него, хотя и понимали, что изменения будут происходить в течение примерно получаса.

– Азартных среди вас нет? – вдруг спросил Михалыч.

– А что? – удивился Женя.

– Даю два своих бутерброда, что он не превратится, – подмигнул язвенник.

6

Когда он проснулся, над ним кольцом стояли Женя, Саша, Нацик и Михалыч. Они с любопытством разглядывали его, пытаясь понять: превратился он, или нет. И когда Волошин от испуга вздрогнул, их также передёрнуло. В образовавшейся паузе никто не посмел нарушать молчание. Четыре трубочки смотрели на него в упор: одна небольшого диаметра, вторая чуть шире, и ещё две соединённые между собой – совсем огромные. Волошин не сразу понял, что это стволы, направленные на него. Единственным человеком, у кого не было оружия, была Саша. Но она поспешила спрятаться за плечом своего друга.

– Э-э-э. Тише-тише, я в порядке – сумел чуть ли не шёпотом произнести Волошин.

Язык его прилипал к нёбу, а во рту было сухо. Но он действительно был в порядке.

– Раз он может говорить, значит, я оказался прав, – торжественно сказал Михалыч и убрал своё ружьё.

После него стволы убрали Нацик и Женя, вздохнув с облегчением.

– Вы хоть бы подумали, прежде чем нацеливать на меня ружьё! Сами бы поранились, я ж под стенкой сидел! – выругался Волошин, поднимаясь со стула.

После пробуждения ППС-ника было решено пообедать, а заодно и обговорить планы. Все собрались за столом и принялись готовить себе бутерброды и есть

консервы. Как оказалось, еды им хватит надолго, но такой ли еды они хотели?

– Я бы не отказался от трёх порций шаурмы, если честно, – признался Волошин.

Саша брезгливо скривилась и сказала:

– Я уж лучше большую пиццу съела бы.

– Эх, я так и не покушал нормально за столом с ребятами... – сожалел Нацик. – Но я, правда, люблю шашлык и сейчас бы с удовольствием шампур-второй приговорил бы!

– Везёт вам, – обозвался Михалыч. – Мне вот ничего нельзя из-за желудка. А хотелось бы сейчас курочки жареной да с пюрешечкой, и стаканчик-другой опрокинуть.

– Ну, стаканчик можете и опрокинуть, – вставил Волошин. – У меня там, в комнате осталось немного. Вроде бы не влияет водка на...

– ...на превращение, – закончил Женя. – К счастью, мы в этом убедились. Но я бы Вам, Михалыч, не советовал бы водку употреблять.

– Понятное дело. Между прочим, выбор у меня невелик: сдохнуть либо от сердечного приступа, либо от язвы. Или того хуже: загрызут эти самые...

Тем не менее, он намазал себе хлеб майонезом и положил на него два кольца сырокопчёной колбасы, увенчав это всё листом петрушки. Незатейливый обед продолжался.

– Итак, на повестке дня два вопроса, – между делом сообщил нарколог. – Первый: теперь нам стало ясно, что алкоголь (по крайней мере, водка) не есть причина превращения человека. Второй вопрос: есть ли у кого-нибудь дополнительные соображения по поводу прорыва имени Волошина?

– Я всё же думаю, что лес тоже оцеплён, – произнёс Михалыч. – По крайней мере, он патрулируется. Нужно идти ночью.

– А если они с собаками? – предположил Нацик.

Саша откусила бутерброд, но жевать не стала. Бросила взгляд на Женю.

– Это совсем плохо. Значит, разведгруппа должна пройти в самый лес, а потом вызывать остальных, – пояснил Женя.

– Думаешь, рация так далеко захватит? – спросил Михалыч, указывая куском хлеба на рацию, которая лежала на кресле под стенкой за Волошиным.

– Захватит, не переживайте, – спокойно отреагировал ППС-ник, запивая острый салат газировкой.

– Итак, – подытожил Женя. – Мы снаряжаем в разведку двоих. Кто знает лес?

– Я знаю, – ответил Михалыч. – Но я в разведку не пойду.

Женя одобрительно кивнул.

– Я приблизительно смогу сориентироваться, – сказал Волошин. – Правда, в ночное время – это будет сложно.

Больше никто не знал тропы в лесу, поэтому решено было отправлять Волошина

и Нацика. На протесты последнего и заверения в том, что он не видит в темноте, был представлен аргумент, что Саша – женщина, а Женя – единственный из оставшихся умеет водить – днём и ночью. Видите ли, некоторые решили, что подстраховать разведчиков можно на машине, оперативно выехав «на подмогу».

В конце концов, план был утверждён и назначено время: в 17:00 группа должна была выходить. К тому времени, как она доберётся до железной дороги, будет темно. После сытного обеда компания заняла свои места на креслах и развлекала себя светской беседой.

– А я вот мечтаю о детях, – задумчиво произнесла Саша.

Это вызвало милые такие улыбки у остальных. После некоторой паузы Нацик сухо произнёс:

– Я бы на твоём месте о правнуках мечтал, а то с нашей экологией не знаешь, сколько ещё проживёшь.

Михалыч тяжело вздохнул. Очень глубокая мысль, она ему понравилась. Нацик, ощущая за собой какую-то вину перед Сашей, решил внести в беседу немного юмора:

– Помню, на стройке у нас был случай интересный. Приходит к нам, значит в бригаду каменщик...

– Извини, что перебиваю, – зарделась Саша. – Каменщик – он изделия из камней делает?

– Нет, – улыбнулся Нацик. – Это тот, который кирпич кладёт, ну и камни тоже. Так вот: приходит он такой весь важный, высокий, с обветренным лицом. Говорит: «Куда мне становиться?». Ну, мы ему, мол, углы класть умеешь? А он такой: «Нет». Тогда становись, «забутовуй» кладку. Короче, он ни черта не соображал в кладке кирпича. Мы с него посмеялись немного, а он вдруг бросает свой инструмент, выпрямляется и говорит: «Я тридцать лет в море ходил!». Представляете, решил похвастаться, что ли. И такой говорит: «Я на каменщика не учился, рассказывайте, что мне делать» ...

Нацик улыбался.

– А что, кирпич класть где-то учат? – вдруг спросила Саша.

Улыбка стёрлась с лица Нацика. Ему когда-то уже задавали подобный вопрос. Тогда он лишь отшутился. Теперь это, казалось, задело его за живое. Поэтому он ответил:

– А что, на библиотекарей тоже где-то учат?

Улыбнулся Михалыч. Он-то знал, что к чему, ведь сам когда-то учился в ПТУ. Шутку Нацика оценил. Саша вопросительно смотрела на Нацика. Она действительно была удивлена таким вопросом Нацика.

– Конечно же, учат. Для этого нужно высшее образование, – несмело произнесла она.

– А я думал, чего там знать-то? Изучил, где какая книга лежит, и ходи, приноси «ботанам» или ставь на место.

Саша покраснела. Будучи воспитанной в интеллигентной семье, она тяжело находила общий язык с современной молодёжью. Видимо поэтому она не могла найти себе подходящую пару. Нацик не хотел её обижать и объяснил:

– Саша, есть множество профессий, которым учат в ПТУ. Расшифровывается это как...

– Я знаю, как это расшифровывается, – перебила его Саша.

– Это хорошо. Дело в том, что такие заведения, если ты не знала, служат для того, чтобы готовить специалистов рабочих профессий. И каменщик – одна из них. Если ты, человек с высшим образованием, сможешь мне сказать, что такое «отвес», «уровень», «кельма», «тычок и ложок» и для чего это нужно, то ты не зря стала библиотекарем. Если не можешь, тогда поинтересуйся об этом в специализированной литературе. Я, конечно, не учился в ПТУ, но работая на стройке, научился многому. Поверь мне. И это довольно тяжёлая работа, требующая определённых знаний.

– Думаю, она тебя поняла, – вступился за Сашу нарколог.

За разговорами время пролетело быстро. Уже без пятнадцати пять Волошин и Нацик начали собираться. Был тщательно проверен боекомплект – патроны распределены, автоматы почищены. Ничего лишнего брать не решились – только самое нужное, а любимая бита Нацика была тщательно закреплена на его рюкзаке. Рации проверили и, обнявшись перед походом, выступили.

7

Для Нацика сумерки оказались не такими страшными, как он предполагал. Он всё хорошо видел и глаза его постепенно привыкали к надвигающейся темноте. Бэттер и ППС-ник обошли здание ДК и направились к той улочке, через которую они сюда пришли. Маршрут был проложен заранее: по улице Гагарина они выходили к детской больнице, потом сворачивали на Красноказачью, которая вела напрямиком к железной дороге.

Морозный ветерок дул в лицо. Лужи, которые помельче, начали покрываться лёгкой корочкой. Где-то, казалось, в другом мире, выла собака. Это было страшно, и оба почувствовали, как по их спинам пробежался холодок. Возможно, эта собака выла в предчувствии беды, которая с ними случится. Но сворачивать назад было нельзя – либо они выйдут к железной дороге, либо останутся в заточении и будут ждать, пока новая волна обезумевших полуживых захлестнёт их убежище.

– Как думаешь, что там, на путях? – шёпотом спросил Нацик.

– Думаю, там всё спокойно, и мы просто пойдём дальше.

– А вдруг военные уже там? – эта догадка беспокоила Нацика.

– Тогда это... – запнулся Волошин.

– ... печально, – продолжил его спутник.

В ответ ППС-ник промолчал. Лишь через несколько минут бросил: «Смотри под ноги», когда они приблизились к глубокой канаве, что пересекала улочку. Нацик мог её не увидеть и оступиться. Лишний шум им был не нужен.

Двигались быстро и уже через десять минут улица Красноказачья, по которой они поднимались к железной дороге, упёрлась в огороженную территорию стоянки. Её нужно было обойти. И куда подевались все собаки, которые непременно обсуждали между собой любого чужака, забредшего в эти края вечером? Казалось бы, они должны лаять беспрерывно, учуяв их шаги ещё издалека, но они молчали.

Обогнув стоянку, они увидели тропинку, ведущую на огромную насыпь, где были проложены пути. Машинально подняв стволы автоматов, Нацик и Волошин на расстоянии пять шагов друг от друга двинулись вверх по тропинке. То, что они увидели на железной дороге, заставило их сердца биться в безумном ритме.

Первым шёл Волошин, и когда он увидел это, быстро присел и обернулся к Нацику, жестом давая понять, чтобы тот был осторожным. Тихо и не спеша Нацик приблизился к сидящему Волошину, и они принялись рассматривать пути. Там, на железной дороге стояла стальная гусеница, растянувшаяся, на сколько хватало обзора, с севера на юг. Вместо вагонов на составе были не то пулемётные гнёзда, не то зенитки с прожекторами, ощупывающими своим светом края насыпи. Когда луч приблизился к месту, где прятались Волошин и Нацик, они быстро нырнули вниз, но, кажется, были обнаружены.

Пулемётная очередь взорвала тишину и подняла столб пыли. В воздух полетели куски щебёнки. Они стреляли без предупреждения. Нацик потянул Волошина за воротник и на том месте, где только что был ППС-ник, земля разорвалась от чудовищного калибра пули, угодившей в неё. Теперь они катились вниз по склону, теряя автоматы. Когда рёв прекратился, у них было всего пара минут для того, чтобы оценить ситуацию и поступить правильно. Нацик быстро метнулся вверх, чтобы подобрать свой автомат, а Волошин уже полз в сторону, где лежал его АК-74. Забрав своё оружие, они что есть сил побежали.

Добравшись до Садовой, они забежали за угол, пытаясь отдышаться и присели прямоком на асфальт. Тяжело дыша, горе-разведчики с выпученными глазами переглядывались и по очереди смотрели за угол – не преследуют ли их?

– Вот ведь сволочи! – наконец нарушил молчание Нацик. – Второй раз за день!

Волошина била крупная дрожь и далеко не от холода. Пытаясь осознать, что он всё ещё жив, он лихорадочно искал в своей памяти те несколько секунд, которые могли стать его последними. Если бы не Нацик, оторвало бы сейчас Волошину голову по самый кадык. Он посмотрел на своего спасителя, утёр нос, который сейчас больше напоминал протекающий кран, и кивнул.

– Это... Спасибо тебе... Никогда не подумал бы...

– Ну, целоваться не будем, а то, знаешь ли, карьерес... – улыбнулся Нацик и похлопал Волошина по плечу.

Волошин тоже попытался улыбнуться, но шутить он сейчас не мог. Удостоверившись, что их не преследуют, они решили посидеть ещё немного. Волошин достал рацию и включил кнопку связи.

– «База», это «первый», приём.

Послышался треск и в ДК ответили:

– «Первый», это «база», что у вас?

– У нас тут жопа, господа. Мы возвращаемся. Приём.

– Вас понял. Конец связи.

Говоривший на той стороне эфира Женя был обескуражен таким посланием, но вникать в подробности по рации не хотел. Они заранее обговорили и это. Военные запросто могли прослушивать этот канал. Более того, Волошин даже был уверен, что они его прослушивают. Поэтому он не положил рацию на место, а снова нажал на кнопку связи и после тирады, состоявшей исключительно из матерных слов в адрес военных, заключил:

– Вы думаете, мы не прорвёмся? Передайте своему начальству, что мы завтра же покинем город, чего бы нам этого не стоило. Если придётся убивать солдат, мы пойдём и на это. Нам уже терять нечего.

Он выключил кнопку связи, но всё ещё держал рацию в руке. Нацик, опешивший от такого послания сидел с раскрытым ртом.

– Зря ты говорил о солдатах. Теперь они могут пойти на штурм.

– А мне всё равно. Думаешь, они знают, где мы спрячемся? – спросил Волошин.

– Ага, думаю, локализовать сигнал они смогут. Так что пользоваться рацией в ДК я бы не стал. А вообще нам надо менять своё убежище.

– Может быть, ты прав. Ты рассмотрел, что это было?

– Не успел. В общих чертах понятно: на рельсах стоит состав, и на определённом расстоянии друг от друга установлены пулемётные точки ДШКм (наверное), с прожекторами. Скорее всего, он такой не один и весь восточный кусок города, где проходит железная дорога, блокирован.

– Это хуже, чем мы думали, – суммировал Волошин.

– Но будет ещё хуже, когда они войдут в город.

– Это да.

По улице гулял ветерок, то и дело поднимая опавшие листья, которые не собрали коммунальные службы. Словно по команде выключились немногочисленные фонари, освещавшие улицу Садовая. Теперь нужно было уходить. Нацик и Волошин поднялись одновременно и озираясь по сторонам, вернулись на Красноказачью, чтобы идти к дому культуры. Они могли только догадываться, что

это за тени идут им навстречу со стороны детской больницы.

* * *

Женя с Сашей беседовали в тот момент, когда совершенно отчётливо слышали стрекотание пулемёта со стороны железной дороги. Саша подпрыгнула на месте, Женя взял её за плечи, а Михалыч схватился за ружьё.

– О Боже, там стреляют! – вздохнула Саша.

– Это явно не автоматы, – обеспокоенно добавил Михалыч.

Женя взял в руки рацию, но тут же вспомнил, что их сторона не должна выходить на связь первой, и только сжал её крепче.

– Как, не автоматы? А что? – растерялась Саша.

– Это пулемёты, Саша. Самые настоящие.

Нарколог вышел в коридор и направился в комнату, окна которой выходили на задний двор дома культуры. Там было темно. Он всматривался вдаль, где, по его расчётам Нацик с Волошиным должны были выйти к железной дороге. Там, на востоке, верхушки деревьев освещались пульсирующим светом. Вероятно, от прожекторов. Значит, там засада, – подумал Женя и вернулся на площадку.

– Мне кажется, там установлены прожекторы. Если присмотреться, то можно увидеть их лучи, – объявил он остальным.

– То есть, там засели военные, – поделился своей мыслью Михалыч.

– Боже мой, они их убили! – ахнула Саша, и в её тоне слышалось больше утверждения, чем вопроса.

Михалыч положил ружьё на плечо. Звуки стрельбы уже стихли, и сейчас было трудно догадаться, что происходит там, на железной дороге.

– Что ж, будем ждать вестей, – предложил Михалыч.

– Если им удалось убежать, то за ними будет погоня, – размышлял Женя. – Главное, чтобы они не привели военных сюда.

– Ну, для этого у них ума хватит. По крайней мере, Нацик мне кажется неглупым парнем, хоть и желчным, – сказал язвенник.

Всё это время Саша сильно переживала. От волнения она стала вертеть в руках пустую пластиковую бутылку. Она не понимала, чего ей бояться, но она боялась. Опасалась за жизни людей, с которыми едва успела познакомиться. Боялась, что этот ужасный пулемёт, строчивший где-то далеко, откроет огонь по их убежищу. Сердце отчаянно билось в груди так, что она вынуждена была попросить у Жени валерьянки.

– Спокойно, Саша. Ничего не случилось. Скорее всего, это был предупредительный огонь, – говорил нарколог.

Он достал из своей сумки капли, налил в стаканчик воды и накапал валерьянки. Протянув ей лекарство, Женя погладил её по голове, как ребёнка. Она посмотрела на него вопросительно и взяла стакан.

И тогда затрещала рация.

– «База», это «первый», приём!

Лицо Саши просияло. Женя тут же ответил, нажимая кнопку связи:

– «Первый», это «база». Что у вас?

Ответ «первого» был элегантен и в такой же мере информативен:

– У нас тут жопа, господа. Мы возвращаемся. Приём.

Саша нахмурила брови. Сочетания таких несочетаемых слов вызвали у неё недоумение. Но, по крайней мере, они были живы, и это радовало. Правда, услышала она только Волошина. Ей думалось, что с Нациком всё в порядке. Женя что-то ответил, но Саша не уловила этой реплики. Её почему-то охватило чувство тревоги. Она посмотрела на Михалыча, но с ним было всё в порядке, – язвенник стоял напротив Жени с вопросительной миной и ожидал подробностей.

– Думаю, все поняли? – подытожил Евгений.

– Да уж, яснее некуда. Формулировочка, конечно, расплывчатая... – кивнул Михалыч.

Он стоял лицом к наркологу и библиотекарше, и спиной – к углу, за которым была лестничная площадка. От угла его отделяло метров десять. А за углом, тем временем, скрипнула половица. Женя наклонил голову набок, чтобы Михалыч не закрывал обзор, и увидел, как со стороны лестницы из-за угла показалась фигура человека.

8

Вся надежда на то, что прямо на них идут мирные выжившие, испарилась, когда первая тень согнула руки в локтях, наклонила корпус и рванулась вперёд. Не успел бегун как следует набрать скорость, как его отбросило назад – это выстрелил Волошин. Но пуля только притормозила одного и дала старт другим. На них с Нациком уже бежала целая группа зомбарей, как уже успел мысленно назвать их бэттер. Вскинув автоматы и стараясь целиться в голову, парни принялись короткими очередями косить заражённых одного за другим. Быстро справившись с этой группой, они оглянулись и увидели сзади ещё одну.

– Бежим? – спросил Нацик.

– Летим! – ответил Волошин.

Преследователи быстро отстали. К счастью, это были всего лишь пьяные. С улицы Чубаря вышел, шатаясь, старик. Это был типичный бомж – одет в изношенную и зловонную одежду, немывтый и, конечно же, пьяный. Вряд ли он претендовал на добычу в лице двух сильных молодых людей, но ППС-ник решил не сворачивать на Чубаря и не выходить на улицу Гагарина. Волошин бросил на ходу:

– Бежим по этой улице. В переулках тесно и темно, лучше не рисковать.

Нацик был с ним полностью согласен. К тому же, бежать по худо-бедно освещённой улице было намного лучше, чем бродить в потёмках переулками и неосвещённой улице Гагарина. Он держал автомат перед грудью и бежал, оставаясь позади Волошина. ППС-ник остановился только на перекрёстке Красноказачьей и Титова. Было видно, что бег в таком темпе вымотал его. Зато они оторвались от преследования. Там, в районе насыпи на железной дороге, снова застрекотал пулемёт. Лучи прожекторов замельтешили, и включился ещё один, потом ещё. Небо над насыпью посветлело – там солдаты всеми доступными средствами отбивались от волны заражённых, которая захлестнула оцепление. Иногда был виден поток трассирующих пуль, а сквозь непрерывный треск пулемётов с трудом можно было услышать что-нибудь ещё.

– Ого. Расшевелили гнездо вояки, – заметил Нацик.

– Да уж. Ну, ничего, будет им работёнка. Они подняли весь «БАМ»¹¹ на ноги! – ответил Волошин.

Отдышавшись и удостоверившись, что нигде вокруг нет «гостей», группа двинулась дальше по Красноказачьей. И вот там, навстречу им вышел мертвец. То, что это был мёртвый человек, стало понятно сразу. Голова его моталась при каждом шаге. Из разодранного горла было видно желтизну костей и хрящей. Вся одежда спереди была насквозь пропитана кровью. Потеряв столько крови и с такой раной, человек просто не мог жить. Но неведомая сила поддерживала его двигательные функции. Он шёл, сильно шатаясь. Нацику он чем-то напоминал Терминатора, побитого, но движущегося робота, у которого есть какая-то цель. По всей видимости, этой целью были они с Волошиным. Человек был огромен – не меньше двух метров роста и больше ста килограмм веса. Без оружия с такой машиной справиться было невозможно.

Этот человек, или, скорее, бывший человек, не был пьяным, хоть и шатался. Его заразили укусом, а значит, поведение его могло быть другим. Но он шёл прямо на них. Они рассматривали его, пока тот не приблизился на расстояние двадцати метров. Стали слышны его ужасные хрипы. Волошин прицелился и нажал на курок. Осечка. Прицелился Нацик и выстрелил. Пулей снесло голову, которая едва держалась на плечах. Туловище упало назад вслед за отлетевшей головой. Руки беспомощно пали – одна на асфальт, вторая – на грудь.

Волошин дёрнул затвор и оттуда вылетел патрон. На всякий случай, и чтобы удостовериться в боеспособности автомата, он выстрелил в тело человека.

– Здоровый, падла, – заключил ППС-ник.

– Ага.

Проходя мимо тела, Нацик бросил взгляд на обезглавленного «бывшего

¹¹ «БАМ» - народное название Юго-восточного микрорайона города

человека». Что-то ему показалось странным, но что именно, он не понял. Только немного позже он вспомнит эту, казалось бы, незначительную деталь.

Они спустились к Дому культуры и только здесь услышали выстрелы, которые гремели внутри. Оббежав здание с правого крыла и оказавшись перед входом, они увидели целую вереницу живых мертвецов, которые – кто как, бегом или ползком – тянулись к центральному входу в ДК. Глупо было устраивать обстрел с такой невыгодной позиции. Волошин обратился к Нацику:

– Обойдём с той стороны и попробуем зайти с другого входа, который ближе к сцене. По-моему, они туда не ломятся.

– Побежали, – ответил Нацик.

Как и предполагал ППС-ник, с левой стороны, где находился ещё один вход, никого не было. Все заражённые штурмовали центральный вход, а там, наверху, их отстреливали из ружья и дробовика. Волошин дёрнул дверь, она, к счастью была открыта.

* * *

Фигура, которую заметил Женя, оказалась укушенной женщиной. Её глаза будто светились в полутьме. Она шагнула в зал, и нарколог тотчас схватился за дробовик. Михалыч успел развернуться и, почти не целясь, выстрелил ей в грудь. Женщина упала на спину, но тут же попыталась подняться. Женя подоспел вовремя и в упор выстрелил ей в голову. То, что было головой, разбрызгалось и разлетелось на осколки. Саша начала кричать.

Михалыч поспешил к лестничному пролёту. Он сомневался, что гостя пришла сама, но внизу никого не было. Как она могла пробраться наверх, для него так и осталось тайной. Сзади подошёл Женя и тоже глянул вниз.

– Как? – только и успел спросить он.

Там показалась ещё одна тень. Одержимый прошёлся по трупам убитых и стал карабкаться по наваленным стульям и столам наверх. Женя даже не целился – выпалил из дробовика, и попал в шею. Тело безвольно шмякнулось на пол. Где-то внизу слышались быстрые шаги. Могло показаться, что это спешит нормальный, живой человек. Но это было не так. Следующий интервент показался у ступенек и поднял голову вверх. Его подбородок был залит кровью. Михалыч выстрелил ему в лицо, и «чужой» упал.

– Вот ведь горе! – пробормотал он. – Женя, иди на ту сторону. Не дай Бог, они там полезут!

– Хорошо, – бросил нарколог, и побежал в другое крыло здания.

Пробегая мимо, он увидел Сашу, которая сидела, забившись в углу коридора. Она дрожала. Скорее всего, увидев труп на площадке, она здорово напугалась и теперь пребывала в ужасе. Женя вернулся в зал, схватил со стола пистолет и бросился к ней.

– Вот, Саша, держи. Я снял с предохранителя. Будь осторожна, целься в голову.

Она с трудом переборола страх и взялась за рукоятку пистолета. Нарколог побежал по коридору к лестнице. Но там было тихо. Громыкнул выстрел со стороны Михалыча. С этой стороны здания лестница была во мраке, и Женя тщетно вглядывался в темноту. Он мог понадеяться только на свой слух.

Саша поднялась и зашла в комнату, в которой не так давно Волошин прикладывался к бутылке. Выглянув в окно, библиотекарь увидела несколько заражённых, спешащих к центральному входу. Она высунулась в окно и попыталась прицелиться. К ближайшему пьяному было никак не меньше пятидесяти метров. Как бы она не целилась, но, нажав на курок, отправила пулю намного выше головы.

– Чёрт, – огрызнулась она.

Постаралась прицелиться в него ещё раз. Теперь он увидел её и приближался к окну. Хорошо, что она на втором этаже, – подумалось ей. Вторая пуля тоже не попала в цель и, испугавшись, Саша отбежала от окна подальше, будто этот мертвец мог прыгнуть прямо к ней.

Михалыч хладнокровно клал одного заражённого за другим. Перезаряжаться он успевал, ведь довёл это до автоматизма. Когда первая волна иссякла, он, подождя ещё несколько минут, крикнул:

– Женя, что там у тебя?

– Тут спокойно, – ответил тот.

– Вроде бы закончились. Саша, глянь, детка, в окно. Есть там ещё кто-то на подходе?

Саша не заставила себя долго ждать:

– Один есть. Под окном. Я не могу в него попасть. Бегите сюда, скорее!

Женя явился первым. Он выглянул в окно и увидел одного заражённого, который голодными глазами уставился прямо на него. Но Женя не стал стрелять, он побоялся поднимать шум на улице. В здании стрелять – это одно, а снаружи звук распространяется намного лучше, и новая волна захлестнёт их крепость.

– Подождём его. Пускай подымается, – решил Женя.

– Что значит, подождём? – удивилась Саша. – Он, как бы, под окном у нас стоит. Убей его!

– Саша, не паникуй. Стрелять на улице не желательно, это привлекает их внимание. А кто знает, сколько их бродит по окрестностям? Он всё равно поднимется и тогда...

Договорить он не успел, потому что заметил движение перед входом. Он снова выглянул в окно и увидел, как со стороны проспекта Ленина к ДК идут несколько человек. Не компанией, а по одному. Цепочкой! Как будто услышав что-то, пьяный, который кружил под окном, сорвался с места и побежал в ту сторону,

очевидно, учуяв кровь. Без сомнения, к ДК шли укушенные. Они не нападали друг на друга. А этот был именно пьяным, и он набросился на первого же себе подобного. Завязалась драка, и они оба упали на бетонную плитку перед входом. Исход поединка был быстрым – укушенный буквально разорвал челюсти пьяного, а потом и вовсе стал бить его головой о бетон, пока череп не лопнул, как грецкий орех.

Саша не смогла досмотреть драку – отвернулась и её стошнило. Едва успев выбежать в коридор, она выплеснула всё на пол, чуть не обляпав Михалыча.

– Они заходят. Они нас увидели, – сообщил Женя и пошёл в правое крыло, где до этого орудовал Михалыч.

Язвенник поспешил за ним. Саша присела на ряд стульев и тяжело дышала, постоянно сплёвывая. Уже через несколько секунд прозвучали первые выстрелы – язвенник и нарколог стреляли по очереди. Саша поднялась и пошла к своей сумке, вспомнив, что там у неё есть влажные салфетки. Она тщательно вытерла лицо, скомкала салфетку и бросила её под стол, где уже громоздились кучи мусора. В этот момент слева, в коридоре, который вёл в другое крыло здания, она увидела приближающуюся фигуру. За долю секунды Саша осознала, что пистолет она оставила в комнате, перед тем, как выбежать в коридор.

«Боже, я не хочу умирать», – подумала Саша. Тот, кто был в коридоре, приближался, и она не успела бы убежать от него.

9

Только когда человек вышел из тёмного коридора на свет площадки, Саша вздохнула. Это был Волошин. За ним вышел Нацик. Его Саша и вовсе не заметила поначалу.

– Блин, чуть не поскользнулся. Что это за слизь в коридоре? – как ни в чём ни бывало спросил ППС-ник.

– Это... я, в общем, – натужно улыбнулась библиотекаряша.

Нацик обернулся, увидел и всё понял. Выстрелы тем временем продолжались. Волошин поспешил туда, Нацик остался и бросил вдогонку:

– Я с той стороны покараулю.

Сам же подошёл к Саше и спросил:

– Ты в порядке? Ты бледная, как... Ну, короче, бледная.

– Я... как бы, меня стошнило... а тут в коридоре вы идёте, я уже с жизнью попрощалась...

– Ну, не стоит! – пытался перекричать выстрелы Нацик. – Мы ещё прорвёмся!

– А вы целы? – спросила Саша.

– Как видишь. Там такой переполох начался. Если в двух словах, то там военные. Засели на железной дороге и отстреливают всех, кто сунется. Представляешь,

прямо на вагонах с опущенными бортами сидят. Пулемётные гнёзда устроили с прожекторами. Жуть, в общем. Но мы вовремя смылись.

Саша взяла бутылку воды и попросила Нацика налить ей в ладошки, чтобы умыться. Он помог ей это сделать и усадил девушку на кресло. Сам снял с плеча рюкзак, взял автомат и пошёл в другое крыло здания, пообещав ей расстрелять всех, кто смеет её напугать.

Эта девушка нравилась ему, что говорить? Даже в таком состоянии – без макияжа, со слипшимися волосами, было в ней что-то женственное, доброе и тёплое. Таких хочется обнять, успокоить и защищать до последней капли крови. Кто-то сказал бы, что Нацик начал влюбляться, и он был бы не далёк от истины. Правда, у бэттера были свои принципы. Как то – не отбивать чужих девчонок. И в его голову вкралась паскудная мыслишка о возможной смерти нарколога. А вдруг он погибнет? Или, например, нападёт на него зомбак, а доблестный Нацик великодушно избавит доктора от страданий и незавидной участи, и выстрелит в эту небритую рожу в упор из «калаша». Такие мысли в другой день Нацик отогнал бы прочь, но сегодня было первое января, а вокруг – толпы безумцев, пытающихся, во что бы то ни стало убить всё живое вокруг.

В это время нарколог, язвенник и ППС-ник по очереди клали вторгающихся полуживых. Гора трупов внизу лестницы росла, и вскоре полуживые могли бы по телам вскарабкаться наверх. Это видели все, кто держал оборону, но озвучил мысли нарколог:

– Надо выбираться отсюда. Скоро они смогут по трупам вылезать наверх.

– И то, правда, – согласился Михалыч. – А куда?

– В супермаркет? – предложил Волошин.

– Нет, надо второй этаж чтобы был. Так оборону легче держать и обзор будет нормальным, – возразил Женья.

– «Горняк»?

– Тоже не подходит. Там тяжело забаррикадировать второй этаж. Я уже думал об этом.

– Тогда где? – спросил язвенник.

– Как на счёт «Ориона»?

Михалыч не сразу понял, о чём речь, хотя жил в двух сотнях метров от этого торгового центра. Нарколог объяснил:

– Это здание напротив, через проспект. На второй этаж там один ход, о котором я знаю. Очень хорошо для обороны, да и просматривается всё прекрасно.

– Там, по крайней мере, ещё один ход на второй этаж, о котором знаю я, – вставил Волошин. – Но вход на лестницу находится в глубине первого этажа. В принципе, этот ход легко заблокировать.

– Хорошо. Есть какие-нибудь другие предложения? – спросил Женья.

– Наверное, это неплохая идея. На втором этаже ресторан. Пицца там точно есть, местность вокруг тоже просматривается хорошо. Главное, чтобы там сюрпризов не оказалось, – подытожил Михалыч.

– Тогда будем собираться! – скомандовал Волошин. – Нацик, что там у тебя?

– Тут всё спокойно! – крикнул тот.

– Стой там. Мы будем собираться!

– Переезжаем? – крикнул Нацик.

– Да.

Саша была всё ещё бледная, когда Женя подошёл к ней и начал рассматривать.

– Как ты?

– Уже лучше.

– Саша, мы решили, что здесь находиться всё опаснее. Надо перебраться в «Орион». Поможешь собраться?

– Да, конечно.

Она встала и пошла к столу. Пока мужчины собирали всё своё снаряжение, библиотечарша набила большой пакет водой и консервами – на всякий случай. Прежде, чем выходить, все собрались на площадке, и Волошин дал свои инструкции:

– Значит так. Сейчас мы спокойно и тихо выходим через то крыло, – он указал в сторону, откуда пришёл Нацик. – Затем перебежками по тёмным участкам мы добираемся до проспекта. Очень быстро мы врываемся на второй этаж. Если понадобится, разобьём стекло. Но там, скорее всего, двери открыты. Потому что ресторан в новогоднюю ночь работает. Забегаем внутрь и всеми доступными подручными вещами заваливаем лестницу и сам вход в ресторан. Вопросы есть?

– Бегун из меня, конечно, неважный. Ты хочешь выжать сок из уже выжатого лимона, а это бесполезно, Володя.

– Ничего, Михалыч. Тут недалеко.

10

Приближалась ночь, и стало заметно холоднее. Морозный ветерок гонял по городу остатки снежной пыли. Ветки на голых деревьях покрылись льдом, а грязь под ними замёрзла. Вечером, 1 января выжившие александрийцы вышли из бокового входа в доме культуры и, осмотревшись, цепочкой побежали в сквер перед зданием.

К счастью, нигде поблизости заражённых видно не было, и группа успешно перебежала сквер, а потом и проезжую часть улицы. Сюрприз их ждал уже под «Орионом». Только направляющий, коим был Волошин, начал подниматься по ступеням наверх, как из-за угла, из арки жилого дома к ним выбежал заражённый. Но не успел он приблизиться, как был сражён выстрелом из дробовика Жени,

который шёл вторым и отвечал за левый сектор. Саша вскрикнула.

– Быстро, наверх! – скомандовал Волошин и побежал по ступеням на второй этаж.

Команда последовала приказу, и за одно мгновение все оказались на втором этаже торгового центра. В ресторане было светло, правда, музыка уже не играла. Там царил беспорядок: перевёрнутые столы, всюду тарелки и почти нетронутая еда. Несколько трупов лежали возле столов – обезображенные и слишком мёртвые, чтобы ожить. Волошин кивнул Нацику на служебное помещение и тот пошёл проверять. Сам ППС-ник пошёл в другой зал. Там его глазам предстала всё та же картина. Полуживых нет. Волошин вернулся и вскоре подошёл Нацик.

– Чисто. Второй выход я нашёл, – доложил бэттер.

– Хорошо. Теперь будем укрепляться.

Волошин стоял возле перегородки, которая отделяла основной зал от уборной, и не мог видеть, как из туалета к нему подошёл подросток. Первым его заметила Саша и, не ожидая от себя такой прыти, вскинула руки с пистолетом. Выстрел был точным. Саша попала полуживому прямо в глаз.

– Как бы, ого... – кивнул на Сашу Нацик.

– С почином! – поздравил её Михалыч.

Саша всё ещё держала пистолет перед собой в обеих руках. Застыла, словно камень. Видимо, первое убийство в её жизни стало для неё глубоким шоком. Но она спасла Волошина от нападения, а это было главное. Опешивший ППС-ник не мог поверить своим глазам. Всего лишь метр отделял его от парня. Тот лежал с простреленной головой. На его теле не было ран, кроме укуса на кисти, из чего Волошин сделал вывод, что парня всего лишь укусили, и он успел спрятаться в туалете. Но вирус уже был у него в крови, и в итоге бедолага превратился в алчущего крови монстра.

– Туалет надо было проверить! – прошипел Волошин.

Нацик не стал молчать:

– Так чего же ты команду не дал, начальник?

Волошину нечего было сказать. Он дал команду только Нацику, а остальные просто осматривались в зале. Он виноват. Во взгляде Михалыча был виден укор: «Взял на себя командование – так, командуй». Женя снял напряжение одной лишь фразой:

– Все мы люди, все можем ошибаться.

Ссориться сейчас нельзя было. Нацик молча подхватил первый попавшийся стол и отнёс его в прихожую ресторана. За ним последовал Женя. Михалыч же присел на стул, чтобы отдохнуть. Даже небольшая пробежка и с перерывами ему давалась очень нелегко. Сердце трепетало и приостанавливалось, – в общем, вело себя неподобающе. А это беспокоило Михалыча больше всего. Раньше он думал, что нет

ничего страшнее зубной боли, теперь же он немного пересмотрел свои выводы. Нельзя было сказать, что он испытывал страшную боль в груди или под лопаткой, но было одно обстоятельство, которое ставило зубную боль далеко от сердечной. Эта боль вызывала настоящий животный страх. Страх перед смертью. Ведь процент того, что человек умрёт от дырки в зубе существенно ниже, чем процент того, что человек умрёт от инфаркта. И теперь каждый раз, когда Михалыч чувствовал неполадки в работе сердца, глаза его выкатывались из орбит, а зрачки плясали яростную джигу. Дыхание становилось прерывистым, казалось, он боялся глубоко вдохнуть. Сейчас он сидел на мягком стуле, опираясь на своё ружье, словно на трость. Немного понаблюдав за сновавшими мимо соратниками и наладив сердечный ритм, Михалыч поднялся и попытался помочь. Но Женя остановил его, усадив обратно на стул.

– Михалыч, ну, мы же не беспомощны. Можем и сами справиться. Вы нам нужны не для того, чтобы мебель тягать.

– Тогда я сяду ближе к окну. Дозорным побуду.

Он сел за маленький столик, рассчитанный скорее на одного человека, либо на пару, пьющую шампанское. Столик стоял возле самого окна, которое выходило на проспект Ленина. Было видно и проезжую часть, и здание дома культуры. Невольно задумался: если свет до сих пор не отключили, значит, он им нужен. Из этого следует, что армия будет брать город и это только вопрос времени. Возможно, сегодня ночью.

Тем временем, Нацик, Женя и Волошин заблокировали основной вход в ресторан, оттащили трупы в хозяйственную часть ресторана и сели отдохнуть. Полуживых не было ни видно, ни слышно. Пока что всё шло замечательно. Михалыч отвернулся от окна и осмотрел зал ресторана. Все столы и большую часть стульев выжившие использовали для того, чтобы установить баррикаду. Сами же расположились кто где: Саша сидела на возвышении в полу, которое было облицовано плиткой и предназначалось для цветов. Нацик, наблюдавший за нею, сидел напротив в нескольких метрах на старинном пианино. Про себя он отметил, что Саша сейчас именно на своём месте. Женя уселся прямо на пол, возле Саши, а Волошин – вытащил пластиковый стул где-то из хозяйственной части, и сейчас восседал возле бара. Все сидели лицом друг к другу, образовав таким образом что-то вроде эллипса.

Как-то сам по себе начался совет.

11

– Что будем делать дальше? – спросил Нацик.

Пауза немного затянулась, ведь никто на самом деле не знал, что будет дальше, и что им нужно делать.

– Ждать? – предложил Михалыч.

– Знать бы, что военные собираются предпринимать... – озвучил свои мысли Женья.

– Ага. Скорее всего, они будут зачищать город.

– Или будут спасать выживших, – как-то нерешительно предположила Саша.

– Это вряд ли. Им свидетели не нужны, они это ясно дали знать там, на трассе и на железной дороге. Они ждут, – сказал Волошин.

– Чего ждут? – спросил Нацик.

– Либо стягивают силы, либо ждут, пока последние выжившие станут такими, как нужно, – ответил ППС-ник.

Он склонил голову. При любом раскладе их ждала смерть – от укуса или от пули. Осознавать это было тяжело, мозг протестовал против этого и лихорадочно пытался найти выход их сложившейся ситуации. Дело было дрянь. Он боялся себе в этом признаться, но это было так.

– У меня только одно предложение, – начал Михалыч. – Когда они войдут в город, мы выйдем с поднятыми руками. Может, даже нарисуем плакаты, напишем, что мы нормальные. Сдадимся, в общем.

– Нужно трезво смотреть на ситуацию, Сергей Михалыч, – Женья мотал головой. – Если они хотели бы найти выживших и спасти нас, они предпринимали бы какие-нибудь шаги для этого. Ну, передавали сообщение по радио, например, или ещё как-нибудь. Им не нужны выжившие, Вова правильно говорит. Поэтому, будет зачистка. Я даже не знаю, что можно придумать ещё. Но Ваш вариант, Михалыч, – это крайняя мера. Это фактически самоубийство.

Снова воцарилась тишина. Любые предположения, которые созревали в головах группы, тут же рассыпались при ближайшем рассмотрении. По сути, Михалыч озвучил единственное здоровое решение, которое предполагало хотя бы небольшой процент вероятности успеха. Всё остальное – попытка прорыва на машине или под покровом ночи где-то через лес – выглядело фантастическим и ставило группу в положение беглецов из тюрьмы. А что могут делать с беглецами, все прекрасно понимали.

Тут взгляд Нацика упал на ещё не убранное, лежавшее возле дверей в туалет, тело парня. Как-то сама собой на лице у бэттера образовалась улыбка.

– А паренёк-то непростой, – хмыкнул он.

– В смысле? – спросила Саша.

– Какой? – привстал Волошин, который не мог видеть труп, находясь возле барной стойки. – Вы что, не всех унесли?

– Этот вот, – кивнул в сторону трупа Нацик. – Чего-то ногти у него покрашенные.

Когда он озвучил то, на что обратил внимание, улыбка сама по себе растаяла.

Только сейчас он понял, что уже видел подобное. Но где? Женя встал и подошёл к трупу. Достал свой фонарик и осветил на пальцы парня. Его ногти были синими.

– Они не покрашены, – твёрдо заключил нарколог. – Они говорят о серьёзных изменениях в сердечно-сосудистой системе. Может, даже в печени.

– Стоп-стоп. Дайте-ка, я гляну! – подоспел Волошин.

– Ногти синеют и даже чернеют, когда есть проблемы с сердцем, – пояснил Женя. – Правда, могут чернеть и от какой-то интоксикации.

Нацик наконец-то понял, где он видел такие ногти.

– Когда мы возвращались с Волошиным от железной дороги, нам навстречу на Калинина вышел здоровяк. Явно укушенный. Так вот, я сразу не обратил внимания, но теперь понял. Я ещё глянул на его руки, когда мы его уложили. Что-то в них было не так...

Волошин вопросительно смотрел на Нацика.

– Ногти были будто покрашенные, – закончил бэттер.

– То есть, это уже второй бешенный, у которого синие ногти? – уточнил Женя.

– Да. И тот, и этот были укушены.

Женя привстал и задумался. Трупы были ещё в помещении, можно было проверить пальцы каждого.

– Давайте оттянем его ко всем остальным, и заодно посмотрим на их пальчики, – сказал он.

Нацик набросил развёрнутую салфетку на голову убитого парня и взял его за руки. Волошин развернулся и взял того за ноги, поднялся и они понесли труп словно носилки в хозяйственное помещение. Саша отвернулась, чтобы не видеть этого. Она ещё не свыклась с мыслью о том, что этот паренёк был застрелен ею всего несколько минут назад.

Михалычу было интересно, и он последовал за ними вглубь ресторана. Там, в прокуренной насквозь комнате, где царил беспорядок, и валялись совершенно необычные для ресторана вещи, буквально штабелями были уложены трупы разной степени поражения. Нарядные. От некоторых был даже слышен аромат духов. Как-то не связывался этот аромат с внешним видом тех, кто его источал. Во рту стало горько, и Михалыч сплюнул, пытаясь совладать с желудком.

– Так, – пробормотал нарколог. – Что тут у нас?

Даже беглого осмотра было достаточно для того, чтобы увидеть, что большинство трупов были с синими ногтями. Но Женя всё же начал рыться в груде тел, высматривая пальцы.

– По-моему, тут только у двух человек нормальные ногти. Остальные все с синими, – заключил нарколог.

– Значит, только эти двое не были укушены, а заразились каким-то другим способом? – предположил Михалыч.

– Вполне возможно. Но на них тоже смертельные раны.

– Ничего удивительного – они грызли друг друга, – со знанием дела сказал Нацик.

Женя сидел на корточках, в то время как остальные стояли возле него полукругом. Отбросил кисть с нормального цвета ногтями и встал. Казалось, остальные так и ждут того, что врач вынесет окончательный вердикт.

– Получается, те, кто был укушен, все с синими ногтями. Наверное, зараза, которую им передали носители, повлияла на них другим образом.

– И что это нам даёт? – спросил Михалыч.

– Не знаю, – пытаюсь найти ответ в глазах язвенника, констатировал нарколог, и добавил: – Во всяком случае, мы теперь понимаем, что при каждой следующей передаче вирус (или что-то в этом роде) ведёт себя по-другому.

Про себя Михалыч отметил: а какая, к чёрту разница, кто тебя загрызёт – зверь с синими ногтями, или с обычными? Тяжело вздохнув, он первым направился в зал ресторана. За ним последовали остальные.

12

Саша так и осталась сидеть там, где оставил её Женя. Он подошёл к ней и положил свою руку на плечо. На немой вопрос её светлых глаз он ответил:

– Единственное, что мы поняли, так это то, что с синими ногтями ходят укушенные, а с обычными – обращённые. Это, конечно, мало что нам объясняет, но кое-что мы уже понимаем. Надо теперь придумать, чем это нам может помочь.

– Укушенные менее опасны, – сказала Саша.

– Почему?

– Потому что они не такие быстрые.

– Но они умнее, ведь так?

– Да, я это заметила. Они не отвлекаются на других заражённых – обращают внимание только на людей. И мне кажется, что они могут мыслить.

– С чего ты решила? – вмешался в их разговор Волошин.

– Я наблюдала за ними из окна дома культуры, – повернула голову к нему библиотекаря.

Нацик сел прямо на пол напротив неё, дав понять тем самым, что ему очень интересны рассуждения молодой девушки. Михалыч стоял рядом, а Волошин даже присел на корточки и походил на гопника, одетого в камуфляжную форму.

– Если человек укушен, у него нет такого бешенства. Им управляют не только инстинкты, но и какие-то остатки ума, – продолжала Саша.

– Это интересно, вот только с чего ты так решила? – спросил Нацик. – Ты не подумай, я это тоже заметил, просто интересно, как это поняла ты?

Саша опустила голову. Она собиралась с мыслями. Ей всё было очевидным, и в

то же время она не могла объяснить, почему она так решила. Окружающие же приняли её жест таким, как будто она боялась о чём-то говорить или ей неприятно было о чём-то вспоминать. Поэтому её никто не торопил с ответом.

– Я... не могу объяснить. Наблюдала и поняла. Укушенные более организованы.

– Да. Они ходят цепочками, мы все это видели.

– К тому же, мне показалось, что они... в общем, как объяснить, что они находили вход на лестницу в доме культуры?

– Это понятно. По звуку выстрелов, - отмахнулся Волошин.

– Ага. Допустим... Простите, я просто... не могу объяснить! – чуть ли не расплакалась Саша.

Женя обнял её и попытался успокоить. Сегодняшние события наложили свой отпечаток на психическое состояние Александры. Очень много пережила, и ко всему этому ещё пришлось убить человека. Пускай даже не совсем человека. Сейчас любое замешательство расценивалось её разумом как тупик, и через эмоции разум пытался найти хоть какой-нибудь выход из этого тупика. Всё это понимал только Женя, для остальных поведение Саши объяснялось всего лишь одним словом – «истерика». Больше её не доставали расспросами, и оставили в покое. Женя примостился рядом и обнял крепче. Он шептал ей на ухо только им двоим понятные слова, но даже они не возымели должного действия. Теперь ей казалось, что он успокаивает её как сумасшедшую. Сбросив с себя его руки, Саша внезапно встала и обвела взглядом окружающих. В её глазах, которые так нравились Нацику, пульсировала ярость загнанного зверя. Невозможно было предугадать, что она будет делать дальше.

– Саша, что случилось? – спросил Женя.

– Не трогайте меня, – прошипела она и ушла в соседний зал.

Нацик поднялся и едва успел уступить ей дорогу.

– Эй, полегче, – только и успел сказать он.

– Пускай побудет одна. Она сейчас на пределе, и ей нужно успокоиться, – предложил Женя.

Никто не ответил. Было ясно, что нервы на пределе не только у неё, но все сделали скидку на то, что она женщина – существо непредсказуемое и загадочное. Тем временем язвенник присел за свой столик и взглянул в окно.

– У меня одного аппетит проснулся, или как? – спросил Михалыч, продолжая смотреть в окно.

– Я тоже перекусил бы чего-нибудь, – ответил ему Волошин.

– Согласен, – кивнул Нацик.

– Где наши пакеты?

Женя зашёл за барную стойку, где на полу стояли пакеты с продуктами и водой, и принялся доставать оттуда хлеб, консервы, салаты и колбасу. На предложение

помочь он только замотал головой и принялся прямо за барной сойкой готовить бутерброды и рассыпать салаты в пластиковые тарелки. Когда всё было готово, Женя торжественно сообщил:

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Сымитировав среднеазиатский акцент, Женя расплылся в улыбке. Это замечательно гармонировало с его густой щетиной и тёмными жирными волосами. Улыбнулись все, кроме Нацика. Его явно не веселили подобные шутки. Пока все набивали рты, Женя, видимо почувствовав себя начальником снабжения, отрапортовал:

– Еды хватит только на один приём, если учитывать этот наш «перекус». Нужно составить список необходимых продуктов и слетать в супермаркет. Давайте решим, что нам нужно и запишем. Вот, я уже и листочек нашёл, – указав на пачку со счетами для клиентов, предложил нарколог.

– Пельмени надо, – прожевав как следует, предложил Волошин.

– Согласен. Пока мы здесь, нужно пользоваться кухней на всю катушку, – кивнул Нацик.

– И пока есть электричество, работают холодильники, – добавил Женя.

– А что здесь в холодильниках? – спросил Михалыч. – Неужели в ресторане нет никаких припасов?

– Представь себе, нет, – был ответ. – Я проверил: пусто. Такое ощущение, что они знали о том, что их всех ждёт, и не закупали продуктов.

И вправду, обследовав все помещения ресторана, Женя не преминул заглянуть в холодильники. То, что он там увидел, его расстроило: какие-то полуфабрикаты неизвестной давности и... всё! Похоже, что ресторан не позаботился о пополнении провизии. Но почему?

– Ладно. Какие предложения ещё? – спросил нарколог.

– Думаю, надо делать акцент на консервы и другие продукты, которые имеют большой срок годности, – предложил Михалыч.

– Да. И сладкое.

Посоветовавшись, мужчины составили небольшой список и приступили к обсуждению самой вылазки в ближайший супермаркет. Здесь мнения немного разделились:

– Я и Волошин идём в «АТБ», – говорил Женя.

– Нет, ты нужен здесь, лучше я схожу с Вовой, – не соглашался Нацик.

Волошину было всё равно, с кем идти. Важно было лишь то, что никто не сомневался, что идти нужно именно ему, младшему сержанту ППС. В итоге было решено отправлять Женю и Волошина, а Нацика оставить «на хозяйстве». Впрочем, такой расклад бэттера тоже устраивал, увеличивая его шансы на выживание.

Коротко обговорив план действий, нарколога и ППС-ника прыгнули вниз и, стараясь не создавать лишнего шума, двинулись к проезжей части. Магазин «АТБ», сделанный по принципу дискаунт-маркета, находился фактически напротив торгового центра, где остановилась вся группа. Это было одноэтажное здание с парковкой, раскрашенное в корпоративные цвета. Как ни странно, на парковке стоял автомобиль, а внутри магазина было включено освещение. Скорее всего, в таких магазинах никогда освещение не выключалось, а парковку использовали жители близлежащих жилых домов.

Впереди шёл Волошин, за ним – Женя. Сходу они направились к торцу здания, где обычно происходил приём товара. Там же были и двери для персонала, открыть которые рассчитывали новоиспечённые охотники. Над дверью той горела одна-единственная лампочка, освещающая, как говорится, «саму себя». Такое освещение было как нельзя кстати – полумрак не выдавал их, как это было бы при нормальном освещении. Теперь оставалось только не привлечь внимание лишним шумом. Пластиковая дверь явно не рассчитывалась как серьёзная преграда для злоумышленников – здание всё равно было под охраной. Поэтому, только подковырнув её гвоздодёром, который они взяли с собой, Волошин услышал, как скрипнул пластик, и дверь поддалась, впуская команду вовнутрь.

– Неплохо для начала, – заметил он.

Они зашли, аккуратно прикрыв дверь и подперев её ручным подъёмником на колёсиках, которых здесь было немеряно. Внутри тоже горел свет – хозяйственное помещение со складом почему-то освещали, не жалея ламп. Волошин подумал, что это связано с тем, что здесь установлены камеры. Первое, что бросилось в глаза – это множество паллет с «шампанским», которым называли обыкновенное газированное вино. Почти столько же было паллет с конкурирующими между собой «колами». Первого января это всё должно было продаться. Но первого января маркет не открылся.

– Так, рты не разеваем, работаем быстро, – бросил Волошин.

– Я тут рядом живу и часто здесь покупаю продукты, так что знаю магазин на зубок, – ответил ему Женя.

Согласно списку, они набрали по две полные пластмассовые корзины. Заранее было решено, что тележки брать ни в коем случае нельзя. Во-первых, они создают слишком много шума, во-вторых, замедляют движение, и в-третьих – их не забросишь наверх, в отличие от корзин.

Нагруженные «охотники» уже собирались возвращаться, когда непонятно откуда появился довольно плотный мужичок с надкушенными руками. Кровь уже запеклась на всех его ранах, а со рта текла слюна. Мельком взглянув на его ногти, Женя понял, что мужичок хоть и покусанный, но заражён он не от этого. А значит,

это был прямо-таки бешеный полуживой. Долго думать не пришлось – Волошин с размаху зарядил навстречу бегущему дикарю банкой с кукурузой между глаз. Тот, сделав в воздухе кульбит, приземлился на спину и разбил голову о плитку на полу. Недолго думая, Волошин стал добивать бешеного прикладом своего АК. Женя только наблюдал, пока лицо зомби не превратилось в подобие расколотого арбуза, где вместо семечек были человеческие косточки.

Дабы не поднимать шум, стрелять разрешалось только в случае значительного превосходства нападающих. Помня это, никто не рискнул стрелять, хотя понимали, что нагруженные продуктами, они были почти беззащитны. В этот раз реакция ППС-ника, можно сказать, спасла им жизнь, ведь Женю застали врасплох и он едва успел поставить свои корзины на пол, когда идущий впереди Волошин уже хватал жестяную банку с кукурузой.

– Вот, сука. Надо было всё-таки брать ножи, – вытирая пот со лба, произнёс ППС-ник. – Как-то лучше им сразу горло резать – быстрее будет.

– Здесь есть ножи, можно взять, – махнув головой влево, сообщил Женя и увлёл Волошина за собой.

И вправду, на отдельном стенде стояли какие-то акционные ножи, заманчиво отливая сталью. Волошин взглянул на Женю, тот пожал плечами и сказал:

– В принципе, у меня уже есть. Но вот этот вполне неплохой вариант!

Он взял с подставки тесак чуть меньше, чем у него за поясом. Этот был явно острее, но легче весом. Нарколог достал свой тесак и, пробуя на вес оба экземпляра, задумался о своём выборе. В это время Волошин взял длинный кухонный нож. Для чего нужен такой нож, он не мог сказать – у них на кухне было всего три ножа. Но с виду он был замечательным и отлично подходил для того, чтобы резать глотки. То, что произошло дальше, нарколог не мог себе и представить. ППС-ник молча развернулся, оставив на полу свои корзины, и направился к труп. Он перевернул его на живот, присел, упёрся коленом в спину и попробовал схватить з остатки волос своей левой рукой. Когда у него это получилось, правая рука, в которой находился нож, полоснула по шее трупа от левого уха к правому. Женя отвернулся и сплюнул.

– Ты настоящий псих, – негромко сказал он и поменял свой тесак на новый.

– Это мне говорит врач, который спокойно топориком зарубил бабу по голове, – хмыкнул Волошин, продолжая орудовать новым ножом. – Знаю я о твоих подвигах.

Когда голова была отделена от туловища, он, оставшись довольным своим результатом, вытер нож о куртку заражённого и поднялся. Нарколог для себя сделал вывод: человек уже переступил грань, теперь для него любые моральные принципы были чужды. Его можно было бы понять, если бы Волошин сделал это из безысходности, обороняясь. Но вот так пойти поиздеваться над трупом всего лишь для того, чтобы проверить, как режет нож – это было за пределом

человечности. Для Жени Волошин теперь был животным. Зверем опасным и непредсказуемым. Хищником, которого лучше иметь в друзьях, нежели во врагах.

Сам Волошин смотрел на вещи менее лирично. Он решил для себя, что он вправе поступать с этими уже фактически неживыми людьми так, как этого будут требовать обстоятельства. Нужно будет потрошить – он будет потрошить. Впервые в своей жизни он сначала перерезал врагу шею, а потом отрезал голову. Это, впрочем, оказалось не так страшно и совсем несложно. Почему-то он подумал, что если бы наблюдал со стороны за своими действиями, то его стошнило бы. Но быть непосредственным исполнителем было как-то... интересно, что ли.

Пристроив нож на своей жилетке, ППС-ник вернулся за своими корзинами и скомандовал:

– Пошли.

Они вышли из торгового зала на склад и снова, мимо паллет со спиртным и безалкогольными напитками, проследовали к двери. Оттянув погрузчик, Волошин осторожно открыл дверь. Там никого не было.

Вернувшись к своим, «охотники» отдали корзины с продуктами. Саша, которая, видимо, уже пришла в себя, разбирала припасы и, увидев фрукты, пошутила:

– Всё есть, только шампанское забыли.

– Шампанское, – повторил Женя и как-то странно посмотрел на неё.

14

Женя выглядел как школьник, которому наконец-то стало понятно, о чём ему говорит преподаватель. Казалось, его пронизало насквозь осознание чего-то такого очевидного, что ему даже было стыдно от того, что он не мог додуматься до этого раньше. Саша настороженно склонила голову и прищурила глаза.

– Нам надо снова пойти в магазин, – наконец сказал нарколог.

– Зачем? – спросил Нацик.

– Хочу кое-что проверить.

– Мало ли, чего ты хочешь, Женя. У нас заведено делиться своими соображениями, если ты не забыл, – настороженно произнёс Михалыч.

– Мне кажется, я догадываюсь, как могли заразиться девяносто процентов взрослых александрийцев. Но для этого надо сходить в АТБ снова и ещё в любой другой магазин.

– Ты можешь объяснить, в чём дело? – спросила Саша.

– Могу. Но только тогда, когда буду уверен в своих предположениях. Мне нужен один человек для подстраховки. Нацик, пойдёшь со мной?

– Конечно.

Михалыч хотел что-то сказать, но и сам начал догадываться, в чём дело. Поэтому он не препятствовал Жене забирать Нацика и выходить в полный опасностей город.

Волошин вообще колдовал за барной стойкой, наливая себе «стопку» водки и заливая туда тоник. Никто из тех, кто видел это, не сказал и слова.

Женя снова набросил на плечо дробовик и вместе с Нациком отошёл к двери. Коротко посоветовавшись там, они вышли. Спрыгнули на бетонные плиты и короткими перебежками преодолели проспект Ленина. Через пару минут они уже были возле задней двери маркета. Удостоверившись, что вокруг спокойно, а внутри тихо, нарколог и бэттер вошли в складское помещение магазина.

– Вот они, – указал рукой на паллеты Женя.

– Многовато, – комментировал Нацик.

– Да. А теперь давай-ка взглянем на номер партии.

Вместе они стали рассматривать наклейки на паллетах, обтянутых полиэтиленом.

– У меня здесь номер 336828А, – сказал Нацик.

– И тут то же самое, – отметил Женя.

Они прошлись по всем паллетам, где были наклейки и везде оказался один и тот же номер партии. Это было уже что-то. Теперь им следовало проникнуть в другой магазин, чтобы проверить догадку нарколога. Ближайший продуктовый магазин с алкогольным отделом был по ту сторону площади перед домом культуры. Там, где заражённый таксист врезался на всём ходу в колонну.

Уже на улице Нацик вспомнил что-то и спросил Женю:

– На бутылках ведь тоже ставят номер партии, так?

– Наверное. А что?

– Пойдём в актовый зал, – предложил он наркологу.

– Зачем?

– Там есть, что посмотреть.

Они свернули к ступенькам, которые вели к одному из входов в ДК. Навстречу им выбежал полуживой с совершенно безумными огромными глазами. Нацик не стал медлить и пустил пулю ему в лоб.

– Побежали, теперь у нас мало времени!

Проникнув в здание ДК, Нацик побежал в сторону актового зала, Женя не отставал. Когда они ворвались в зал, Женя вспомнил, как здесь был уничтожен человек с бутылкой в руках. Теперь он понял, что хотел посмотреть Нацик. Быстро преодолев расстояние к трупу, Нацик схватил бутылку и начал крутить её в руках, пытаясь найти маркировку с датой выпуска. Замерев на пару секунд, он сказал:

– Да.

Наркологу не нужно было говорить, что нужно спешить. Он уже был на половине пути из зала. Когда он увидел запутавшегося в шторах заражённого, он не стал стрелять, а лишь свернул к другому проходу. Но когда они выбежали в коридор, с обеих сторон к ним уже бежали полуживые. Всего лишь долю секунды Нацик думал, как поступить, затем его руки сами начали действовать. Застрелив

самых опасных, он крикнул немного замешкавшемуся Жене:

– Ломай витрину!

Коридор, одной стеной которого были проходы с занавесками, а второй – огромные окна, сейчас был заполнен заражёнными. Едва разбив стекло, нарколог и бэттер выскочили на улицу, а за ними уже бежали. Отстреливаться не было времени, а бежать в другой магазин – смысла. Со всех ног они мчались к торговому центру, надеясь, что Волошин и Михалыч, услышав стрельбу, высунутся из окон, чтобы прикрыть товарищей.

Самым выносливым оказался один из нападавших. Только он преследовал Нацика и Женю вплоть до забаррикадированного входа. Там он был остановлен метким выстрелом Михалыча. Остальные либо плелись далеко позади, либо оставили попытки догнать своих жертв, и бросились друг на друга. Всё-таки тайна их поведения была ещё не совсем раскрыта.

Взобравшись наверх и отдышавшись, нарколог с бэттером долго молчали, прямо-таки изводя остальных. Наконец, глянув на Нацика и получив в ответ едва заметный кивок головой, Женя сказал:

– В общем, так я и думал. Мои предположения оправдались. Скорее всего, заразу распространило обычное шампанское.

– Вот так поворот! – хмыкнул Волошин, уже не стесняясь наливать себе водки.

– Это же очевидно! На Новый год, как бы, все пьют шампанское! – пробормотала Саша.

– Так я и знал, – заключил Михалыч.

– Теперь понятно, что это всё было спланировано, – заметил Женя.

– Честно говоря, я и до этого не сомневался в том, что всё это подстроено, – будто оправдываясь, обронил Нацик.

– Очень интересно спланировано. Праздник, милиция и военные не так бдительны. А в других городах ещё пару дней не будут интересоваться тем, что происходит в Александрии. Шампанское. Лучше и не придумаешь. Но зачем? – размышлял вслух Женя.

– Экспериментируют, – ответил Нацик, и, словно собираясь что-то сказать, осёкся, глядя на двери.

Там стоял человек в камуфляже.

Глава 5. СМЕРТЬ ХОДИЛА ПО ПЯТАМ

1

Первое января уже стало вчерашним днём, когда в стане выживших серьёзно задумались о том, что в городе могут быть ещё такие же бедолаги, как они. После того, как они совершили роковую ошибку, шансы встретить кого-нибудь из выживших, значительно уменьшились. Морозная ночь хранила тайну о возможных

побратимах вместе с человеком, который мог что-нибудь рассказать, но умолк навеки.

Нацик не успел договорить, и все повернули головы в ту сторону, куда был направлен его взгляд. Реакция Волошина была мгновенной: практически не целясь, он выстрелил стоящему за дверями человеку в голову. Какой-то механизм сработал в его одурманенной алкоголем голове, и он даже не рассматривал того варианта, что человек мог быть абсолютно здоров. Тело грузно упало на перила лестницы.

– Что ты делаешь? – крикнул нарколог и устремился к двери.

Но было поздно. Человек в камуфляже был готов.

– Вот, чёрт! – ругнулся с досады Михалыч.

Похоже, что Волошин не понимал, что происходит. Он искренне удивлялся такой реакции остальных, но при этом не мог сказать ни слова. Нацик с Женей уже поднимали тело и несли вовнутрь, когда он смог выдать из себя лишь пару слов:

– Так я же...

– Что, ты же? Смотреть надо внимательно!

Там, где был убит человек, остался лежать старый штык-нож. Михалыч подошёл и поднял оружие. Пытаясь рассмотреть его в мягком освещении ресторана, он то мотал головой, то плевался и вёл себя как-то странно.

– Что с Вами? – спросила Саша.

– Ничего. Просто не могу поверить во всё это.

Женя и Нацик отнесли труп в подсобное помещение. Руки бэттера сами начали шарить у него по карманам. Нарколог просто наблюдал. Он рассматривал человека, который, возможно, был одним из выживших. Одним из такой же группы людей, которые прячутся где-то недалеко. Это был мужчина, которому не удалось дожить до сорока лет. Одет он был в такую же камуфляжную куртку, как и Михалыч, но штаны его были другой расцветки. Скорее всего, это был камуфляж одной из стран НАТО, но явно не отечественный. Добротные берцы тоже не вписывались в концепцию обмундирования украинской армии. Под курткой был тёплый свитер, на который уже успела попасть кровь.

Во внутреннем кармане Нацик нашёл паспорт и вложенную в него записку. Он передал это Жене. В остальных карманах он нашёл мобильный телефон, бумажник и сигареты. Всё это было аккуратно сложено возле тела.

– Идём, – кивнул Женя, приглашая Нацика вернуться в зал.

Там сидели остальные в полной тишине. Михалыч присел за свой любимый столик, положив на него штык-нож. Саша снова расположилась на выступе, а Волошин со стаканом сидел в углу под барной стойкой.

– Это был Василий Бескровный, судя по паспорту. Он оставил нам послание, – объявил Женя.

Он присел возле Саши и пригнулся, пытаясь пролить свет на кусочек бумаги, вырванной из блокнота. Там корявым почерком, печатными буквами было выведено последнее письмо Василия. Руки нарколога немного тряслись, выдавая то напряжение, в котором он находился. Он начал читать.

– Тому, кто найдёт эту записку. Прошу тебя об одном: похорони меня по-человечески, чтобы собаки не тягали по городу части моего тела. Пишет Василий Григорьевич Бескровный, 1973 года рождения. Я остался один во всём городе. Все сошли с ума. Едят друг друга, нападают на всё, что движется. Не знаю, сколько ещё продержусь. Убил жену. После того, как она убила детей. Господи, прости меня. Прости грехи мои. И самый тяжкий мой грех – я виновен в смерти человека. Наверное, это и есть кара за тот мой поступок. Если найдёте моё тело, похороните по-христиански. Будьте людьми. Если есть ещё люди. В. Бескровный, 1 января 2012 года.

Чтение письма в такой обстановке было сопряжено с сильными переживаниями – как самого читающего, так и его слушателей. Сначала спина Жени покрылась гусиной кожей, потом глаза начали покрываться пеленой, и только часто моргая, он сумел сдержать слёзы. Даже в таком, казалось бы, ничем не примечательном письме была отражена вся безысходность их положения. Саша не смогла совладать с собой, но реакция её организма в этот раз была более адекватной – она плакала. Михалыч вертел в руках штык-нож – увесистый и надёжный, который, без сомнения, спас жизнь его владельцу от обезумевших людей. Не смог только спасти от людей здоровых, но вооружённых и спорых на стрельбу. Нацик опустил голову и просто слушал, ощущая, что доля вины есть и на нём. А Волошин в это время мелкими глотками справлялся с очередным коктейлем – виски с колой. Казалось, ему было абсолютно плевать на то, что произошло.

После минутного молчания Женя заговорил, обращаясь к Волошину:

– Тебе мало? Дальше пьёшь?

– А тебе-то что с того?

– Может, в следующий раз ты в кого-нибудь из нас пальнёшь? – в его голосе слышались нотки гнева.

– Может быть. А чего ты так распереживался, Евгений? – с окаменевшим лицом спросил ППС-ник.

– Ты считаешь, ты правильно поступил? – спросил Михалыч.

– Я считаю, что он представлял опасность, – объяснил Волошин.

– Чем?

– Не знаю, во мне сработала реакция. Вот и убрал угрозу.

Нарколог сдерживал себя, как мог. Ему непонятно было, как этот человек может вот так спокойно об этом говорить, не чувствуя за собой и тени вины. Да, ему раньше встречались такие люди, но даже они не могли так цинично вести себя в

подобных условиях. Зная о «врачебном братстве» не понаслышке, Женя, тем не менее, никогда не выгораживал своих коллег, когда те были повинны в смерти пациента. Он предпочитал молчать. Но не молчали его коллеги, и это, в общем, и спасло его карьеру – он остался на своём месте после страшной ошибки. Сейчас он вспомнил тот случай, и только это помогло ему совладать с собой и не наброситься на милиционера.

– Послушай, Володя, – Михалыч говорил очень медленно. – Ты должен понимать, что ты убил абсолютно здорового и ни в чём не виноватого человека. Ты, конечно, можешь себе много оправданий найти, но забывать того, что ты сделал, ты не должен.

– Послушай, Михалыч, – язык ППС-ника уже был под контролем алкоголя. – Ты мне не будешь говорить, что я должен, а чего – не должен. Я как раз и выполнял свой долг. Сейчас главное не сопли распускать, а действовать. Так что, остынь.

– По-моему, тебе уже хватить пить, – заметила Саша.

– Знаю.

Он поставил пустой стакан на пол и замолчал. Молчал и Нацик. Он ненавидел Волошина, но в этой ситуации не мог решить для себя – прав был ППС-ник, или нет. Поэтому он не вступил в разговор, а так и сидел с опущенной головой.

Абсолютной неожиданностью стало продолжение разговора.

– Что он там писал о тяжком грехе? – спросил язвенник.

Женя достал записку из кармана и нашёл то место, о котором говорил Михалыч.

– И самый тяжкий мой грех – я виновен в смерти человека. Наверное, это и есть кара за тот мой поступок, – прочитал он.

– На мне тоже есть грех, – заявил Михалыч.

Его глаза наполнились слезами. Он настраивался на исповедь, это было видно.

2

– Мы жили с Клавой очень дружно. Это, наверное, именно тот случай, когда говорят, «жили душа в душу». Мы на самом деле любили друг друга. Нет, ссорились, конечно. Но я-теперь-то понимаю, из-за чего мы в основном ссорились. У меня скверный характер. Порой нужны годы, чтобы признаться себе в этом. Гораздо проще списывать всё на обстоятельства. Или ещё хуже – обвинять в своих ошибках кого-то другого. Я много думал над этим и пришёл к выводу, что именно мой дурной характер часто ставал причиной наших ссор. Мы не скандалили, нет. Но могли наговорить друг другу очень много. Делали больно. Ещё я часто выпивал. Пока были молодыми, это как-то не очень видно было. Но с возрастом мы начали понимать, что это уже не просто развлечение, а необходимость. Не раз по этому поводу мы ругались, но пить я так и не бросил. И вот, почти четыре года назад, я совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Михалыч остановился, пытаясь совладать со слезами, которые наворачивались на глаза. Он то дёргал себя за нос, то мял руки, но несколько капель всё-таки упали на стол, и он тут же их вытер рукавом. Переживания душили его, но язвенник старался держаться, понимая, что может надорвать себе сердце.

– Я тогда пошёл к своему другу «на чай». Так случалось периодически – я шёл, брал с собой бутылку-другую и мы с ним играли в карты, шахматы, просто говорили – и всё это время хлестали горькую. Но в тот раз всё было иначе. В общем, у него был стресс после того, как он похоронил племянника. Я понимал, что одной бутылкой разговор не закончится, поэтому взял не только две бутылки, но ещё и денег. В общем, не вдаваясь в подробности, я остался у него на неделю. Всё это время Клава пыталась меня найти. Телефонов мобильных у нас с ней не было, и она не знала, где живёт этот мой друг. Сходила с ума от переживаний, в общем.

Женя подошёл к Михалычу со стаканом воды и просто поставил его на стол. Сам же устроился рядом, чтобы в случае ухудшения состояния пенсионера, успеть ему помочь.

– Спасибо. В те времена я ещё был здоров, как бык. И неделю мы бухали, как проклятые. А когда деньги закончились, я решил всё-таки вырваться оттуда и пошёл домой. Не знаю, может, какие-то силы меня вернули, а может, так совпало... но, когда я пришёл, первое, что я увидел – это лежащую прямо в коридоре Клаву. Она была без сознания. Кое-как подняв её, я отнёс жену в зал и уложил на диван. Сначала пытался привести её в чувства, но потом понял, что всё намного серьёзней, чем я думал. Не раздумывая, набрал «скорую» и пошёл встречать на крыльцо. Когда приехали врачи, они сразу сказали, что у неё инсульт. Собрали вещи и повезли её в больницу. Через несколько дней ей стало лучше, но полностью восстановиться Клава не смогла... В итоге я забрал её домой и начал за ней ухаживать.

Саша вытерла очередную слезу. Михалыч на минуту умолк, но никто не пытался перебить этот монолог – все понимали, он ещё не закончил.

– Она была лежачей. Худая, почти безмолвная и с такими большими грустными глазами... Они мне снятся теперь... И даже после этого я не перестал пить. Бухал прямо дома, на кухне. Она это понимала, было видно по её глазам. Наливая очередной стакан, я клялся себе, что я её обязательно выхожу. Но наутро понимал, что она уже никогда не будет такой, как прежде... Несколько месяцев, – Михалыч остановился, чтобы выпить воды. Затем вытер рот и продолжил: – Несколько месяцев я поддерживал угасающий огонёк в её глазах. Но потом я напился снова. Крепко. И... она ушла. Сказали, что это был второй удар. Похоронил и запил конкретно. Жрал всякую дрянь, потому что готовить разучился. Пил сам, пил с друзьями. Потом вроде бы оклемался, дал себе зарок не бухать. Правда, иногда всё-

таки опрокидывал. Ну, а через год или что-то в этом роде, попал в больницу. Язва. Вот тогда мне врачи объяснили, что мне делать дальше и как я смогу выжить... Только Клаву уже не вернёшь...

К концу исповеди Михалыч всё-таки сумел взять себя в руки. Видимо, ему становилось легче от того, что он раскрылся и отлил из своей чаши горя ровно столько, чтобы разделить между своими друзьями по несчастью. Несколько минут все молчали. Потом заговорил Нацик.

– Вы уж простите меня, Михалыч. Я бываю подонком. Раз мы тут решили разгрузиться, то давайте разгружаться. Ваша история не новая, конечно, слышал я и не такие. Одно могу сказать наверняка: «бухло» – это инструмент приговора. Вас приговорили к разрушению семьи, к утрате любимого человека, к... – он пытался найти слова. – К потере здоровья. Водка всё это выполнила.

– Не вижу Вашей вины, Михалыч, – как-то неожиданно заговорил Волошин. – Мне кажется, что insult – это такая распространённая вещь, что к ней можно приписать всё, что угодно.

– Согласен. Предсказать insult тяжело. Довести до insult, в общем-то, можно, только одним своим поведением это сделать нереально. Думаю, что многие вещи наложились одна на другую, и это всё вместе привело к удару. Себя винить не стоит, – заключил Женя, но слова его звучали неуверенно.

Кому, как не Жене была знакома ситуация, когда ты не сделал всё возможное для спасения человека? Но говорить об этом вслух он был пока что не готов.

– Понимаю, вам всем хочется успокоить меня. Так и друзья делали, родственники. Я сначала упирался, брал всю вину на себя. Потом и сам стал верить в то, что я не виноват. Но спустя годы я всё-таки пришёл к выводу, что виновен я, и только я.

Михалыч посмотрел в окно, собираясь с мыслями.

– Во-первых, я знал о том, что у неё гипертония. Даже когда Клава волновалась по пустякам, ей уже становилось дурно. А тут такой огромный стресс – мужа нет, пропал. И неизвестно, где он и что с ним. Во-вторых, я ту неделю о ней даже и не подумал, я думал только о том, как напиться, а потом опохмелиться. Как с ума сошёл, ей богу. Будто в последний раз пил. В-третьих, я не остановился даже тогда, когда её хватил удар. И это, наверное, самый важный аргумент в пользу того, что я виновен. Так что, дорогие мои, не стоит тратить слова в мою защиту, это бессмысленно.

Он снова взглянул в окно, скорее всего, раздумывая, продолжать, или нет.

– Клава любила нашу дачу. Любила огород. Садила овощи, ухаживала, собирала, – всё это делала сама. Я изредка помогал. И когда она умерла, я после очередной рюмки написал в своей тетрадке корявым почерком несколько слов.

Он достал из внутреннего кармана свой блокнот и открыл на первой странице.

Там была всего пара строк:

– Всю твою жизнь земля кормит тебя, чтобы после своей смерти ты накормил её.

После этого он отвернулся и тихо плакал, уставившись в окно. Никто ему не мешал. Он закончил.

3

Откровение Волошина вообще повергло всех в шок. Во-первых, от кого вряд ли было ожидать подобных признаний, так это от него. Во-вторых, никто из присутствующих не мог и подумать, что младший сержант ППС, который постоянно строит из себя хладнокровного бойца, способен на это. Тем не менее, алкоголь развязал ему язык, и он как-то грустно начал:

– Моя история немного другая. И я вот уже с десяток лет живу с нею, живу этими воспоминаниями. Началось это в седьмом классе...

Он не стыдясь налил себе в стакан чистого виски, сел на своё место и держа стакан на весу, продолжил:

– Знаете, в американских фильмах часто показывают, как в школе дети издеваются над другими – бьют их, унижают. Моих родителей, например, это сильно возмущало. Типа, как это так? Что они там, в Америке себе думают. Но я-то знал, что в наших школах происходит то же самое. Всегда в каком-нибудь классе есть если не один, то целая группа изгоев, над которыми смеются остальные. Они могут выделяться по-разному: у кого-то очки толстые, кто-то самый толстый, а кто-то «ботан». Обычно такие дети нелюдимы и полны комплексов. Может, именно поэтому их не любят и даже издеваются над ними. В общем, есть много вещей, которые влияют на отношения одноклассников. Конечно, ближе к окончанию школы, все острые углы сглаживаются, а на выпускном вечере весь класс даже чувствует себя одной семьёй, но...

Волошин сделал глоток и почувствовал, как виски приятно обжигает его уже подготовленный пищевод.

– Но в младших и средних классах слишком много контрастов, на которых играют сильные и страдают слабые.

Такая философия и патетика поставила всех окружающих в тупик. Неужто Волошин может оперировать такими фразами?

– Мой класс, конечно же, не был исключением. Была «элита» – парни и девочки из богатых семей, красивые, сильные. Была «шерсть» – обычные девчонки и пацаны, ничем не примечательные. И были «лошки». Конечно же, лошки постоянно терпели обиды и побои элиты. Среди них были умные ребята, были бедные и были просто замкнутые в себе – неформалы, например. Я относил себя к шерсти, хотя семья у нас была бедная и ходить в школу в костюме, как полагалось, я не мог – не было за что его купить. В общем, и я, конечно, попадал под удар. Нет,

меня не били. Просто иногда подшучивали. А в детстве, сами понимаете, как это воспринимается.

Нацик кивнул с пониманием и продолжил слушать. Ему было чертовски интересно, о чём же расскажет этот «директор мира». Уже с первых предложений рассказа Нацик стал понимать, откуда у Волошина эта жажда власти – все корни из детства, всё, как и думал Нацик.

– Короче, – Волошин снова отхлебнул из стакана. – Могли подшутить, например, по поводу моего старого свитера. Новый мне не могли купить родители. Я воспринимал это очень враждебно, только ответить на такие шутки не мог. Поэтому часто отыгрывался на других, на лошках. Был у нас в классе Коля Зайцев. Типичный «заучка», «ботан». Худой такой, аж синий. Вечно освобождён от уроков физкультуры. Здраваться с ним за руку мог разве что один человек из класса – его сосед по парте Мишка Марченко. Но учился он на «отлично». Всё знал, всё учил. Всегда хорошо отвечал, был любимчиком у всех учителей. Честно говоря, не только я завидовал ему, элита тоже не любила его. В основном потому, что он такой умный. Списывать он давал без вопросов. Наверное, понимал, что только это его спасает от побоев. В общем, особо его не притесняли. Ну, могли бумажками оплевать, могли рюкзак в мусорное ведро положить или в туалетной кабинке потрясти, когда он ссал. Понимали, что если сильно обидеть этого лошка, то никогда больше списать он не даст и даже очень может быть, пожалуется классному руководителю.

Волошин замолчал, просушил горло и продолжил:

– Как-то на уроке физкультуры Коля как обычно «гулял», пока мы делали пробежку, а потом, когда мы закончили и ходили, восстанавливали дыхание, он полез на турник и пытался там подтягиваться. Элита сразу начала подшучивать и смеяться. Говорили, Коля, не гни турник. А мне как-то обидно стало, что вот мы бегаем, сдаём всякие зачёты, а он никогда ничего не делает, по каким-то болезням. И вот, пока он как сосиска вертелся на турнике, я подошёл сзади и стянул с него штаны. Ясен пень, он ничего не мог сделать, потому что держался руками за перекладину. Штаны я ему спустил аж до колен. В общем, те, кто был спереди от него, увидели его пиписку, а я был сзади, и видел, понятно, задницу. Короче, все смеялись так, будто увидели что-то нереальное. А Коля, быстро натянув штаны, в слезах убежал в раздевалку. Учитель, конечно же, записал мне в дневник плохое поведение. А учитывая то, до чего я довёл Колю, обещал рассказать это моим родителям на собрании.

– Ну, как бы, особо ничего страшного. У нас в школе и не такое было... – сказала Саша в то время как Волошин делал очередной глоток.

– Да не скажи, – мотал головой Волошин. – Я так и не извинился перед ним. Духу не хватило. Ну, и он избегал меня, конечно же. Как оказалось, у него было не

всё в порядке с половыми органами. – Волошин скосил на Сашу и продолжил: – Не буду вдаваться в подробности. Я этого не видел. Видели это те, кто был с другой стороны, когда я ему стягивал штаны. После этого элита стала часто подшучивать на эту тему. Коля всё это слышал, но держался и никакого виду не подавал. Это сейчас в школах, я слышал, есть штатные психологи, а тогда не было. И я понятия не имею, как он справлялся с таким стрессом. Но справлялся он недолго.

Тут Волошин умолк. Видимо, он подошёл к самому главному в его истории. Утерев нос, который был абсолютно сухой, ППС-ник допил остатки виски и, борясь с внутренним волнением, продолжил:

– В одно октябрьское утро Коля не пришёл в школу. На следующий день вся школа гудела. Коля повесился у себя дома. Ни записки, ничего... Вышел утром якобы в школу, дождался, пока родители уйдут на работу, вернулся домой и повесился. Разные слухи ходили. И что родители разводятся, и что он болел неизлечимой болезнью. Но я-то понимал, в чём дело. Парень просто не выдержал. Мне стало так стыдно, так жалко его, что я просто не могу передать! А ведь время назад не вернёшь, ошибку не исправишь. Один дурацкий поступок. Одно унижение – и человек лезет в петлю...

Волошин замолчал. Он не плакал, но в его глазах было столько досады, что будь он ребёнком, обязательно зарыдал бы. Саша подошла к нему и присела на корточки.

– Брось. Ты никогда не узнаешь, почему на самом деле мальчик так поступил. Мне кажется, ты зря берёшь всю вину на себя. В жизни, как бы, случаются такие вещи, что не знаешь, как на это отреагируют другие. Ты винишь себя в его смерти, скорее всего из-за того, что сам поступил бы так. Но тот мальчик мог сделать это совершенно по другим мотивам, понимаешь?

Волошин кивнул. Он старался смотреть куда угодно – лишь бы не на неё. А она смотрела ему в глаза, и слёзы, почему-то выступали на глазах именно у неё. Слёзы эти были прологом к её истории.

4

– Знаете, я ведь тоже чувствую за собой вину в смерти, – пытаюсь говорить ровно, начала Саша. – Вы не одни здесь такие. Может быть, у всех нас есть что-то такое, о чём мы предпочли бы молчать. Но, как бы, наступает момент, когда просто надо раскрыться. Ведь мы не знаем, доживём ли мы до завтра...

Она вытерла слёзы и, окончательно совладав с собою, продолжила:

– Я училась в Кировоградском педагогическом университете после того, как окончила одиннадцатую школу здесь, в Александрии. Родители заботились о том, чтобы я училась, чтобы мне всегда всего хватало. Они у меня, как бы, интеллигенты – папа известный юрист, а мама – преподаватель украинского языка

и литературы. Я не скажу, что мы жили бедно. Разве что, в девяностых годах... Но, как бы, я была маленькая тогда. Короче говоря, они мне сняли квартиру в Кировограде, полностью обеспечивали моё проживание. В общем, я себе ни в чём не отказывала. Но и не скажу, что сильно шиковала там. Да, в общежитии не жила, но и экономила там, где была возможность. Как-то моя мама заболела. Как бы, ничего опасного, казалось. Её всю жизнь мучали головные боли. Она мне говорила, что уже привыкла. Голова у неё болела постоянно, только раз в неделю боль становилась ужасной. Но с этим она справлялась. И вот, когда я была на втором курсе, проблема с головной болью у неё ужесточилась. Если раньше у неё стабильно один раз в неделю голова болела невыносимо, то такие приступы стали учащаться.

– Знаю, что это такое, – кивнул Женя, когда Саша сделала паузу, чтобы собраться с мыслями. – Вернее, имею представление. У твоей мамы, наверное, новообразование в мозгу было.

Саша бросила взгляд на него и продолжила:

– В общем, сначала был один приступ в неделю, потом – два. Когда их стало три, мы все вместе сели на семейный совет и папа, как бы, предложил маме лечь в больницу на обследование. Настроен он был серьёзно. Я же сомневалась. А мама вообще ни в какую не хотела проходить все эти рентгены, томографию и прочие исследования. Она у меня такой всегда была. По правде говоря, мама, как бы, призналась, что она просто сильно боится, что у неё найдут что-то в голове или при процедуре что-то нарушат. Будучи умным человеком, она понимала, что страхи её, как бы, глупые. Но всё же боялась. Поэтому я стала на её сторону. Вместе мы убедили отца в том, что не стоит паниковать, и решили перейти на более серьёзные болеутоляющие препараты, которые можно было купить без рецепта. И вот, однажды, когда я была в Кировограде, мама позвонила мне после занятий и сказала, что чувствует себя плохо, но боится говорить об этом отцу. Просила, чтобы я приехала и привезла ей несколько упаковок таблеток, на которые она, как бы, «подсела».

Тут Саша, погрузившись в воспоминания, замолчала. Глаза у неё налились хрусталём и вот-вот должны были капнуть первые слёзы. Рот немного дёргался. Всё говорило о том, что ей чрезвычайно тяжело давались не столько исповедь, сколько воспоминания.

– Я тогда не могла приехать. Вернее, могла, но не захотела. Дело в том, что на тот вечер я согласилась встретиться с парнем, который добивался меня почти год. В общем, он меня едва уговорил, чтобы я пришла на свидание. Мне он тоже был симпатичен, как бы, и... Короче, я не смогла поменять планы, а маме попыталась объяснить... вернее, наврала, что у меня по учёбе завал и я не смогу приехать. Была пятница, и я, как бы, должна была ехать домой. Ведь я почти каждую пятницу

вечером садилась на автобус и ехала в Александрию. Но в ту пятницу я не поехала, потому что хотела идти на свидание. Оказалось, маму мучила боль почти всю неделю. И она не могла дождаться, когда же я приеду...

Саша снова умолкла и разрешила слезам скатиться по щекам. Чувствуя безмерную вину перед матерью, она наклонила голову. Лоснящиеся волосы упали вниз, закрывая ей лицо. Но она продолжала:

– Я, как бы, осталась в Кировограде, а утром мне позвонил отец. Пока я спала, мама умерла... Ночью ей стало совсем плохо, она даже потеряла сознание. И больше не очнулась. А я... а я...

Тут слёзы у Саши полились рекой. Женя встал и подошёл к ней. Обнял и попытался успокоить.

– Саш, не надо винить себя. Мне кажется, что ты не смогла бы помочь матери, – говорил он.

– Да, Саша, ты здесь не при чём. Если суждено ей было уйти в ту ночь, то ничего бы ты не сделала, – сказал Михалыч.

– Я... хотя бы побыла с нею рядом... – рыдала Саша. – А так, бросила её умирать одну.

– Почему одну, с ней ведь был твой отец? – спросил Нацик.

Саша не ответила, только плакала. В зале стояла чрезвычайно тяжёлая атмосфера. К угнетающим чувствам присоединились чувства безысходности. Сочувствие делило умы с отчаяньем. Трое уже рассказали о таких вещах, которые в иной раз не рассказали бы никому, но Женя и Нацик пока молчали.

– Мамочка, прости, – плакала Саша и даже у Михалыча на глазах выступили слёзы.

Нет, она не кричала, но в голосе её было столько боли, что и без того больное сердце язвенника сжалось. А Женя ей сказал:

– Послушай, Саша. Не кори себя. И вправду, ты не при чём. Видишь, я не один так считаю. Ты даже не знаешь, насколько ты ошибаешься, когда пытаешься найти свою вину там, где её и следа нет. Если ты думаешь, что ты виновата в смерти матери, то как тогда быть со мной? Моя вина просто очевидная. Из-за моей глупости действительно умер человек...

5

Женя примостился рядом с Сашей, которая пыталась успокоиться. Он скрестил кисти рук и сидел, смотрел на них какое-то время. Складывалось впечатление, что он пристально рассматривает свои руки, но он думал, с чего начать свою историю. Затем он поднял голову, посмотрел на Сашу и снова опустил взгляд на свои руки.

– Когда-то я был славным бухарем, – произнёс он. – Вот уж никогда не подумал бы, что скажу это в кругу людей. Прямо как в анонимных алкоголиках...

Он улыбнулся, но понял, что шутки здесь неуместны.

– Не могу сказать, что среди врачей нет пьющих. В особенности в нашем городе, типичном провинциальном городке. Поскольку я знаком со всеми врачами на Победе, да и с большинством из первой больницы, то могу сказать с уверенностью: где-то 20-30% из них злоупотребляют алкоголем. Это я говорю о тех, кто употребляет даже на работе. Соответственно, их навыки заметно ухудшаются, когда на ночном дежурстве они вливают в себя всё, что горит. Бывают такие, что пьют и днём.

Нацик улыбнулся и кивнул на Женю:

– Это ты о себе, да?

– Да. Признаюсь, пил днём на работе. Но не так много, как вечером. Конечно, это смотрится отвратительно, когда нарколог пьёт прямо на работе. Пациенты, конечно, не знали, хотя догадывались. Но коллектив это терпел. И вроде бы не бесценный сотрудник, а заменить, видимо, было некем. Пить я начал давно. Но на работе как-то держался. А потом, в силу разных обстоятельств, начал приносить с собой.

– Знаем мы эти обстоятельства, – буркнул Михалыч. – Это называется «повод». Выпил за победу команды или напился с горя от поражения. Проходили это.

– В общем, Вы правы, Михалыч. Сейчас я уже могу свободно говорить об этом. Да, тут нужен только повод. А повод найдётся в любом случае. В моём случае всё сводилось к неудачам на личном фронте. Ну, никак я не мог зацепиться за женщину. Не могли мы долго встречаться.

И Нацик и Женя одновременно посмотрели на Сашу. Та внимательно слушала.

– В общем, схема была довольно простая. Знакомство, пара встреч, ко мне домой, алкоголь, постель, утром на работу. Если похмелье было сильным, брал с собой что-то покрепче. Но пил на работе осторожно. Никогда не позволял себе шататься или пить до такой степени, чтобы оговариваться или чтобы язык заплетался. Держался. Заведующий отделением смотрел на это сквозь пальцы, но контролировал. Если я несколько дней подряд «кирчал», то устраивал мне выговор и отправлял домой.

Михалыч зевнул. Вступление явно затянулось, как ему показалось.

– Как-то раз ко мне на приём пришла женщина лет пятидесяти. По её глазам я видел, что она в отчаянье. Знаете, сколько я таких печальных и даже отрешённых взглядов видел за свою практику? Так вот: она пришла и начала говорить о своём сыне. Он у неё молодец, работает, зарабатывает, умный, перспективный. Но есть одна проблема. Как она изъяснялась, «сидит в нём гадость». То есть, пьёт, короче. Я сам-то в ящике держал початую бутылку коньяка, которую в тот день уже доставал. А она всё рассказывает. Ничего нового, обычный случай. Мол, всё перепробовали. Кодироваться не хочет, «зашиваться» не будет и так далее. В таких

случаях я всегда говорил, чтобы клали к нам на стационар. Но мать была уверена, что сын не придёт. В общем, будучи во хмелю и желая побыстрее от неё отделаться, я выписал для сына тетурам.

– Что? – спросил Волошин.

– Тетурам. Есть такие капельки. Это когда не помогает ничего. Если в двух словах, рассчитан он на то, чтобы вызывать отвращение от алкоголя на почве страха. Начинаете поить родственника тетурамом, а он возьми, и выпей водочки. После приёма дозы алкоголя – даже бокала пива – у человека краснеет лицо и шея, колотится сердце, падает давление. В общем, ощущения не из приятных. Обычно алкоголику хватает нескольких раз, чтобы отказаться от таких ощущений и не пить больше. Но тут, понимаете ли, важна доза. Обычно для того, чтобы подобрать эту дозу, нужно помимо согласия больного ещё несколько раз принимать препарат и смотреть на реакцию. В общем, это делается в клинических условиях. Но, видимо, посчитав себя опытным врачом, я ей прописал среднюю дозу препарата и объяснил, как давать.

– М-да, – начал чесать затылок Михалыч, догадываясь, о чём речь.

– Я не спросил ничего о том парне. Просто назначил препарат заочно, так сказать. Мало того, что он понятия не имел, что делает с ним мать, так она ещё и дозу ему давала чуть больше, чем я назначал. Что говорить? Через несколько дней буквально, этот парень попадает в реанимацию с критически низким давлением и ещё кучей всего, что объяснять вам нет смысла. Он умер. Как мне объяснял дежурный, его привезли поздно вато. Потом пришла мать в чёрном платке и тихим, спокойным голосом прокляла и меня, и себя. Когда она ушла, я заглянул под стол и обнаружил там дешёвый виски. Приём был окончен.

Нарколог закончил и поднял голову, стараясь увидеть реакцию на его исповедь. Михалыч почему-то теребил свой нос, Нацик поджал губы, а Саша протянула свою руку к его руке.

– Всё могло бы обойтись, если бы та женщина дозу правильно давала. Ты не виноват, - попыталась успокоить его.

– Та не скажи, он – врач. Он несёт ответственность. И что тебе за это было? – спросил Нацик.

– Женщина не стала писать заявления и даже не скандалила. Поэтому всё осталось только на моей совести, - Женя снова опустил голову. – А это наказание потяжелее будет...

Волошин, который тянулся за новой порцией коктейля, передумал. История произвела на него впечатление. Ни успокаивать, ни оправдывать, ни даже обвинять Женю он не стал. По большому счёту, он, как и сам Волошин был виновен лишь отчасти. Но совесть не приемлет таких разделений вины.

Время шло, и все высказавшиеся всё больше косились на Нацика. Это, конечно же, не ушло от его глаз. Но реакция Нацика была предельно простой: он всего лишь улыбался в ответ на взгляды остальных. В конце концов, он решил прекратить эти немые укоры и, зевнув, сказал:

– Если вы ждёте от меня каких-то признаний, то придётся вас разочаровать: я не чувствую за собой вины за чью-то смерть. На мне нет греха. Если вопросов нет, предлагаю перейти к голосованию. Кто за то, чтобы составить график дежурств?

Явно разочаровавшись в бэттере, группа, тем не менее, поочерёдно подняла руки, заявив о поддержке вопроса. Все хотели спать, но в эту ночь, похоже, никто не хотел дежурить первым. Тогда Нацик стал размышлять вслух:

– Михалыч уже давно клюёт носом. Ему надо спать. Пожалеем возраст, старость – не радость. Так говорится?

– Знаешь, как говорится на самом деле, дорогой мой? – вздохнул язвенник. – Старость наступает в тот момент, когда начинаешь завидовать людям, моложе тебя. Бывает у тебя такое, ведь правда?

После этих слов он молча снял с себя куртку и пошёл моститься в углу.

– Та-а-ак. Михалыч будет последним. Господин полицмейстер не желает ли подежурить первым?

– Иди в задницу, фашист, – был ответ.

Волошин был пьян, но его боевой дух сильно упал после таких трогательных историй. Устраивать грызню или даже драку, конечно же, можно было, и, наверное, даже стоило. Но все мы люди и всем надо отдыхать.

– Ясно. Хорошо, дадим правоохранительным органам часок поспать. Будешь вторым.

Поскольку никаких апелляций не последовало, Нацик обратил свой взор в сторону Жени и Саши.

– С Сашей понятно, она перенервничала. Дадим ей возможность отдохнуть. Пускай она будет четвёртой.

Понимая, что его игривый тон не будет поддержан, Нацик тем не менее продолжал лепить дурака:

– И главная интрига вечера: врач-нарколог или спортсмен-компьютерщик?

Женя хмыкнул, всё-таки удивительным было самообладание у этого наглого паренька! Но сказать ничего не пришлось – за него ответил всё тот же Нацик.

– Ладно, доктор. Я буду первым. Идите, ложитесь, – последняя фраза была адресована уже двоим – наркологу и библиотекарьше.

Пока все разбредались в поисках удобного места для сна, Нацик, сложа руки на груди и уставившись в ночь, обдумывал ближайшие перспективы их совместного выживания.

По его расчётам, зачистка города должна была начаться либо этой ночью, либо завтра утром. Иначе операция могла выйти из-под контроля, либо о случившемся узнали бы журналисты. Здесь главное время. Военные не будут тянуть резину долго – действовать начнут, как только позволят обстоятельства. Как будет проходить зачистка – Нацик понятия не имел, но понимал одно: накрывать город огнём артиллерии не будут, утюжить с воздуха – тоже. Если город в кольце, то военные просто начнут это кольцо сужать.

Сначала произведут разведку. Вроде бы под Кировоградом есть истребители, а где есть истребители, там может быть и беспилотник. Пустят над городом, и полная карта будет у них в руках. А что, собственно, они хотят увидеть в городе? Самоорганизовавшихся зомби или всё-таки вооружившихся выживших. Это имело большое значение. В любом случае, Нацик воспользовался бы беспилотником.

– Может, он уже летает, – прошептал Нацик.

А про себя подумал: и что он ночью может «разглядеть»? Современные БПЛА могут «видеть» в темноте – он читал целую статью о западных разработках. И не только видеть, а и точно корректировать огонь. Правда, в его случае, скорее всего, огня не будет.

Где-то далеко, в стороне Ж/Д-вокзала слышались выстрелы. В такую тихую ночь они были прекрасно слышны даже с такого расстояния. Кто-то поливал свинцом окрестности, шевелился свет прожекторов. Утихло. Нацик представлял себе выстрелы немного другими. Видать, в компьютерных играх, всё-таки не используют звуки настоящих автоматов. Словно напоминая о себе и о скорой зачистке, выстрелы раздались снова. Им вторили пулемётные очереди в другом конце города. Нацик уже сидел на своём месте и думал, что делать дальше.

Когда он решил пройтись, первым делом глянул в окно на проспект Ленина. Улица всё так же была освещена фонарями и хорошо просматривалась. Вокруг торгового центра было спокойно, а возле дома культуры, который совсем недавно был их базой, время от времени мелькали силуэты. Главное, чтобы они не пошли сюда.

* * *

Ночь прошла спокойно, и все дежурства одно за другим миновали без происшествий. Пришёл черёд Михалыча. Он выспался, насколько можно об этом судить по его возрасту, и был в хорошем настроении. Даже причесался не весть откуда взявшимся гребешком.

За окном было уже светло, и язвенник стоял лицом к окну, из которого наблюдал за проспектом. Мизерные остатки снега, разбросанные там и сям, напоминали о том, что за окном зима. И, вполне возможно, настоящий мороз. Но стоило взглянуть на термометр за одним из окон, которое всегда находилось в тени, и стало понятно, что температура буквально балансирует на нуле.

Какой-то знакомый звук послышался со стороны железной дороги. Сначала Михалыч не смог узнать его, но потом понял – летит вертолёт. Машина не спеша двигалась со стороны вертодрома на небольшой высоте прямо по направлению к торговому центру. Михалыч никогда не видел, чтобы вертолёты из александрийской части летали так низко над городом – ни в советские времена, ни во времена независимости. Звук всё нарастал и стали просыпаться Женя с Сашей, которые были ближе всего к залу ресторана.

Не теряя времени, Михалыч бросился к выходу. Прыгать было опасно, и он полез по баррикадам, которые выросли на ступеньках торгового центра. Едва его ноги коснулись земли, он побежал к фасаду здания на видное место, где между клумб была когда-то давно положена бетонная плитка. Остановить его никто не успел, а когда Волошин бросился к выходу, чтобы догнать Михалыча, его остановил Нацик с криком «Стоять! Ты нас всех похоронить здесь хочешь? Ушли все от окон и дверей!». И вместо того, чтобы последовать за язвенником остальные члены группы спрятались, чтобы не быть замеченными через окна заведения. За происходящим наблюдал только Женя, который занял место за ближайшей к окну колонной.

Когда вертолёт приблизился настолько, что мог видеть язвенника, тот стал отчаянно махать руками и кричать «Мы живы!». Его крик терялся в грохоте лопастей военного вертолёта. Железная стрекоза зависла над проспектом Ленина, и в этот момент Женя понял, что произойдёт. Но взгляда он не отводил. Михалыч успел сделать несколько шагов навстречу вертолёту, а потом заработал пулемёт. Всего пару секунд длилась очередь, вздымая куски асфальта, моментально добравшись до того места, где стоял язвенник. Плитка вокруг него взрывалась фонтанами, и поднялся такой столб пыли, что ничего увидеть Женя не сумел. Когда очередь закончилась, сквозь столб пыли он смутно мог разглядеть то, что осталось от Михалыча. Пули такого калибра не оставляли никакого шанса человеку. И тогда Женя отвернулся. Он зажмурил глаза, и, увидевшая это Саша, всё поняла. Вовремя закрыв рот ладонью, она смогла сдержать крик отчаяния и ужаса.

Машина тем временем в том же положении улетела, не меняя курса.

7

Эмоции, которые захлестнули группу выживших, несколько минут не давали сказать и слова. Саша плакала, Женя обнял её и гладил по спине, успокаивая. Нацик достал сигареты, которые нашёл недавно, и закурил. Волошин сразу же пошёл к бару и выплеснул остатки дешёвого виски в новый стакан. Ни у кого не было желания подойти к окну и выглянуть, чтобы посмотреть на тело Михалыча – все прекрасно понимали, что они увидят.

– Так нельзя, – наконец сказал Нацик. – Нужно его похоронить.

– Я даже знаю, где у них тут лопаты, – вставил Волошин.

– Выходить сейчас – это самоубийство, – констатировал Женя. – Хотя, с другой стороны, нам придётся уходить.

– Да. И чем быстрее, тем лучше. Я вообще удивляюсь, как он сюда ракетой не шарахнул для верности. – сказал Волошин, опорожняя стакан.

– Нужно решить, куда идти, – говорил Нацик. – Схема остаётся прежней: здание, желательно двухэтажное. «Горняк»?

– Я тоже склоняюсь к «Горняку». Но там две лестницы и нужно кучу хлама положить, чтобы их блокировать, – отметил Женя.

Он повернулся в сторону Волошина, желая узнать, что об этом думает ППС-ник. Тот ответил:

– Хлама там полно. Земля тебе пухом, Михалыч. Мы тебя похороним, как только сможем.

Так было решено идти в «Горняк». Благо, он был совсем рядом – стоило только пройти два двора у многоэтажных домов. Мешкать не было, когда – вертушка могла вернуться в любую минуту. Собрали всё необходимое и с оружием наготове (Саше дали ружьё Михалыча) покинули «Орион».

Скользнув в арку между домами №100 и №98, выжившие трусцой побежали вдоль 98-го дома по направлению к торговому центру «Горняк». Во главе был Волошин, замыкал – Нацик. Уже возле гаражей во дворе им встретился укушенный. Волошин не медлил: короткой очередью скосил его и, без остановок, команда добежала до левого крыла торгового центра. Обогнув его сзади, они очутились во дворе самого высокого строения города – четырнадцатизэтажного дома. Там, среди трупов копошились пьяные. Увидев выживших, они поднялись и, пошатываясь, двинулись к группе. Женя и Волошин быстро расправились с «залётными» и расчистили себе путь к арке в самом здании «Горняка». Выбежали на проспект Ленина и, повернув влево, оказались перед одним из входов в здание.

Волошин быстро расправился с дверьми – они были не очень надёжные. Завыла сигнализация. Увидев, где расположен динамик, её выключил Нацик метким выстрелом.

– Нашумели мы сильно. Теперь все эти стенды валим на вход! – дал команду Волошин.

Из близлежащих отделов стащили стенды и плотно забили входную дверь. С той стороны, на улице, уже начали собираться укушенные. Они пытались пробраться в двери, но их быстро снимал Волошин. Когда со входом было покончено, группа, понимая, что надолго их не задержать, рванула по лестнице наверх. Там действительно «хлама хватало»: разнообразные стенды, шкафы, тумбы, товар самого разного назначения. Всё это сваливалось и трамбовалось до тех пор, пока стало ясно: никто не сможет пробраться с этой стороны. По крайней мере, на это

уйдёт столько времени, что любого «гостя» успеют расстрелять.

– Теперь правое крыло! – пыхтя как паровоз скомандовал Волошин.

Все бросились ко второй лестнице. Она была более широкой и для её блокирования понадобилось бы куда больше времени, чем для первой. Решено было отложить это. Уставшие, обессилившие и всё равно беспокойные, выжившие вернулись к левой лестнице, чтобы проверить, нет ли там «пришельцев». Как оказалось, всё было спокойно. И даже снаружи стало тихо – видимо, укушенные бросили все попытки прорваться к живым.

– Фу-у-уф, – облегчённо вздохнул Женя. – Давно я так не разминался. Люди, у нас есть что пожрать?

Саша, не ожидавшая от нарколога такого сквернословия, на секунду замешкалась, но потом ответила:

– Сейчас наделаю бутербродов и откроем консервы.

Волошин, допивая литровую бутылку негазированной минералки, одобрительно кивнул. Зашуршали пакеты и на ближайшем столе, который остался сиротливо стоять в углу одного из отделов, разложили харчи. Саша мигом наделала бутербродов с сыром и колбасной нарезкой, Нацик открыл несколько консервных банок. Ему помог Волошин, воспользовавшийся своим новым ножом.

– Не затупится? – спросил Нацик у Волошина, наблюдая за внушительным лезвием.

– Этот – нет.

Когда всё было готово, прежде, чем приступить к еде, Женя поднял руку, давая понять, что хочет сказать о чём-то.

– Друзья. Прежде, чем мы покушаем, давайте помолчим минуту и помянём нашего старика. За то, короткое время, что он провёл с нами, Михалыч стал для нас настоящим отцом. Думаю, не буду преувеличивать, если скажу: он вызывал уважение и был... душой компании. Только вчера он признался нам в том, что за ним есть грех. И вот сегодня его уже нет. Пусть Господь примет его исповедавшимся. Спи спокойно, Михалыч.

Все молчали до тех пор, пока не услышали звук приближающегося вертолётa. Бросив еду, они побежали к окнам, завешенным плакатами и сквозь прорехи стали наблюдать за небом над проспектом Ленина. Вертушка шла со стороны БАМа на низкой высоте. Укушенные, которые только недавно пытались прорваться в здание, вышли на звук и стояли, обратив свой безумный взгляд на юго-восток. Из-за крыш домов показался Ми-8 и завис над проспектом в том месте, где деревья не мешали обзору. Укушенные стояли на своих местах, когда их начали поливать свинцом. Картину расстрела теперь видели все. И если до этого Саша, Волошин и Нацик только догадывались, что осталось от Михалыча, то теперь они могли видеть это воочию.

Первой не выдержала Саша. Он бросилась прочь от окна вглубь здания и забилась в угол. За ней метнулся Женя. Нацик лишь отвернулся и присел прямо у окна. Волошин спокойно пошёл к столу и взял бутерброд. Он что-то говорил, но сквозь шум винтов и пулемёта ничего не было слышно. Вертушка не задерживалась и скрылась: по звуку – назад.

Когда все успокоились и снова собрались вместе, есть уже не хотелось никому – одних тошнило, «другие» уже наелись.

– Что будем делать дальше? – заговорил Волошин.

Он был единственным, кому картина расстрела крупнокалиберным пулемётом не испортила аппетит. И, похоже, единственным, кто решил посоветоваться, что делать дальше. Все молчали. Он уже открыл рот, чтобы внести своё предложение, когда заговорил Нацик:

– Тихо. Слышите?

Остальные насторожились и попытались расслышать то, что слышал бэттер. А слышал он гул моторов. И очень отчётливо.

8

Первым с места рванул Волошин. Конечно, он догадался, что происходит, и он хотел, как можно скорее убедиться в своих догадках. Когда он подбежал к окну, из которого снаружи его невозможно было разглядеть – разве что в бинокль или оптический прицел – его взору предстала картина, которая могла обрадовать любого милитариста.

По городу, по его центральной улице двигалась колонна бронетехники. Соблюдая правила дорожного движения, БТРы, грузовики и БМПшки ползли по правой полосе проспекта Ленина. Скорость движения колонны была небольшой и за время её следования все могли не только пересчитать бронетехнику, но и внимательно её разглядеть. Разукрашенная под камуфляж «цифру», она представляла собой что-то новое на вооружении не то украинской армии, не то Внутренних войск. На броне не было видно ни одного человека, зато в конце колонны двигались «слоники» - небольшая группа солдат в костюмах химзащиты и в противогазах. Замыкали колонну БТРы.

Прячась за плакатами, выжившие провели взглядами технику, так и не сказав друг другу ни слова. Возможно, все они боялись, что каким-то загадочным образом военные их услышат, и пока хвост колонны не скрылся из виду, никто не решался произнести хоть что-нибудь. Наконец, молчание нарушил Волошин:

– Хреновы наши дела. Если техника вошла уже в город, то нам уже не выбраться отсюда никак. Чтобы зачистить всю Александрию, им понадобится меньше суток. Спрятаться вряд ли получится.

– Что они будут делать? – спросила Саша.

– Ты ещё не поняла, что они сделали с Михалычем? – ответил вопросом на вопрос Нацик.

* * *

Никто из них не стоял уже возле окон и увидеть то, что происходит на улице, они не могли. Пока группа делилась впечатлениями от увиденного и судорожно думала над планами спасения, со стороны торгового центра «Орион» к «Горняку» двигалась группа солдат. По всему было видно, что это спецназовцы – их действия были слаженными, экипировка профессиональной, а звуковое сопровождение равнялось нулю. Отряд из шести человек быстро приблизился к той двери, которую ещё недавно забаррикадировали выжившие.

Командир отправил двоих бойцов ко второй двери, которая находилась в другой стороне здания. Они вдоль стены «гуськом» проследовали туда. Убедившись, что за дверьми никого нет, а сами двери не представляют собой никакого серьёзного препятствия, боец доложил командиру по рации. Тот не медлил с ответом, и остальная часть отряда примкнула к этим двоим. Командир дал приказ штурмовать.

Приклад разбил окно металло-пластиковой двери и внутрь полетела светошумовая граната. Она взорвалась через считанные секунды, выпустив из разбитой двери облачко полупрозрачного дыма. Группа ворвалась на первый этаж «Горняка» и, передвигаясь в чёткой последовательности по отработанному механизму, проверяла одно помещение за другим.

«Чисто», – то и дело звучало в эфире.

Добравшись до заваленной вещами и мебелью лестницы, отряд перегруппировался и после команды повернул назад, ко второй лестнице. Вторая была намного шире первой и забаррикадировать её выжившие не успели. И смогли бы? Забросив ещё одну гранату на второй этаж и дождавшись взрыва, отряд бросился сразу по двум пролётам лестницы вверх, оцетинившись чёрными стволами. И снова он растёкся по отделам и закоулкам, на этот раз уже второго этажа.

«Чисто», – неоднократно звучало в наушнике командира.

Добравшись до первой лестницы, отряд так и не нашёл никого на этом этаже, хотя всё говорило о том, что здесь вот совсем недавно были люди. И люди эти оставили здесь все свои припасы, в спешке исчезнув, растворившись в воздухе.

Командир был озадачен и дал команду снова прочесать этаж, но отряд не успел этого сделать, поскольку почти сразу же один из бойцов нашёл полуприкрытую, взломанную дверь, ведущую в какой-то тёмный коридор. Прикинув, командир понял, что коридор этот может вести только в 14-этажное здание – «Горняк» был пристройкой этого александрийского «небоскрёба».

Когда отряд покинул «Горняк» и прочёсывал каждый этаж высотки, он наконец-то позволил себе кашлянуть...

Когда отряд спецназа только появился у «Горняка», группа выживших делилась своими мыслями по поводу того, что делать дальше.

– Значит так, рассказываю один раз и не повторяю, – говорил Волошин. – Если мы будем здесь, а они начнут прочёсывать здание, у нас очень мало шансов на выживание. Даю сто процентов, что приказ у них – огонь на поражение. Поэтому действовать нужно быстро. Вступать с ними в бой бессмысленно – они как ни как военные и обучены убивать быстро и...

– ...эффективно, – закончил фразу Нацик. – И что тогда делать?

– Не перебивай! – рявкнул Волошин. – Не время сейчас. Единственный выход, если они нападут...

Договорить он не успел – на первом этаже разбилось стекло и через мгновение рванула светошумовая граната. Саша вскрикнула, но не настолько громко, чтобы её могли услышать внизу, с другой стороны здания. Действовать нужно было быстро и на раздумья времени не было. Не повышая голос, Волошин попытался как можно короче и яснее рассказать, что нужно делать.

– Сейчас они будут подниматься на второй этаж. Прячемся. В вещах, в шкафах – где угодно. Главное – быстро.

Женя с Сашей побежали к первому попавшемуся отделу, где осталась мебель. Под прилавком было достаточно места, чтобы затаиться одному человеку. Женя буквально запихнул туда Сашу и набросал на неё сверху запакованный в клеёнку китайский трикотаж. Сам метнулся вправо и, сорвав со стенки целый каскад одежды на «плечиках», бахнулся в тёмном углу на пол и укрылся этим ворохом. Своё ружьё он держал при себе.

Нацик побежал ко второй лестнице в самый дальний отдел, где за ярким прилавком были выложены разнообразные подарки. Открыв дверцу под прилавком, он шустро выгреб оттуда коробки и, согнувшись в три погибели, с автоматом в руках, втиснулся в тесное пространство. Как закрыть дверцу изнутри – он понятия не имел, поэтому только прикрыл её, оставив себе небольшую щёлочку для наблюдения.

Волошин знал, что ему делать. Он сориентировался довольно быстро, ведь несколькими минутами ранее уже прокручивал в голове действия в подобной ситуации. Нужно было сбить с толку отряд, обвести вокруг пальца, направить на ложный след. Выбора особо не было – либо увести их за собой с боем, либо...

Когда отряд уже приближался к лестнице, Волошин нашёл ту дверь, которая вела в коридор, связывающий «Горняк» со зданием бывшего общежития на четырнадцать этажей. Это был подарок судьбы. Волошин приоткрыл дверь, а сам метнулся в сторону кофейного отдела. Там, под стойкой, по идее можно было

спрятаться. Но на долго ли? Если план сработает, у них будет достаточно времени, чтобы выйти чёрным ходом на первом этаже.

Только Волошин устроился полулёжа за стойкой, как шарахнуло снова.

* * *

Надышавшись зловониями невесть какого качества краски, которую использовали жители Поднебесной для своих поделок, Нацик едва сдерживался сначала чтобы не чихнуть, а потом – чтобы не закашлять. Только он понял, что на втором этаже никого нет, он кашлянул. Осторожно, будто бы боялся себя выдать. Дверца скрипнула и он, с автоматом в руках начал высовываться из своего схрона. Прислушиваясь к каждому мельчайшему звуку, Нацик, пытался понять, один он здесь, или нет. По крайней мере, он был уверен в том, что по этажу не ходят солдаты. Но где его друзья по несчастью, он не знал.

Прошёл несколько отделов, прежде чем услышал едва уловимое движение сзади. Быстро обернувшись, Нацик едва не вскрикнул – у него за спиной стоял Волошин. Он держал указательный палец у своих губ, давая понять, что стоит помолчать. Вместе они пошли в ту часть здания, где прятались Женя с Сашей. Найти их было трудней, чем думал Волошин, а Нацик и вовсе понятия не имел, где можно было прятаться в этих больших и маленьких ячейках-отделах.

Им помог сам Женя. Он аккуратно отодвинул со своего лица тряпки и, увидев своих, произнёс шёпотом:

– Пс-с. Я здесь!

Аккуратно и как можно тише, Женя стащил с себя ворох одежды и встал на ноги. Стараясь больше не общаться, они направились к отделу, где пряталась Саша. Женя нашёл её, трясущуюся, там, где оставил несколько минут назад. Умница Саша не издала ни единого звука и держалась молодцом, хоть и переживала огромное волнение. Всё так же тихо группа направилась за Волошиным, который поманил их за собой. Нацик немного отстал – забирал свой рюкзак, но быстро догнал команду возле лестницы. Они спустились вниз и повернули налево – сначала в отдел теле-видео аппаратуры, потом – в мебельный и, наконец, упёрлись в маленький коридорчик, который заканчивался решётчатой дверью и за нею – обычной, пластиковой. Обе, конечно же, были заперты. Не теряя времени, Нацик с Волошиным бросились в отделы рыться в столах для персонала в поисках ключей. И снова удача оказалась на их стороне – в одном из ящиков, среди разных связок ключей обнаружилась подходящая, с биркой «З.В.». Волошин бросился к двери, истекая потом, и судорожно начал вставлять ключи и открывать двери. В конце концов, обе они были открыты, и он высунулся на улицу, пытаясь разглядеть все направления. Было чисто. Группа покинула «Горняк», свернув во дворы.

* * *

Когда отряд спецназа вернулся тем же коридорчиком на второй этаж торгового

центра, командир первым делом направился к столу, где только недавно были люди. Оглядев всё вокруг, он смачно плюнул и прошипел: «Рюкзак, б...».

10

Ощущая, что это всё не может закончиться хорошо, группа выживших тем не менее, сохраняла спокойствие. Отряд спецназа «на хвосте» - не самый лучший вариант отхода из «Горняка». Это же не пьяные зомби, здесь всё серьёзно: не успеешь и ствол поднять, как тебе голову снесут. Волошин на ходу прикидывал, куда им бежать. В 17-ую школу? Или, может быть, дальше, в «Оптику»?

Миновав 9-этажный дом возле школы, они побежали дальше, к самому учебному заведению.

– Слишком просто. Найдут быстро! – бросил Волошин не то остальным, не то себе.

И они через двор школы и затем через спортплощадку, где вся их группа просматривалась очень хорошо, с опаской перебежали к жилым домам. Оставался второй вариант – комплекс «Оптика», который в старые времена был полностью посвящён проблемам зрения и оптическим приборам, а сейчас был разделён на несколько торговых точек. Здесь торговали всем – от секунд-хенда, до тех же очков. Как помнилось Волошину, входов в здание было множество, но на второй этаж проще всего было добраться с центрального входа. Обогнув здание, они аккуратно осмотрели ближайший сектор улицы 6-го декабря и приблизились к центральному входу.

Город молчал. На всём пути им не попалось ни одного пьяного и, к счастью, ни одного военного. И если второе было за счастье, то первое могло настораживать. В принципе, поведение заражённых и без того было загадочным, но полное их отсутствие давало почву к размышлениям.

Но, в конце концов, не могут же они сидеть в этом здании под замком? Казалось, ответ на этот вопрос очевиден. И в то же время, Нацика терзали сомнения о правильности выбора помещения. С одной стороны, место хорошее и подступы к нему можно легко контролировать, с другой стороны – здание находилось по улице 6-го декабря, а это – одна из главных улиц города. Неизвестно ещё – зачистили здесь всё или нет. И вроде бы всё говорило о том, что зачистка произошла – ведь до сих пор были слышны выстрелы уже где-то ближе к центру города, а перед общежитием через дорогу от «Оптики» виднелось несколько трупов. Но что-то настораживало. А что – Нацик понять не мог.

Дверь вскрылась довольно легко – видимо, Волошин научился вламываться. Далее цепочкой они проследовали небольшим коридором и поднялись лестницей на второй этаж.

– Баррикадироваться смысла нет, разве что дверь изнутри нужно как следует

завалить, – размышлял вслух Волошин.

– Да и остальные двери тоже не мешало бы чем-то подпереть, – ответил ему Женя.

Пока вскрывались комнаты и вытаскивались оттуда разнообразные предметы мебели, Саша бродила по зданию и искала все выходы. Наконец, все измученные и уставшие собрались в просторном кабинете с компьютером. Расположились кто где – Волошин на подоконнике, Саша в кресле, а Женя с Нациком – на полу, ведь стулья ушли на баррикады к дверям.

– Это конец, ребята, – многозначительно произнёс ППС-ник.

– Да уж, ничего нам хорошего не светит, – согласился Нацик.

– Я до сих пор не могу поверить, что мы ушли от них, – вздохнул Женя. – Мне кажется, они вот-вот сюда придут и положат нас всех вместе.

– Или покладут, – подмигнул Саше Нацик.

– Ага, что-то и мне кажется, что в живых они не оставят никого – ни одной собаки в городе.

– Мы даже не узнаем, есть ли, были ли, такие несчастные, как мы.

Саша облокотилась о стол, пряча глаза. Они уже стали влажными. Ей хотелось плакать, но она себя сдерживала. Плакать от обиды и беспомощности. Реветь от безысходности. Что им осталось? Ждать, пока их найдут и расстреляют? Есть ли хоть какие-нибудь шансы того, что *они* оставят их в живых? Наверное, нет.

– Что же всё-таки происходит? – не надеясь услышать ответа спросил Женя.

– Ты ещё не понял? Они сделали какой-то эксперимент.

– Может, это вторжение? – предположила Саша.

– Какое вторжение? – уставился на неё Нацик.

– Ну, не знаю. Американцы, россияне... Отравили все города, а выживших постреляли. Я просто не могу поверить, как бы, в это. Всё чудовищно сложно.

– Зачем американцам или россиянам Украина? – хмыкнул Нацик.

– Ну, американцам – чтобы не досталась России, а россиянам – чтобы не досталась американцам, – предположил Женя.

– Да ну, не усложняй. Я тоже думаю, что это всё эксперимент или учения, – ответил ему Нацик.

– Или игра... – многозначительно произнёс Волошин.

– И ведь как хитро сделано-то! Чёрт, хотел бы я увидеть того человека, который это всё придумал, – сказал нарколог.

– И задушить его собственными руками, – продолжила его мысли библиотекарьша.

Волошин всматривался то во дворы, то в свинцовое небо, которое, казалось, было так низко, что доберись они до крыши, могли бы вылезть на эти плотные текстуры облаков и уйти из города. Еды у них не было, питья – тоже. За ними

охотились военные и с ними уже не было Михалыча. А день только приближался к своей половине.

– Нацик, ты сумеешь вскрыть машину? – вдруг спросил Волошин.

11

Нацик посмотрел Волошину прямо в глаза. Как будто так он мог понять, зачем ППС-ник задаёт этот совершенно неуместный вопрос. Естественно, никакой подсказки там не было, и тогда он просто ответил:

– Да, смогу. Зачем?

– Надо, – только и ответил Волошин. – Позже объясню. Нам надо отдохнуть. Если сможете, поспите. Я подежурю.

Смогли бы они? Что за дурацкий вопрос? Никто не стал отрицать – стресс как губка впитал все силы небольшой компании. Только Волошин не подавал виду, что уставший. Возможно, дай он себе отдохнуть, потом всё получилось бы по-другому.

А пока Нацик, Женя и Саша засыпали, примостившись кто где, Волошин сидел и думал. Почему-то вспомнил о Михалыче. «Хорошо ему теперь», – думал Волошин, – «не надо париться о том, как унести отсюда ноги». Затея Волошина была простой и не новой: вырваться из города на машине. Да, блокпосты на всех выездах стояли и ещё нужно было проехать по самому городу. Но была одна маленькая хитрость, которую Волошин оставил «на потом». «Пускай отдохнут, и можно будет попробовать», – успокаивал себя Волошин, хотя и понимал, что его план может рассыпаться прахом очень даже просто.

Нацик уснул почти мгновенно, как и Саша. А вот Женя долго не мог расслабиться. Пережив несколько потрясений за одно утро, нервы его были натянуты, как струны. Да и гибель Михалыча – ужасная и глупая – стояла перед глазами. Женя думал о том, каким способом можно будет снова попытаться выйти из города. Хорошо, что город начали зачищать – скорее всего все бешеные уже не представляют из себя препятствие. Но если с этими пьяными ещё можно было биться, то с вооружёнными до зубов военными – нереально. Вся опасность заражённых была в их внезапности и непредсказуемости, но со спецназом ни в реакции, ни в точности и слаженности не «потягаешься».

В своей голове нарколог отметил несколько вариантов прорыва. Вернее, несколько маршрутов. Восточную и северную часть города рассматривать уже не приходилось – там была железная дорога и в основном открытая местность. Оставалась западная и южная части. Они находились в юго-западном микрорайоне. На западе была река, за ней – лес и потом окраины Александрии, прорезанные улицами, выходящими на две междугородные трассы. На юге оставался микрорайон Ново-Филипповка, который заканчивался дачным кооперативом и

заброшенным гранитным карьером. И если пробираться на запад, единственным препятствием была речушка, которую можно было пройти вброд, а вот в южном направлении опасность представляла открытая местность – поля. Можно было ещё попробовать пойти на юго-запад и, не доходя до Марто-Ивановки, укрыться в лесу. Но что потом? Да и, в сущности, если им удастся беспрепятственно выбраться из города, то что дальше? Их схватят в другом населённом пункте? И всё же оставался хоть какой-то шанс остаться в живых, если уходить отсюда.

Для всего этого нужна была тёплая одежда, еда, питьё и хоть какая-то минимальная маскировка. Учитывая, что за окном кружили снежинки, к вечеру весь город, а особенно его окраины будут присыпаны как минимум тонким слоем снега. В этом случае им всем нужны будут какие-то маскхалаты, что ли. Одежду можно набрать в секунд-хенде на первом этаже. Там же можно попытаться найти и простыни или любую светлую ткань. А вот как быть с едой? Рядом с «Оптикой» находились два супермаркета и несколько небольших магазинчиков с киосками. Один даже в нескольких метрах от самого здания «Оптики». Но вскрывать их – это лишний шум и, соответственно, риск.

А что задумал Волошин? Эта мысль тоже не давала покоя Жене. В конце концов, окончательно забив голову разными предположениями и планами, которые ставили много вопросов и давали мало ответов, Женя сдался и уснул. И никакие сновидения не смели потревожить его уставший, беспокойный сон.

Они спали так крепко, что не слышали, как дважды недалеко пролетал вертолёт. И только Волошин отпрыгивал от окна, чтобы, не дай Бог, не быть замеченным. Это не мешало ему думать и уточнять детали своего нехитрого плана. Иногда он даже улыбался, понимая, насколько всё просто и как это похоже на авантюру. В сущности, это и была авантюра, игра ва-банк. А ещё, ещё это возможность...

Нацик проснулся от того, что кто-то дёрнул его за плечо. Было уже темно, и он увидел перед собой только силуэт, держащий в руках фонарик. Испуганно отпрянув в угол, Нацик пытался нащупать свой «калаш», но услышал только тихое «Тсс-с, это я, не ссы». Ещё секунду его мозг выходил из сна, и потом Нацик понял, что перед ним Волошин. Он улыбался, явно довольный, что застал бэттера врасплох.

– Чего ты трясёшь? Не мог нормально разбудить? – спросил Нацик. – А если бы я со стволом в руках спал?

– Так ты и спал. Я забрал твой ствол, а ты даже «ухом не моргнул», – улыбнулся Волошин и лучик его фонарика осветил воронёную сталь автомата, прислонённого к письменному столу. – В общем, поднимайся, хватит дрыхнуть. Дело есть.

– Какое? – спросил Нацик. – Только не свети мне в лицо!

Волошин опустил фонарик и ответил:

– Смотайся кабанчиком в магазин.

Опешив от таких слов, Нацик первое время не смог даже ответить. Он искал взглядом на лице Волошина признаки опьянения или помешательства. Эти слова были так не кстати в это время... Моргнув глазами, бэттер провернул в голове несколько подходящих вариантов ответа, среди которых были как культурные, так и острые и даже грубые. Остановился он на нейтральном варианте:

– Не понял.

– Чего ты не понял? В магазин, говорю, сходи!

– Я что, крайний? Сам сходи, – ответил Нацик, намереваясь встать.

– Ну, я же не просто прошу. Нужно кое-что узнать. А это сможешь сделать только ты.

Загадка блестела в глазах ППС-ника, и он явно растягивал удовольствие обладанием некоего секрета. Выдержав небольшую паузу, Волошин продолжил:

– Я тут проверил, нигде нет ни одного компьютера. А вот в супермаркете – сто процентов есть.

– И что? – уставился на него Нацик.

Он всё ещё не мог понять, куда клонит Волошин. Зачем ему компьютер? И что такого надо было сделать, что умел только Нацик?

– Проверь, есть ли интернет?

– Ты в своём уме? Если мобильной связи нет, то какой интернет...

Нацик не успел договорить, когда Волошин показал ему свою старую «Нокию» ещё с монохромным экраном. Там были все палочки, которые символизировали уровень сигнала. Ухмылка Волошина говорила о том, что он ждёт много благодарностей и «обнимашек» (которые, он не любил). Бэттер лихорадочно стал рыться в кармане своих джинсов, где лежал выключенным его современный смартфон. Включив его, он увидел, что обе сим-карты уловили сигнал. Едва он успел подумать о том, что теперь у них есть связь, как сзади подошёл проснувшийся нарколог и не смущаясь ни секунды дал подзатыльник ППС-нику и рявкнул:

– Идиоты, собираем манатки теперь. Они же нас вычисляли! Теперь они знают, где мы, в радиусе метров двухсот, наверное! Выкинули свои трубы нахер!

Такого злого и взвинченного Женю ни Нацик, ни Волошин ещё не видели. Он стоял весь напружиненный, кулаки его были сжаты, а по челюстям гуляли желваки. Волошин даже не подумал дать ему сдачи, ведь понял, в какую элементарную ловушку они попались. Вернее, виноват в этом был он. Но догадался о включённых вышках не компьютерщик Нацик, а врач Женя, – эта мысль пронеслась в голове у Волошина перед тем, как его тело уже начало работать – носится по комнатке в поисках всего необходимого. Тут главное, не создавать суматоху. Но, оказалось,

все вещи были в разных местах и теперь их надо было собирать.

Чёрт, как же они оплошали. Женя чувствовал в этом и свою вину. Ведь он не смекнул избавиться от телефонов сразу, когда в город вошёл спецназ. Но, с другой стороны, хорошо, что он проснулся и тем самым выиграл несколько минут у неминуемой смерти.

Проснулась и Саша, ничего не понимающая, но сразу бросившаяся помогать собираться. Правда, она скорее мешала, поэтому Женя аккуратно поставил её у двери и глазами ей сказал: «Не мешай». Она тем же способом ответила ему, что поняла. И даже если ей было немного обидно, что её вот так вот отстранили, она понимала, что ещё не до конца проснулась и действительно мешала остальным.

Собрав всё оружие и амуницию, быстро одев всё светлое, что Волошин нарыл в секунд-хенде (будто мысли Жени прочитал), они рванули к выходу. По расчётам Жени, у них было не более двух минут. Хотя была маленькая надежда, что были ещё выжившие люди, которые включили свои мобильники. Но эта надежда была настолько крохотной, что смогла бы видеть в песчинке Луну. Быстро справившись с забаррикадированной и закрытой боковой дверью, они выбежали на улицу по направлению к дворам.

Они выдыхали пар, а на ресницы им приземлялись снежинки. Но наслаждаться такой погодой у них не было времени.

Темнота. В городе-таки отключили освещение. Возможно, именно для того, чтобы беглецы передвигались медленнее. «Странно, ведь вышки только несколько минут назад принимали сигнал. У них генераторы?» – думал Женя. За ним пыхтела Саша, замыкал Волошин. А вёл всех Нацик. Эти дворы очень хорошо знал Нацик, живший неподалёку. Поэтому он на ходу крикнул:

– Если успеем, прорвёмся к моему двору, а там есть неплохое укрытие. За мной!
И он побежал первым.

Совсем скоро к «Оптике» на сумасшедшей скорости подъехал чёрный микроавтобус и оттуда высыпали бойцы. Женя ошибся: они опоздали на три минуты.

13

Словно привидения - в белых простынях - и будто финские солдаты, в белой форме, выжившие бежали зигзагами по дворам микрорайона, называемого в простонародье «Тында». Крупными хлопьями начал падать снег, ещё больше закрыв обзор. Саша несколько раз падала, но Женя всегда её быстро поднимал, и они бежали дальше. Парочку подгонял замыкающий Волошин, то и дело пыхтя: «Быстрее! Они на хвосте!».

Конечно, ни на каком хвосте военные не были – они тщательно проверили каждый уголок здания «Оптика» и только после этого высыпали на улицу, окружив

командира. Тот давал указания для дальнейших действий.

К этому времени группа уже прибыла на «конечную остановку» – двор дома, где отмечал Новый год Нацик. Здесь он снова увидел те же трупы, которые видел в роковую новогоднюю ночь, только сейчас они его совершенно не интересовали и уж конечно, не пугали. Он указал всем налево. Там расположилось несколько зданий, преимущественно складских помещений.

– Короче, там склады. Места полно. На одном из них, я знаю, есть вода. Жратвы здесь точно нет. Но вот, впереди – «Свитанок». Ресторан ещё тот, но еда там должна быть, – вкратце объяснил Нацик.

Немного перевели дыхание и снова рванули. Теперь к складам. В темноте по разбитой дороге, ведущей к складам было тяжело бежать и все падали, но тут же подымались и бежали снова, пока, наконец, не оказались у служебного входа одного из складских помещений.

– Здесь, – указал Нацик.

Волошину потребовался всего один мощный удар ногой, чтобы старая дверь была выбита. По всей видимости, здание было когда-то на сигнализации, да и весь комплекс складов был под охраной, поэтому железные двери с десятками замков ставить не было смысла. Вперёд ринулся Нацик с автоматом и фонариком. Узкий коридор, затем ещё одна дверь, ведущая в контору. За конторой уже был склад, полный поддонов с минеральной и газированной водой. Ни секунды не мешкая все набросились на упаковки воды. Утоляя жажду, они позабыли, что вообще творится вокруг. Но как же после марш-броска было приятно пить «колючую» водичку чуть ли не до икоты!

– Хорошо, что снег такой «лапатый» пошёл, – отрыгнув, и нисколько не стесняясь этого, сказал Волошин.

– Почему? – скривившись спросила Саша.

– Следы наши очень быстро залепит.

– Не думаю, что у нас так много времени, чтобы следы замелись, – возразил Женья.

– А если они с собаками? – оторвав ото рта бутылку, вдруг спросил Нацик.

Про это никто и не подумал. Если спецназовцы будут с собаками, то уже в эти минуты они приближаются к складам, это даже без вариантов. Все замолчали, представляя себе, что с ними будет, когда сюда ворвется спецназ. Собаки уж точно возьмут след.

– Ладно. Если с собаками, значит, с собаками. Не всю жизнь же от них бегать? – вздохнул Волошин. – Будем отбиваться, конечно, если сможем. Я им ещё Михалыча припомню, сукам.

Ни грамма оптимизма никому эта речь не добавила. В итоге Женья сказал:

– Если в течение десяти минут никого не будет, тогда остаёмся здесь пока. Кто-

то ходит в ресторан и наберёт нам всем еды хоть какой-нибудь. Но нужен план «Б», конечно.

– Например? – спросил Волошин.

– На случай, если что-то пойдёт не так.

Волошин кивнул Нацику и тот ответил:

– Перед походом в ресторан я вскрыю тот минивэн, который стоит перед въездом во двор. Сделаю ему «зажигалку», чтобы только проводочки соединить и всё. Беда в том, что машину надо всё равно прогревать...

– То есть, мы с тобой идём в ресторан, – уточнил Женя. – Перед ним ты открываешь тачку и вскрываешь панель с зажиганием, так? – Нацик кивнул. – Оставляешь проводки так, чтобы можно было быстро их соединить и включить зажигание? О'кей. Если какая-то беда, кто-то грузится в машину и прогревает её, а кто-то отвлекает...

– Да. Только так.

– И куда ехать? – спросила Саша.

– Прорываться. Я всё продумал. Главное, чтобы меня до этого не завалили, – опустив глаза объяснил Волошин.

– Стоп. А где гарантия, что она вообще заведётся, и что в ней есть бензин? – резонно заметил Женя.

– Думаю, должен быть. Это хоть и старушка, но всё-таки служебная лошадка. Видел логотип какой-то дистрибьюторской фирмы у неё на дверцах? У таких должен быть бензин с запасом, – говорил Нацик.

– Да уж, всё на наш страх и риск, – сказал Женя и, присев, поставил полуторалитровую бутылку воды на бетонный пол.

– А что, мы не рискуем с тех пор, как началась вся эта канитель? – хмыкнул Волошин.

– Если бы здесь был Михалыч, он сказал бы что-то типа: кто не рискует – тот потом агонизирует.

Глава 6. EXODUS

1

Снег тяжёлыми хлопьями падал на землю, которая уже успела немного промёрзнуть. Ночь залила погасший и утихший город темнотой такой плотности, будто её можно было трогать руками. И если бы не снег, передвигаться в такой тьме было бы сродни ходьбы на ощупь. Александрия опустела теперь уже заметно. Гробовая тишина пугала и в то же время спасала – ведь приближающийся отряд можно было услышать заблаговременно.

Прошло и десять минут, и пятнадцать – враг не появлялся. Поэтому решили

действовать по плану. На складе оставались Саша и Волошин, они прилипли к окну, которое выходило во двор, и откуда открывался вид на въезд. Из окна можно было увидеть тот самый минивэн лишь если очень сильно напрячься. Поэтому было договорено, что реагировать они будут на фары, которые обязательно включатся при зажигании.

Женя и Нацик аккуратно вышли во двор и гуськом, будто их могли увидеть со двора девятиэтажного дома, пробежали ко въезду. Оттуда было рукой подать к ресторану «Свитанок» – он находился в тридцати метрах. Но сначала надо было подготовить отступление, и они прокрались к минивэну. Вскрыть его не составляло никакого труда, а то, что на нём не было сигнализации, оказалось приятным дополнением. Пока Нацик лез в машину, Женя смотрел по сторонам, будто они угоняли тачку в обычное время. Правда, время теперь было необычное и вглядывался Женя в темноту совсем по другой причине. Через несколько минут возни, Нацику таки удалось сделать то, что нужно, и он вылез. Дверь прикрыл, но не захлопнул. Потом вспомнил что-то, снова открыл, залез и разблокировал все двери.

Под стенкой они пробрались к фасаду двухэтажного ресторана. Слева находился центральный вход. Тут же, на ступеньках лежало несколько тел, уже окоченевших, с жуткими гримасами застывшей боли. Поднявшись ступеньками, нарколог с бэттером беспрепятственно вошли в ресторан. Нацик включил фонарик, прикрепленный пищевой плёнкой к цевью автомата.

Здесь царил практически такой же беспорядок, как и в ресторане «Орион». Столы перевернуты, стулья опрокинуты и разбросаны. Оливье на полу, на стенах и даже на высоком потолке. Барная стойка завалена вовнутрь, полки с бутылками перекошены... В общем, картина полного опустошения и частичного разрушения. Вместе с тем, Нацика не покидало ощущение, что за ними кто-то наблюдает.

Сначала он вместе с Женей обследовал все закоулки первого этажа и, никого не обнаружив, начал собирать в пакет то, что ещё можно было есть – мясные и фруктовые нарезки, хлеб. Но этого было мало для компании из четверых человек, ведь многое было растоптано по полу или забрызгано кровью.

– Где здесь кухня? – шёпотом спросил Женя.

– Идём.

Они направились к двустворчатым дверям на манер американских салунов. Под ногами предательски хрустело стекло и трещала керамика. Но если бы кто-то хотел знать об их приходе, он бы уже знал и до этого – ребята не слишком церемонились с соблюдением тишины.

Кухня тоже была в крови и здесь лежала довольно упитанная женщина с выеденным напрочь горлом. С трудом преодолевая рвотные позывы, Нацик обошёл её и начал собирать продукты с кухонных столов и плиты. Также не густо, но

наполовину пакет был уже полон.

– Там «банкетка»¹² наверху. Может, наведаемся. Там-то уж точно жратвы больше будет, – предложил Нацик.

И Женя согласился на свою голову.

* * *

В это время Волошин с Сашей всё ещё стояли у окна. Тщетно пытаюсь хоть что-нибудь увидеть в непроглядной ночи, они просто не знали, чем заняться. А разговаривать им было в общем-то не о чем. Неловкая тишина немного напрягала, к тому же, Саша увидела, что Волошин уж как-то часто зевает. Веки его наливались свинцом и его явно нужно было взбодрить. Поэтому, библиотекарьша завязала разговор:

– Вова, а у тебя есть девушка?

ППС-ник был явно обескуражен таким вопросом и не понимал, зачем Саша его задала. С какой целью? Поиздеваться, или намекнуть, что он ей симпатичен? Но ведь они же с Женей вроде бы как встречаются? В общем, Волошин растерялся и первые несколько секунд не знал, что ответить. Но потом выдавил из себя:

– Нет.

– А если не секрет, то почему? – продолжала Саша.

Волошин залился краской. Благо, в темноте этого было не видно. Что он мог ей сказать? Солгать, конечно, дело нетрудное. Но стоило ли? А что вообще мог он ей поведать, например, о своей последней девушке? Она была как группа «7Б»: появилась неизвестно откуда, нашумела и пропала из виду. Признаться в том, что ты скучный и эгоистичный мент? Ещё два дня назад Волошин ни за что не признался бы в этом. Но за эти два дня многое в жизни он пересмотрел и на многое поменял взгляд. Поэтому решил сказать так, как есть:

– Как тебе сказать? Не нравлюсь, в общем, я девушкам. Скучный. Да и нету таланта заводить знакомства...

– А для этого разве нужен талант? – бросила Саша.

– Ну, ты поняла, что я имею в виду. Слушай, не до этого сейчас. Нам сейчас шкуру надо свою спасать, а ты с такими дурацкими вопросами пристаёшь.

После этих слов Саше стало ясно, почему у Волошина не складывалось с девушками. Может, они у него и были, но явно не задерживались. Его неуверенность в себе просто зашкаливала, не оставляя шансов для каких-либо серьёзных отношений.

Тем временем Волошин снова стал «залипать». В скудном свете из окна Саша видела, как рот его невольно приоткрывается, а глаза плавно закрываются. Она хотела уже что-то сказать, чтобы разбудить его, но этого не понадобилось – где-то

¹² «Банкетка» - банкетный зал

рядом, наверное, в здании ресторана раздались автоматные очереди вперемежку с выстрелами из ружья.

2

Когда Женя с Нациком решили подняться наверх, туда, где находился банкетный зал, нарколог уже тогда предчувствовал опасность. Хотя, казалось бы, чего бояться? Бешенные обычно создают шум и до их появления можно легко ретироваться. Да и незваных гостей с автоматом и гладкоствольным ружьём они уже давно бы услышали и ринулись бы на них со второго этажа. Но всё же чего-то он опасался.

Второй этаж в ресторане «Свитанок» представлял собой довольно просторный банкетный зал. Здесь постоянно играли свадьбы, юбилеи и даже какие-то корпоративы. В новогоднюю ночь здесь были расставлены несколько длинных столов для нескольких больших и небедных компаний. Но праздник не удался. Уже на ступеньках Нацик нащупал фонариком первый труп в луже крови. Дальше было чище. Но только стоило им подняться на второй этаж, как в свете фонаря Нацика открылась леденящая душу картина.

В центре большого зала, который был, примерно таким же, как и танцевальный зал в ДК, между опрокинутых столов на четвереньках стояли и сидели заражённые. Они собрались кружком над телом человека со значительным лишним весом. Попросту говоря, на полу лежал труп жирного мужика, а вокруг тела расположилось не то шесть, не то семь полуживых. Они его ели. Ели тихо, без чваканья и рычания. Не мешая друг другу и не пытаясь отнять жирные куски мяса друг у друга. Словно это был семейный ужин. Там, где плоть была уже разгрызена, они отрывали мясо руками. Буквально купаясь в крови, заражённые наслаждались вечерней трапезой с одним им известным удовольствием. Но их ужин прервали нежданные и незваные гости.

Сначала в луче фонаря обернулся один из бешенных. Его явно заслепил фонарь, и он не мог видеть, что впереди в нескольких метрах стоят живые люди. С его подбородка стекала струйка крови – не его крови – а с зубов свисали тонкие сухожилия. Оскалив красные зубы, трупоед сделал движение вполне осознанное – поставил ладонь козырьком над глазами так, чтобы свет от фонаря не слепил его. И кто-то не такой опытный, как Нацик с Женей, мог подумать, что это живой человек. Моментом спустя обернулись ещё двое, а те, что были по другую сторону тела, уже оторвались от приёма пищи и уставились на источник света. Всё так же беззвучно они начали двигаться к свету – медленно и осторожно. Нацик буркнул:

– Это укушенные. – Потом добавил: – Смотри на ногти. Если будут нападать – стреляем. Если нет, просто уходим. Нам лишнего шума не надо.

Не успел он этого договорить, как самый первый заражённый, видимо услышав

голос Нацика, рванул с места на них. И тогда они начали стрелять: короткие прицельные автоматные очереди и точные выстрелы из «Сайги». Укушенные быстро закончились, расположившись на полу. Бойня длилась всего около минуты, но оба успели почти оглохнуть и не говоря ни слова, бросились бежать на улицу, оставив пакет с продуктами на полу.

Забежав за угол, они увидели возле машины Волошина и Сашу. Библиотекарша как раз садилась в машину, а Волошин прикрывал её. Нацик подбежал со стороны водительского сидения и скомандовал:

– Я прогреваю, вы с Женей наблюдаете.

Машина завелась мгновенно. «Вот ведь как везёт с тачкой-то», – подумалось бэттеру. Надавив на газ, он заставил стрелку тахометра приподняться. Затем поставил на холостой ход и выскочил из машины. Сквозь шум мотора минивэна они явно слышали чужой звук – с улицы 6-го Декабря. Кто бы мог сомневаться, что на выстрелы отреагируют в течение нескольких минут и придут к месту военные?

Когда у въезда во двор показался «бусик», Волошин не раздумывая открыл огонь. Ему вторил Нацик, успевший сменить магазин на своём «калаше». Первые же выстрелы высекли искры из микроавтобуса и заставили его остановиться.

– А теперь все вовнутрь, быстро! – крикнул Нацик.

Дав задний ход, минивэн рванулся к выезду. Дверцы хлопались на ходу, как лихих фильмах про городских сорвиголов. Нацик в свете фар успел увидеть, как из «бусика» выпрыгнули люди в камуфляже и приготовились к стрельбе. В этот момент он развернулся и, не жалея машины, на всех парах вылетел на улицу Героев Сталинграда. Хлопки со стороны двора ещё раздавались, но ни одна пуля не попала в их минивэн. Судьба была благосклонна к выжившим в тот вечер. По крайней мере, пока.

Нацик вёл машину по дороге к перекрёстку в надежде, что там не будет бронетехники или ещё какой-нибудь западни. Когда он удостоверился, что перекрёсток пуст, вывернул руль вправо и минивэн помчался в сторону Звенигородки.

3

После бывшего железнодорожного переезда, от которого осталась только насыпь, преграждавшая дорогу, машина выживших затормозила возле остановленного в своё время Рудоремонтного завода, называемого в народе просто «Рудорем». Не теряя ни секунды, Волошин и Нацик поменялись местами – ППС-ник сел за руль, а Нацик – рядом. На вопрос Жени, «зачем?», Волошин промолчал и лишь надавил на газ. Беспокойство на лице Саши сменилось озадаченностью, и она смотрела то на Нацика, то на Женю, пытаясь найти подсказку к этой внезапной смене водителя. Но

в тёмном салоне автомобиля и смотря фактически в затылки, тяжело было найти даже подсказку.

Женя покамест тоже не понимал, зачем была произведена такая ротация. Он мог лишь догадываться, что Волошин с Нациком это обсуждали, но их в известность не поставили. «Совсем как-то нехорошо получается. Ведь мы же одна команда», – думал Женя. Но беда была в том, что Нацик ничего такого не обсуждал с Волошиным и был почти в таком же недоумении, когда Волошин сказал ему: «Останови здесь, я сяду за руль», а в гуле мотора те, что сидели сзади, не расслышали эту фразу и вовсе. Никаких возражений, бэттер просто выполнил то, что ему сказал Волошин.

Но в отличие от Саши и Жени, Нацик хотя бы догадывался, зачем Волошин садится за руль. Догадка вкралась ещё тогда, когда Волошин спросил у него, сможет ли он вскрыть ещё одну тачку. Нацик теперь начал понимать, что задумал Волошин. Он посмотрел на ППС-ника, и в его взгляде одновременно читались и уважение, и сожаление.

Они быстро добрались до кладбища вдоль дороги, перед развилкой. Основная дорога, Т1215, уходила влево, а прямо вела грунтовая просёлочная дорога. Если идти по этой «грунтовке», то можно попасть на заброшенный гранитный карьер, а за ним – поля и дальше Звенигородка. Волошин затормозил перед поворотом и, не оборачиваясь, рассказал, что делать дальше:

– Выходите все. Дорогу на карьер, наверное, вы знаете. Идите по ней, обойдите карьер и через поля, пока ночь, валите в Звенигородку. В поле вряд ли кто-то будет вас ждать или искать. Я еду один. Никаких возражений.

– Вова, ты же понимаешь, что тебя ждёт за поворотом или ближе к Звенигородке на этой трассе? – ужаснулась Саша.

– Я знаю. Не теряйте времени, за нами, может быть, едут!

Они высыпали из машины и Волошин, всё так же, не оборачиваясь, рванул с места по трассе. Нацик не дал Саше запаниковать и развернул её в сторону карьера.

– Бежим, пока не показалась их машина!

Одетые в белое, на белом снегу, они были хорошо замаскированы, но в свете фар их было видно прекрасно, а спецназ мог появиться в любую минуту. Они начали бежать через небольшую «промзону» по направлению к затопленному гранитному карьере.

– Они не будут преследовать нас, – бросил на ходу нарколог.

– Чего это? – спросил бэттер.

– А зачем?.. Я уверен... Что там, за пово... ротом... блок... пост, – через сильную одышку объяснил Женя.

Он мыслил здраво и логично. И вправду, зачем преследовать кого-то, если любые направления из города перекрыты и усилены бронетехникой? На первом же

блокпосту их покروشат.

Пока Нацик размышлял над правильностью доводов Жени, они добежали до поворота, который скрывал их из виду с трассы. Там они могли остановиться и отдышаться. Воздух был довольно холодным и бежать в такую погоду, да ещё и по снегу, было не самым приятным занятием. Хлопья снега всё падали, а они стояли втроём, упёршись руками в колени и тяжело дыша, выпуская клубы пара.

– Он нас спас, – только и сказала библиотекаряша.

Нацик повернул голову в её сторону и кивнул. Женя ответил:

– Да. Он – герой.

В эту же секунду на востоке послышались очереди из крупнокалиберных пулемётов.

* * *

Когда он их высадил и нажал педаль акселератора, Волошин не просто знал, что его ждёт, он этого хотел. Те кусочки свободных минут, плюс время, когда все спали, – всё это ушло на формирование одной простой мысли: я иду к своим родителям. И если с решением умереть сомнений не возникало, то способ вызывал вопросы. Просто застрелиться было бы очень глупо и к тому же, он подвёл бы остальных. Ведь он был единственной настоящей боевой единицей в их отряде. Дать себя укусить – ещё хуже. Оставалось только самопожертвование. И было в этом даже что-то романтично-героическое. А Вова всегда хотел, чтобы о нём говорили с восхищением.

Простой план с высадкой команды и увлечении «хвоста» за собой с последующим взятием огня на себя, Волошин утвердил довольно быстро. Ничего сложного. И вот, когда он высадил их, помчавшись навстречу своей смерти, он думал только об одном: о предстоящей встрече на небесах. Встрече со своими родителями. Может быть, там он тоже будет жить, как он жил здесь до всего этого безумия. Хотелось бы. На лице его появилась улыбка.

Сбрасывая скорость перед ещё одним поворотом, Волошин поймал себя на том, что дико хочет спать. Усталость, конечно же, сказывалась. Причём, ещё с утра. В дальнем свете фар не было видно никаких военных – только дорога, лес слева и промзона по правую руку. Глаза его наливались свинцом, и он понимал, что может уснуть в любую секунду. Поэтому, скорость набирать не стал. «Будет весело, если меня просто размажет о дерево, когда я усну», – подумалось ему. Пытаясь взбодриться, он несколько раз ударил себя по щекам. Но практически никакого эффекта это не дало.

Когда он приближался к блокпосту, скорость составляла не более сорока километров в час, а его голова почти касалась руля. Он дремал. Мощный прожектор, направленный в его сторону, осветил машину. На долю секунды Волошин успел увидеть этот яркий свет и даже успел подумать, что это тот самый

«свет в конце тоннеля». Но огонь из двух БТРов прервал его мысли.

К блокпосту докатилась уже не машина, а что-то напоминающее швейцарский сыр. Дымящаяся груда метала лёгонько стукнулась об один из БТРов и облегчённо остановилась, доставив героя к месту его последней поездки.

– Он один, – доложил офицеру солдат, осматривая искорёженный минивен.

– Я вижу. Остальные где?

4

Все непроизвольно повернули головы в направлении выстрелов. Они прекрасно понимали, что произошло. Но, казалось, не верили в это до конца. Не могли поверить. Волошин, этот пускай и чудаковатый, но всё-таки храбрый парень, только что отдал свою жизнь, чтобы у них был шанс спасти свои. Он действительно стал героем. А они думали, такое бывает только в фильмах.

Группа стояла на месте и белые хлопья снега кружились вокруг и падали на одежду и оружие. Молчание нарушил Женя:

– Земля тебе пухом, друг. Если мне доведётся выжить, я никогда не забуду твоего подвига и расскажу о нём всем.

Нацик опустил голову, а Саша смахнула слезинку, которая уже готова была покатиться по её щеке. Не уговариваясь, они отдали Волошину последнюю дань минутой молчания и после этого Нацик сказал:

– Нельзя терять время. Идёмте. Нам далеко идти, да ещё по сугробам.

– Ты хоть немного знаешь дорогу? – спросил Женя.

– Да что тут знать-то, в метрах пятистах от карьера будет мостик через Ингулец, а за ним начинается Звенигородка. Но я не думаю, что надо идти через Звенигородку. Нам надо скорее в Головкинку. Там меньше вероятности, что будут военные, – ответил Нацик.

– Наверное, ты прав.

Они пошли по грунтовой дороге, которая вела к карьере. Она была плотно засыпана снегом и была настолько неровной, что и Саша и Женя несколько раз падали. Нацик держался и шёл впереди. Он вспомнил, что Волошин не отдал свой автомат им. И хоть оставшиеся патроны были в рюкзаке у бэттера, всё же дополнительное оружие не помешал бы.

Они вошли в лесок, который обрамлял затопленный карьер с трёх сторон – только с запада он был открыт и соседствовал с Ингульцом. В лесу было совсем темно и Нацик включил фонарик на автомате, чтобы хоть как-нибудь видеть дорогу.

– Может, не стоит включать? – спросила Саша.

– Я же вниз свечу, – бросил Нацик.

Через двадцать минут они вышли к карьере и брели по тропинке вдоль его

западной части. Ночью карьер был страшен. Будто чёрная дыра в обрамлении огромных камней и скал. Ходили слухи, что на дне этого карьера нашли покой десятки человек. Кто-то рассказывал Нацику, что карьер нереально глубокий, но даже изо всех сил напрягая память, он не мог вспомнить, какая там глубина. Должно быть, не меньше ста метров или около того. Познания в горном деле у Нацика приближались к нулю.

– Это правда, что он радиоактивен? – спросила Саша.

– Нет. Тут в пределах нормы излучение. Мой сосед проверял. Он с детьми сюда приезжает, – ответил Женя.

– Зато покойничков тут хватает, – добавил Нацик.

– А ты откуда знаешь? – спросил нарколога.

– Да разные слухи ходят. Вот, рассказывали, например, что, когда у кого-то здесь утонул ребёнок, вызывали из Кировограда водолазов. Так они нырнули, а вынырнули чуть ли не седыми. Говорят, там дно буквально усеяно трупами – скелетами и телами.

– Брехня. Ещё мелят, что сомы здесь плавают. Ага.

– Ну, не знаю.

Болтая о всяких легендах и рассказывая небылицы, выжившие не заметили, как дошли до южной стороны карьера. Дальше тропинка, усыпанная снегом, сквозь поля вела к мостику через Ингулец. Но перед тем, как продолжать путь вперёд, Нацик остановил всех и поделился своими мыслями.

– В той стороне, скорее всего, на перекрёстке, стоит блокпост. Это на нём была стрельба. Не исключаю, что поля здесь просматриваются и простреливаются. Предлагаю идти «гуськом», полуприсевши. А если придётся – будем ползти. Местность тут бугристая, спрятаться в случае чего можно. Не думаю, что там у них есть снайперы, да ещё и с приборами ночного виденья. Но всё же – бережёного Бог бережёт.

Никто не прекословил. Держа наготове оружие, группа присела и в таком положении продолжила путь по тропинке. Снег сыпал уже не так густо и вот-вот должен был прекратиться, что было и хорошо, и плохо. Это было лучше для видимости, но в то же время и они становились более заметными.

Где-то на середине пути к мостику снегопад окончательно остановился. И Нацик решил выпрямиться и осмотреться. Он хотел увидеть возможные огни блокпоста на востоке, где был перекрёсток и где, собственно и начиналась Звенигородка. Он тщетно пытался взглянуть в ту сторону – никаких признаков огня там не было. И когда он уже отворачивался, со стороны одного из домов вдоль трассы послышался отчётливый выстрел. В тот же миг Нацик повалился на землю.

Его белая простыня расцвела маком на груди. Пуля почти попала в сердце. Захлёбываясь кровью, Нацик хрипел и пытался стонать, но воздуха ему на это не хватало. Женя с Сашей присели возле него и смотрели, как он доживает свои последние секунды, не в силах ничего предпринять. Глаза Нацика были навывкате бегали по сторонам. Женя попытался перевернуть Нацика на бок, чтобы хоть немного облегчить его страдания. Нацик откашлялся.

– На...

– Что? Что ты хочешь сказать?

– На... На... зар. На-зар. Меня... зовут. Простите, п-п... простите, – пытался говорить Нацик.

– За что? Назар! Ты ни в чём не виноват! Ах, что же ты вот так... Ты же сам говорил, что простреливается.

– Я обо всём... з... нал. Это экс-пе... ри-мент. П-п... прости-те.

Густой тёмный комок выплыл изо рта Назара и в тот же миг глаза его закрылись навеки. Саша, не в силах больше сдерживаться, закрыв лицо руками, заревела. Ошеломлённый Женя не сразу догадался закрыть ей рот, чтобы их не услышали. Всё-таки был шанс, что снайпер увидел только Нацика. К счастью, выстрелов больше не было, и Женя, аккуратно стащив с Нацика рюкзак, забрал у него автомат. В полусогнутом положении, он прошептал Саше:

– Тихо, солнышко. Тихо. А теперь возьми себя в руки и наклонись. Мы пойдём дальше так, как шли сюда. Приседай, Сашенька.

Библиотекарша послушно присела, а нарколог, взвалив нелёгкий рюкзак себе на плечо, отдал ей свою «Сайгу». Сам же проверил магазин в АК и, удовлетворённый наличием патронов, повёл Сашу за собой. Дорогу-грунтовку конкретно замело, но она всё-таки была в углублении, поэтому потерять её было сложно. Стараясь быть незамеченными, они шли в полной тишине и только снег едва хрустел под их ногами, да Саша бесполезно втягивала текущие рекой сопли.

Женя погрузился в мысли, но бдительности не терял и внимательно следил за Сашей. Думал он о многом. Казалось, ещё немного, и он бросит всё и побежит, куда глаза глядят. Руки действительно опускались, а сам он был сосудом, наполненным отчаяньем. Что делать? Куда идти? Сотни вопросов кружились в его голове, и ответы только порождали всё новые и новые вопросы. Вот-вот голова должна была взорваться от хаотично вспыхивающих мыслей. Они как молнии пробивали его сознание и тут же угасали. Кровь, смерть, снег, Волошин, машина, пули, снайпер, рюкзак, Нацик... Назар...

Обдумывая то, что успел сказать Назар, Женя тщетно пытался понять, что имел в виду бэттер. Он говорил, что он *знал*. Мог ли он всё знать о том, что случилось в Александрии? Вряд ли. Скорее всего, ему была доступна какая-то информация. Может, ему поручали сделать какие-то операции в интернете, которые навели его

на определённые мысли. Но почему тогда он молчал? Если он знал, что происходит, то почему же, чёрт возьми, он никому об этом не сказал?

А может, он знал что-то другое, а не всё, и эти зомби здесь не при чём?

Он сказал, что это эксперимент. Может, это всё, что он знал? Эксперимент. И кто же его проводит? И какая цель этого ужасного эксперимента? Боже, это же чудовищно! Это же бесчеловечно! Кому могла прийти в голову идея провести такой неуправляемый и смертоносный эксперимент? Правда, может быть и такое, что он вышел из-под контроля. Но, зачем его надо было проводить? Яд. Вирус? Укусы, бешенство, синие ногти. Жажда плоти и крови. Что же это за сатанинский эксперимент такой? Зачем кому-то превращать людей в безумных каннибалов?

Поворачивая вместе с Ингульцом, они двигались к мостику и чётко видели домики на той стороне. Как ни странно, в некоторых из них горел свет и это давало надежду, что скоро всё закончится. За несколько метров до мостика, возле голых деревьев, Женя остановился и повернулся к Саше. Она тяжело дышала – ей было трудно пробираться сквозь намёты снега с тяжелым дробовиком.

– Сашенька. Постой. Давай, отдохнём немножко, а потом нам надо будет ползти. До самых домиков. Я не знаю точно, откуда стреляли, но судя по всему – где-то оттуда, – он махнул на восток в сторону трассы. – Лучше перестраховаться и проползти до самых дворов, а там уже зайти в первый дом, где будет свет. Скоро всё закончится, Сашенька. Скоро всё будет хорошо. Ты только отдохни, и мы пойдём.

Библиотекарша слушала его и кивала. Она уже перестала думать о Нацике и Волошине и сосредоточилась целиком и полностью на своём выживании. С этим человеком она не пропадёт. Он поможет ей спастись. А к нормальным людям тут рукой подать. Их дома уже видно. И огни в окнах, пускай и не везде, но есть.

Отдышавшись, Саша закинула «Сайгу» за плечо и легла на землю, давая понять, что готова ползти. Женя проделал то же самое и пополз по направлению к мостику. Было холодно и мокро, но жизнь того стоит, чтобы провести эти нескольких минут ползая в снегу. Сам мостик был узким и на нём с трудом могли разойтись два человека. Снег плотным слоем укрыл доски, расстояние между которыми было ровно таким, чтобы не могла застрять нога. Ползанье по мосту наделало довольно много шума и где-то посредине моста Женя замер. Потом снова продолжил, но старался не спешить и ползти как можно тише. Саша была невероятной умницей и у неё это получалось даже лучше, чем у её друга. Одолев мост, они начали ползти по склону вверх, к улочке. Едва женина голова показалась на вершине склона, где-то слева залаяла собака. Потом ещё одна. И ещё. Он уже полностью вылез и помогал выкарабкаться Саше, когда увидел, что к ним бежит целая стая собак.

– Ох, – только и успел сказать Женя.

Всего одна мысль вспыхнула у него в мозгу – стрелять или крушить битой? Собаки неумолимо приближались, чувствуя своё превосходство. Они лаяли и толкались. И вот первый пёс из стаи получает по зубам со всего размаху, не успев остановиться. С отчаянным визгом он пытается удрать, поливая снег кровью. Ещё один смельчак пытается напасть на Сашу, которая уже стояла на ногах.

– Только не стреляй. Пока, – предупредил Женя.

Ближайшая агрессивная шавка получила тяжёлый удар по хребту и тут же упала, скуля. Стая разбежалась. Но на улице стоял шум – пищали раненные собаки. Женя приготовил автомат, взял под руку Сашу, и они побежали к ближайшему дому, где горел свет. Улочка была узенькой и полностью скрывала их от трассы, где, вероятно, стоял блокпост. И от той стороны посёлка, откуда получил пулю Нацик.

Добежать до того дома им было не суждено: навстречу, непонятно откуда выскочил полуживой безумец. Женя нажал на курок, но автомат был на предохранителе. Недолго думая, нарколог встретил бегущего бешеного прикладом. Когда тот упал, Женя переключился в режим «ОД» и выстрелом в голову избавил от мучений это существо.

– Плохи наши дела, Саша. Совсем плохи, – оглядываясь сказал он.

– Они даже здесь...

По улице бежал ещё один заражённый. Из-за угла, откуда они пришли, спешили ещё двое. Где-то во дворе кто-то колотил в калитку, обещая вот-вот присоединиться к нападавшим.

– Саша, помогай. Там есть патроны.

Они стали спина к спине, и начали отстрел. Саша практически не целилась и расходовала патроны почти впустую. А поток дикарей всё не утихал. Когда Женя услышал за спиной глухие щелчки и отчаянный вопль Саши, было уже поздно: очередной заражённый, поскользнувшись, упал к ногам библиотекарши и отчаянно кусал её лодыжки. Женя уложил его и глянув в глаза Саше, спросил:

– Он успел укусить?

Она мотала головой, но молчала. Это могло означать и «нет, не укусил» и «нет, не знаю».

– Идти можешь?

Она попробовала и поняла, что сможет. Идти дальше по улице не было смысла – именно оттуда валил основной поток зомби. Женя увлёк Сашу за угол и, они пошли на запад – снова через сугробы и мимо нескольких домов с тёмными окнами. Несколько полуживых ещё пыталось догнать их. Один, совсем пьяный, не смог справиться с сугробами и упал, копошась в снегу. Остальных Женя методично отстреливал.

Когда они забрели в совсем тёмное место за крайними домами посёлка, Женя

остановился и обратился к Саше:

– Сашенька. Что ты чувствуешь? Болит нога? Спать хочешь?

Библиотекарша ни за что бы не сказала ему правду. Хотя и боялась за него. Она чувствовала, что нога жжёт огнём, что её действительно укусили, даже сквозь штаны. Хорошо, что в сугробе не видно было нижней части правой лодыжки. Она была уверена, что светлые тёплые спортивные штаны в том месте уже обагрились кровью. Просто боялась.

– Всё нормально. Как бы болит немного, но спать не хочу.

Ей действительно спать не хотелось, и она даже чувствовала некий прилив сил. Поэтому, дав дробовик Жене, она проговорила:

– Давай же, заряди это.

Женя вынул магазин и начал рыться в карманах в поисках патронов. Зарядил все четыре, которые нашёл и со словами «Это все», отдал «Сайгу» Саше.

– Я поняла. Буду лучше целиться. И ещё у меня пистолет есть.

– Знаю. Будь умницей, Саш.

– Идём, уйдём отсюда скорее. Ты знаешь, как идти в эту чёртову Горловку?

– Не Горловку, а Головковку.

– Прости, оговорилась. Что-то совсем голова не варит.

Он посмотрел ей в глаза, насколько можно было в них смотреть в эту тёмную ночь. Конечно он подозревал, что не всё так хорошо, как пытается преподнести это Саша. Но только не это. Только не это!

Женя развернулся и пошёл в направлении Головковки, держа автомат наготове. Не прошёл он и десяти шагов, как понял, что Саша не идёт за ним. Обернувшись, он её не увидел. На ходу забрасывая автомат на плечо, Женя устремился к тому месту, где они стояли.

Саша лежала в снегу.

7

Всё, чего он так боялся, стало реальностью в один миг. И то, что Саша заразилась, и то, что он теперь остался совсем один, и то, что придётся её... То, что она жива, говорил лишь едва видимый пар, исходящий из немного приоткрытого рта. Губы вмиг стали синюшного цвета – насколько мог видеть Женя в темноте. Те самые губы, в которые он влюбился и так мечтал целовать в новогоднюю ночь.

Женя стянул шапку и вытер слезу, которая уже катилась по щеке. Руки безвольно опустились и автомат упал с плеча в снег. Женя хотел сесть рядом, обнять её и ждать, пока Саша не проснётся с неистовой жаждой крови, чтобы стать её жертвой. Он хотел кричать от отчаяния и злобы. В конце концов, он хотел взять её и встряхнуть за плечи, чтобы разбудить, чтобы она не превратилась в то, с чем ни вместе боролись эти дни.

Но со стороны трассы он увидел какие-то вспышки и вспомнил, что он не один в посёлке. И что его, вероятно, уже ищут после той шумихи, что они наделали вместе с Сашей. Поправив рюкзак, он выудил из сугроба автомат, повесил на шею и пошёл на юго-запад, оставляя Звенигородку за спиной.

Дул встречный ветер и глаза его наполнялись влагой. Но Женя всё шёл вперёд и не оглядывался. Он вспоминал те счастливые дни, те радостные мгновения, которые они провёл с Сашей. Казалось, это было не то в прошлой жизни, не то по телевизору, – в общем, не с ним. От этого становилось ещё горше. Все планы и мечты рассыпались прахом – одним махом. Саши больше нет. Вернее, нет той Саши, которую он знал.

В какой-то момент он остановился, будто его осенило. Простояв несколько секунд без движения, Женя снял с шеи АК и щёлкнул предохранителем. Развернув автомат дулом к себе, он засунул ствол себе в рот и приготовился, отчаянно зажмурившись. И сзади послышался хруст снега – кто-то быстро догонял его. Машинально Женя развернулся и направил автомат на того, кто к нему приближался.

Это бежала Саша.

Вид у неё был ужасный. Слипшиеся волосы вперемешку со снегом, перекошенное лицо всё в соплях, открытый в безумной злобе рот, который издавал нечленораздельные звуки.

Это была уже не Саша. И только поэтому Женя не колеблясь нажал на спусковой крючок. Пуля пробила шею, моментально окрасив белую одежду в тёмно-красный цвет. Женя не целился, но второй выстрел был точнее – волосы рассыпались в воздухе и спустя секунду Саша уже была в снегу.

Женя выдохнул и опустил автомат. Бросив последний взгляд на тело Саши, он снова развернулся и зашагал вперёд, повесив АК на шею. Стреляться он уже не хотел. Очень трудно решиться на такое во второй раз. И он не решился. Будь, что будет. Патроны всё же ещё есть...

Когда под лопаткой что-то обожгло, Женя успел подумать, что сердце всё-таки не выдержало. Он упал лицом в снег.

* * *

Какой-то странный шум в голове. Все звуки доносились будто с утроенной громкостью. И разобраться в этих звуках было тяжело. Монотонный звук вращающихся колёс, шаги нескольких человек. Голоса. Такие неприятные и режущие слух голоса. А главное – непонятные. Ни одного слова невозможно было разобрать.

И ещё тепло. Он чувствовал приятное тепло. После нескольких часов на морозе, Женя ощущал тепло. Наверное, в этот момент он улыбнулся, осознавая, что он наконец-то спасся и этот кошмар прошёл. И, пускай, эти громкие звуки не давали

расслабиться, он всё же пытался насладиться теплом и спокойствием.

И потом он попытался открыть глаза. Сначала у него это не получалось, словно веки были нарочно кем-то склеены. Но с какой-то там попытки у него это получилось. Всё расплывалось, и он не сразу смог сфокусировать зрение. Он лежал на каталке лицом вверх и сейчас над ним проплывали те дурацкие советские ещё плафоны – через один с лампочками внутри. Только он успел подумать, что его везут по коридору, как тут же каталку повернули и завезли в помещение.

Немного задрав голову, Женя увидел над собой лицо в респираторе и медицинской шапочке. Возле этого лица было и другое – в армейской шапке. Они что-то даже сказали ему, по всей видимости. Но Женя не понимал ничего и звуки их речи для него были всего лишь скрежетом.

Значит, он либо в плену, либо спасён. Что же это было? Он начал вспоминать. Последнее, что он мог вспомнить, это то, что у него кольнуло под левой лопаткой и он «вырубился». Значит, всё-таки в плену...

Он попробовал приподняться, но быстро понял, что не может этого сделать – горло сдавил ремень. С руками была та же история – они были туго закреплены ремнями вдоль тела и свободно двигались только кисти. Лица над ним смеялись. Теперь колёса не крутились, и его каталка стояла под операционным светильником.

Женя опустил голову, чтобы посмотреть на свои руки и ноги. Первое, что он увидел – старое одеяло, которым он был укрыт. Он повернул голову к правой руке и пошевелил кистью. Приподнял кисть, насколько ему позволял ремень и увидел это.

Его ногти были синими.

Конец 2011 - начало 2015

ЭПИЛОГ

Золотистые волосы Александры рассыпались по обнажённым плечам. Она была одета в своё любимое платье-крестьянку светло-зелёного цвета, которое гармонировало с её светло-русыми локонами и светлыми искрящимися глазами. Босая она шла по невысокой траве. Сочные зелёные стебельки приятно щекотали её миниатюрные ножки. Воздух был такой чистый, что, казалось, было видно на сотни километров. Дивно, конечно. Впрочем, *здесь* всё было дивным – и бабочки, которые садились тебе на нос, и сладкое пение неизвестных птиц...

За руку её взял Назар. Очень аккуратно и заботливо. Он взял её под руку, и они пошли дальше, словно кавалер с дамой. Назар в ослепительно белом костюме и вправду был заметным кавалером и его внимания жаждали все местные девушки. Он совсем не был похож на того...

– Как поживаете, милая Александра? – осведомился франт.

– Благодарю, Назарий, замечательно. А Вы? Позвольте осведомиться.

– Уж я-то и вовсе прекрасно. Просите, чего пожелаете, прекрасная мадемуазель, вы же знаете, как я к Вам расположен!

– Одного я прошу у Вас, сударь: посвятите меня в свою тайну о том городе. Ведь ничего так не гложет моё сердце, как неизвестность, а Вашей милости скрывать больше нечего.

Назар на мгновение отвернулся. Но потом провёл рукой по уже довольно густой шевелюре тёмно-русых волос, которые так пленили здешних девушек, повернулся обратно и посмотрел Александре прямо в глаза:

– Хорошо, любознательная, но несравненная Александра. Жду Вас в полночь в той беседке в лесу. Возьмите с собой почтенного Сергея Михайловича и адъютанта Владимира Волошина. Я буду ждать. И наполню, наконец, ваши чаши любопытства.

* * *

Тёплый лунный вечер в благословенной земле был призван снова соединить блуждающие души Назара, Александры, Сергея Михайловича и Владимира. На чудной лесной поляне стояла простенькая беседка, рассчитанная на пятерых человек. В ней стоял круглый стол и пятеро деревянных стульев с мягкими сиденьями. Вверху, под крышей висела люстра со свечами, прекрасно освещавшая всю беседку, а особенно стол – довольно скромно накрытый. Здесь стоял большой чайник-заварник, вокруг которого расположились четыре чашки из того же сервиза. Немного поодаль стояла хлебница, полная несомненно вкусных печений. За стульями сидели уважаемый Сергей Михайлович, отважный Владимир и хрупкая Александра. И как только часы пробили полночь, в беседку вошёл Назарий. В этот раз он был в вечернем костюме и на лице его играла улыбка. Со словами «Приветствую, друзья!» он занял своё место аккуратно напротив Александры.

– А Вы пунктуальны, мой друг! – заметил Владимир.

– Ваше чувство юмора, уверен, станет украшением этого вечера, – парировал Назар. – Итак, всё собравшееся благородное общество хотело бы узнать некоторые подробности, я так понимаю, нашего общего с вами вояжа в *это* прекрасное место?

– Уж извольте! – элегантно кивнул головой Сергей Михайлович.

– Но сначала чай. Ведь с него-то всё и началось, друзья мои.

Владимир вскинул брови:

– В самом деле?

И тем не менее, он учтиво разлил всем чай и предложил печенье.

– Да-да... – Назар откинулся на спинку кресла и театрально погрузился во вспоминание. – Я, как известно доброму обществу, работал в сфере компьютерных технологий, особенно – в Интернете.

Александра при этом смутилась. Сергей Михайлович учтиво положил свою ладонь на её.

– Работал допоздна. И часто пил кофе. Но в тот день кофе у меня не стало, и я решил заварить себе чай. И, представьте себе, друзья, у меня дома совсем не оказалось сахара. Пришлось среди ночи идти в круглосуточный магазин, чтобы купить его. И что вы думаете? Не успел я выйти из подъезда, как у автомобиля, который стоял аккурат возле подъезда, открылись дверцы и оттуда вышли подтянутые мужчины средних лет, одетые (уж простите, Александра) натурально в спортивные костюмы и кожаные куртки!

От такой безвкусицы и признака дурного тона компания была возмущена. Но через мгновение все снова с трепетом продолжили слушать рассказ Назара.

– Я уж было подумал, что это сорвиголовы, и они хотят меня ограбить. Но они с широкими и даже искренними улыбками подошли ко мне, и один из них спросил: «Извините, молодой человек, Вы – Назарий Василенко?». Я ответил утвердительно, и они показали мне свои удостоверения, разобрать которые я не смог. Вежливо, но настойчиво они попросили вместе со мной зайти домой «обсудить один небольшой вопрос». У меня, право, не было выбора, и мы поднялись в нашу с мамой квартиру. С такими же улыбками, они, не раздеваясь и не разуваясь, уселись на мой диван. И мне хватило всего несколько минут, чтобы понять: эти люди знают обо мне всё и могут, прямо не выходя из моего дома, простите, дать указания упечь меня за решётку за мои ошибки в прошлом. Но это, известно, была только прелюдия. Дальше они перешли к сути дела.

Назар пригубил чаю и осмотрел окружающих. Только Сергей Михайлович не выдавал неистового любопытства. Остальные буквально следили Назария глазами, позабыв о чае, и печеньях. Всем своим видом они выражали крайнюю степень заинтересованности.

– Не томите, Назар! – ахнула Александра.

– Не буду, пожалуй. Скрывать ведь уже нечего. Они осведомились о моём уровне знаний компьютерных сетей. Я им дал развёрнутый ответ, что, мол, если подтяну выученный в институте материал и прибавлю к этому современные технологии, то смогу администрировать довольно большие, с вашего позволения, «узлы».

– Детали ни к чему, мой друг, – вспыхнул Владимир.

– Позвольте не согласиться. Ведь речь шла о сетях продуктовых супермаркетов и дистрибьюторских фирм. Задача была такова: они помогают мне с доступом, а я меняю сети вышеупомянутых учреждений на подставные, ненастоящие и контролируемые нужными людьми. Выбора, как видите, у меня не было, и я согласился. Догадывался, что это какая-то спецоперация, или борьба крупных корпораций. Позвольте, не буду вдаваться в подробности, но я это всё-таки сделал. Как раз в канун Нового года. Больше я этих офицеров в спортивных костюмах не

видел.

– Они сделали так, что супермаркеты и мелкие торговые дома получили именно то шампанское, которое нужно было. И проконтролировали процесс отгрузки, – заключил Сергей Михайлович.

– Именно так, – кивнул Назарий.

– И те, кто его не пил, остались в живых...

– Для того, чтобы их растерзали заражённые...

Саша ахнула, аккуратно прикрывшись шёлковым платком.

– Но зачем? И как они объяснили вымирание целого города? – спросила она.

– Затем, чтобы испробовать своё изобретение и посмотреть на развитие событий. А скрыть город? Его стоит всего-навсего закрыть. И пройдёт время, о нём мало, кто вспомнит. Таких городков по Украине – пруд пруди.

– А что за план такой у Вас был? – спросил адъютант Владимир.

– План был выйти сначала к милицейскому участку и попытаться разобраться, что происходит. Если там было бы пусто, я, вооружившись, пошёл бы к службе безопасности, городскому отделу. И уж там-то «выбивал» бы себе помощь в эвакуации. То есть план состоял в том, чтобы уйти из города. Но судьба распорядилась иначе, и город погрузился в безумство. И некому было сказать, поведать о том, что произошло в Александрии. Один только...

Назар не успел договорить. Из тени к беседке подошёл Евгений. Оглядев присутствующих, он произнёс:

– Увы, не поведаю. И мне даровали милость!